~~Ашир~~
~~432. дек. 22~~
~~Москва~~

I. стр. 61.
3845

#1169

[redacted] Conf! 1960 г.

ЛИКЕЙ,

или

КРУГЪ СЛОВЕСНОСТИ

ДРЕВНЕЙ и НОВОЙ;

сочиненіе

Ж. Ф. Лагарпа.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

переведенная

Императорской Россійской Академіи Членомъ
Петромъ Карабановымъ,
и оною Академіею изданная.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

въ Типографіи В. Плавильщикова.

1810 года.

Indocti discant, et ament meminisse periti.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 1909

ОГЛАВЛЕНІЕ СОДЕРЖАНІЙ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

стран:

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ. I.

ВВЕДЕНІЕ. IV.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. *Древніе писатели.* - 1.

КНИГА ПЕРВАЯ. *Поэзія* - - - - - - —

ГЛАВА I. *Разсмотрѣніе Піитики Аристотелевой* - - - - - —

ГЛАВА II. *Изслѣдованіе Лонгинова разсужденія о высокомъ* - 46.

ГЛАВА III. *Сравненіе Французскаго языка съ древними языками* - - - - - - - - 90.

ГЛАВА IV. *О Эпической поэзіи у древнихъ* - - - - - - - - 148

ОТДѢЛЕНІЕ I. *О Эпопеѣ Греческой.*

Гомеръ и Иліада - - 168.

Одиссея - - - - - - - 213.

ОТДѢЛЕНІЕ II. *О Эпопеѣ Латинской.* 225

Луканъ - - - - - - - 240.

ОТДѢЛЕНІЕ III. *Прибавленіе о Гезіодѣ, Овидіи, Лукреціи и Манилліи* - - - - - - - - - 289.

I

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Хотя сія книга есть плодъ наукъ, въ которыхъ упражняюсь я всю мою жизнь; однакожъ она дѣйствительно сочинена по случаю и примѣнена къ обстоятельствамъ, независимымъ отъ сочинителя. Можетъ быть никогда бы я не вздумалъ о семъ, естьлибъ не было заведенія, извѣстнаго подъ именемъ *Ликея*, появившагося въ началѣ 1786 года, и произхожденіемъ своимъ обязаннаго Музею несчастнаго Пилатра де Розіера, который потомъ предъ глазами нашими погибъ при произведеніи одного изъ воздухоплавательныхъ своихъ опытовъ, ставъ жертвою ревности своей къ наукамъ. Ревность въ составленіи его Музея не такой уже имѣла успѣхъ, какой она заслужила. Нужда заставила отъ него отказаться, продать физическій кабинетъ и библіотеку. Нѣкоторые любители наукъ, главные же изъ нихъ Монтморенъ и Монтескю, изъ коихъ первый послѣ погибъ бѣдственно и въ самое ужасное время, бывъ тогда поварищами прочимъ соучастникамъ,

основали новое заведенїе, разположенное пространнѣе и лучше, и названное Ликеемъ. Извѣстно, какой удивительный успѣхъ имѣло оно даже въ 1789 году. Сему, какъ и всякому другому успѣху, достойному или недостойному, способствовалъ погдашнїй обычай; но оный, можно сказать, вмѣшался на сей разъ въ это дѣло такъ, что ничего въ немъ не испортилъ. Одна склонность *къ переливамъ въ государствѣ*, которая также была сперва родъ обычая, но совершенно новаго и несходствовавшаго ни съ какимъ другимъ обыкновенїемъ, нанесла чувствительный ударъ Ликею, какъ вообще и всему относившемуся къ наукамъ, знанїямъ, всякаго рода наставленїю и нравственности. Долго будутъ помнить, коль чрезвычайно обезображенъ и изкаженъ былъ Ликей, и я почелъ обязанностїю моею въ семъ кругѣ словесности сохранить вспоминанїе о такомъ поношенїи. Надежда, возрожденная спасительнымъ для Францїи временемъ, положившимъ предѣлъ владычеству *ужаса*, оживила на время Ликей, и дала ему по крайней мѣрѣ

сполько свободы, что при оной хотя не опвращается опасность говорить, однакожъ не требуется необходимо и молчать, и ревностной истинѣ не возбраняется быть полезною. Но легко понять можно, что среди неизбѣжныхъ и многоразличныхъ потрясеній политическихъ Ликей никакъ уже не могъ получить прежняго своего блеска; а тѣмъ и заслуживаютъ вящшую похвалу усилія начальства, что оно нѣсколько лѣтъ борется съ обстоятельствами всякаго рода, и старается по крайней мѣрѣ сіе заведеніе предохранить отъ конечнаго разрушенія.

Между тѣмъ, по естественному послѣдствію удивительнаго того обычая и непредвидѣннаго блеска, ознаменовавшихъ благоденствіе Ликея, устремился я быстро, почти не думая о семъ, гораздо далѣе прежнихъ моихъ намѣреній, и при всегдашнихъ новыхъ ободреніяхъ, подающихъ мнѣ непрерывно новыя силы къ предпріятію труда всегда возобновляющагося, увидѣлъ я открывшееся предо мною обширное поприще, въ которое никогда бы я вступить не отважился, естьли бы

мнѣ позволено было измѣрить сперва все онаго пространство; но оно увеличиваясь непримѣтнымъ впередъ шествіемъ, довело меня наконецъ до нѣкоего предѣла, до котораго могъ я достигнуть потому только, что все способствовало къ сокрытію отъ меня его отдаленности.

Въ самомъ дѣлѣ, я долженъ признаться, что такое предпріятіе конечно было свыше силъ моихъ, естьли бы надлежало совершить оное равномѣрно во всѣхъ частяхъ, объемлемыхъ имъ, и которыхъ не могъ я равномѣрно изслѣдовать съ точностію. Смѣю даже сказать, сомнительно, чтобъ одинъ человѣкъ могъ оное кончить: для сего потребны многія совокупно дарованія и различныя знанія, въ коихъ я очень скуденъ. Правда, у насъ есть множество учебныхъ книгъ, или библіографическихъ собраній, которыхъ тѣмъ менѣе могъ я оспорить достоинство, что многія изъ нихъ не были для меня безполезны; но всѣ содержатъ въ себѣ предметы частные, или, относительно общихъ вещей, одинъ наименованія и словари. Въ сей же книгѣ,

думаю, въ первый еще разъ во Франціи, или даже въ Европѣ, представляется читателямъ повѣствованіе доказательное о всѣхъ искуствахъ ума и воображенія, отъ времени Гомера до нашихъ дней, изъ коего изключены токмо науки основательныя и науки физическія. Излишнимъ считаю повторять, колико я чувствую себя ниже толь важнаго предмета, и естьли бы кто почелъ меня менѣе, нежели сколько я хочу казаться скромнымъ, сіе по тому, что почелъ бы меня незнающѣе, нежели я есмь дѣйствительно. Ибо довольно узнать по моему примѣру нѣкоторые только предметы сего круга словесности, дабы уразумѣть такъ, какъ я, что для представленія одного какого либо изъ оныхъ въ самой цѣлости и полномъ совершенствѣ, можетъ быть, требовалось бы цѣлой жизни искусника, и при томъ искусника хорошаго. Читатель видѣлъ однакожъ, какимъ образомъ приступилъ я къ сему начертанію: послѣ увидитъ, какія употреблялъ я усилія въ теченіе двѣнадцати лѣтъ для совершенія онаго по крайней мѣрѣ по

моей возможности; и безъ сомнѣнїя тѣжъ самые, кои узна́ютъ лучше все долженствовавшее въ немъ быть, очень охотно и извинятъ меня во всемъ томъ, чего не будетъ въ немъ доставать.

Они поймутъ также, что мнѣ гораздо было тягостнѣе сократить его, нежели разпространить; а по сему не малаго труда мнѣ стоило вмѣстить его въ двѣнадцати частяхъ (*). Ежели тутъ есть еще что нибудь лишнее, какое нибудь повторенїе, неизбѣжное въ толь обширномъ сочиненїи, это не очень важно; но весьма было бы важно, естьли бы не доставало чего нибудь существеннаго: и въ такомъ случаѣ особенно прошу я людей свѣдущихъ благосклонно меня увѣдомить.

Трудъ сей не есть такая книга, въ которой находились бы первона-

---

(*) Не считая Философіи осьмнадцатаго вѣка, которая одна составляетъ обширный предметъ, писанный особо, въ разсужденіи чрезвычайной его важности, и изъ которой вышло три новыхъ части XIII, XIV и XV въ 8-ю долю листа.

чальныя понятïя для молодыхъ учениковъ, или рѣдкïя свѣденïя для людей ученыхъ: онъ, сколько я разсудить могъ, есть цвѣтъ, сокъ, сущность всякихъ служащихъ къ наставленïю предметовъ, изъ которыхъ состоитъ мое сочиненïе. Онъ есть верьхъ знанïй для тѣхъ, кои могутъ разпространить болѣе приобрѣтенныя ими свѣденïя: онъ есть дополненïе знанïй для людей свѣтскихъ, не имѣющихъ времени упражняться въ другихъ наукахъ. Но признаюсь, я желалъ, чтобъ сïе сочиненïе служило особенною книгою для ораторовъ и пïитовъ. Ежели она для нихъ полезна, то всегда будетъ имѣть свою цѣну, хотя бы для другихъ и не такъ казалась приятною, какъ бы я того хотѣлъ.

Я виновенъ былъ бы, естьлибъ она вовсе не имѣла сего качества; ибо одинъ изъ главныхъ източниковъ пріятности есть безъ-сомнѣнïя разнообразïе; а здѣсь въ разсужденïи множества различныхъ предметовъ оно само по себѣ толь велико, что не можетъ уже почесться достоинствомъ. Она могла бы еще быть разнообразнѣе

отъ различныхъ правилъ критики, приводимыхъ безпрестанно для сравненїя; но отъ мѣстныхъ обстоятельствъ и встрѣчающихся принадлежностей также никогда не заимствовались бо́льшія пособїя. Должно замѣтить, что по образу наставленїя въ нашихъ собранїяхъ могъ я, по своему разсужденїю, избрать всякой слогъ приличный содержанїю, и поперемѣнно употреблять слогъ ораторскїй, или говорить съ присвоенною вольностїю въ обращенїи съ людьми благонравными.

Сочиненїе сїе кончено въ *смутные дни*: оно частїю писано было въ продолженїе государственной перемѣны, которой разныя произшествїя естественно сами о себѣ должны здѣсь напомнить, не дѣлая никакого вліянїя во всеобщїя понятїя, всегда и вездѣ одинаковыя, въ такой книгѣ, которая по ея свойству относится ко всѣмъ временамъ и народамъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Общія понятія объ искуствѣ сочинять, о дѣйствительномъ бытіи и необходимости сего искуства, о свойствѣ правилъ, о соединеніи философіи съ искуствами воображенія, о знаменованіи словъ *вкусъ* и *геній*. (*)

Во всякомъ родѣ произведеній образцы были прежде правилъ: геній разсмотрѣлъ природу и украсилъ ее своимъ подражаніемъ; примѣчательные люди разсмотрѣли геній, и чрезъ подробное изслѣдованіе открыли таин-

---

(*) Слово *геній* въ семъ введеніи остается безъ перевода для того, что употребленіе онаго разсматривается во Французской словесности, и тѣмъ самымъ открываются разныя его знаменованія; изъ коихъ Россійскіе писатели усмотрѣвъ одно рѣшительное и точное, не будутъ уже имѣть нужды писать *геній* вмѣсто *высокій умъ* или *высокій*, *отличный*, *превозходный даръ*, что зна-

ство чудесъ его: они видя то, что уже было сдѣлано, сказали другимъ людямъ, вотъ что надобно дѣлать: и такъ поэзія и витійство существовали прежде пїитики и риторики. Еврипидъ и Софоклъ уже написали отличныя свои творенія, и Грецїя насчитывала близъ двухъ сотъ драматическихъ писателей, когда Аристотель начерталъ правила трагедїи; и Гомеръ въ стихотворенїи былъ высокъ за многїе вѣки прежде, нежели Лонгинъ покуѣился опредѣлить высокое.

Когда творческое воображенїе воздвигло первые свои памятники, что тогда произошло? Съ начала конечно удивленїе было общимъ чувствованїемъ. Собравшїеся вкупѣ люди возымѣли высокое мнѣнїе о томъ, кто внушалъ имъ познанїе о новыхъ удовольствїяхъ. Съ того времени однакожъ началась еспе-

---

читъ одно и тоже. На что изображать мысли иностранными словами въ сочиненіяхъ или переводахъ Рускихъ, когда есть или можно придумать свои? Ежели вмѣсто *goût* всѣ пишутъ *вкусъ*; то поступимъ такъ же и съ словомъ *génie*.

ственная разность впечатлѣній и суждений. Ежели первый день былъ днемъ благодарности, то вторый былъ днемъ критики. Разныя части одного какого либо сочиненія, различно понимаемыя, дали поводъ къ сравненію, предпочтенію и изключенію. Тогда въ первый разъ завелось различіе хорошаго отъ худаго, то есть, того, что болѣе или менѣе нравилось или не нравилось; ибо простый народъ хотя весьма много разнствуетъ отъ человѣка съ отличными дарованіями; однакожъ сближается съ нимъ неизбѣжною силою, которую надъ нимъ имѣетъ. Таково есть равнодѣйствіе, вѣчно между ими существующее: одинъ производитъ; другой судитъ, требуетъ отъ него удовольствій; одинъ требуетъ одобренія, домогается славы; а другой разполагаетъ ею. Но ежели сей самый народъ, слѣдуя одному естественному внушенію, и выражая покмо свои ощущенія, могъ уже въ то время, о коемъ говоримъ, вразумлять дарованіе, показывать оному, что есть въ немъ лучшаго, и озабочивать его тѣмъ, чего въ немъ не достаетъ; то колико болѣе содѣлали

добра тѣ справедливые и просвѣщенные люди, кои пожелали обратить въ пользу свое наслажденїе и утвердиться въ понятїяхъ своихъ по успѣхамъ, какихъ могли ожидать они отъ писателей! Ибо вскорѣ появилось ихъ множество: первые изобрѣтатели нашли великое число подражателей и нѣсколькихъ соперниковъ. Понятїя уже распространяются и разливаются повсюду; отпрываются новыя средства; испытываются новыя предпрїятїя; изыскиваются всѣ оныхъ способы для разнообразности и произрожденїя: въ такое время философическїй умъ можетъ изъ искуства составить одно цѣлое правильное, подчинить оное нѣкоторому приличному порядку, раздѣлить на части, разпредѣлить на роды, утвердиться на опытности въ произведенїяхъ для постановленїя точныхъ правилъ, и привести въ ясность мнѣнїе истинныхъ знатоковъ, коимъ подтверждается впечатлѣнїе проспаго народа, когда онъ послѣдуетъ однимъ впечатлѣнїямъ природнымъ, коимъ онѣ изправляются, когда сей народъ отъ опрометчивости впалъ въ за-

блужденіе, невѣжество или обманъ, и которое производитъ славу, гремящую во всѣхъ вѣкахъ.

И такъ есть искусство сочинять, есть безъ сомнѣнія. Сіе искуство безъ дарованія существовать не можетъ; но и въ дарованіи можетъ быть недостатокъ: въ доказательство сего можно привести писателей, рожденныхъ съ весьма хорошимъ расположеніемъ къ поэзіи, и не знавшихъ однакожъ искуства писать стихами. Таковы были точно Бребёвъ и Лемоань, изъ коихъ одинъ перевелъ Лукана, а другой сочинилъ поэму *Сент-Луи.*, Волтеръ сказалъ о первомъ, приводя одно мѣсто изъ его писаній; *у Бребёфа есть всегда нѣсколько хорошихъ стиховъ*; а другаго выхвалялъ воображеніе, сожалѣя о дурномъ его вкусѣ. У обоихъ много было пиитическаго духа; у обоихъ есть прекрасныя, достойныя примѣчанія мѣста, и оба лѣпъ сто уже назадъ брошены совершенно, по тому что никто ихъ не читаетъ. Сколько сей примѣръ долженъ поражать тѣхъ, которые увѣряютъ себя, что нѣсколькими хорошо написанными стихами, нѣсколь-

кими поразительными, но въ весьма худыхъ и скучныхъ сочиненїяхъ заброшенными мѣстами, они привлекутъ на себя вниманїе своихъ современниковъ и потомковъ! Имъ нечего ожидать, какъ по крайней мѣрѣ участи Бребёфа и Лемоаня, ибо есть такихъ писателей, которыхъ знаемъ мы одно имена, а никогда ихъ не читаемъ. Я сказалъ, по крайней мѣрѣ: ибо кто не превзойдетъ ихъ во многомъ, тотъ будетъ гораздо ниже ихъ.

Но кто открылъ сїе искуство первымъ начавшимъ писать людямъ? Отвѣтствую, что они его не знали. Первые опыты во всякомъ родѣ произведенїй долженствовали быть и были весьма несовершенны. Сїе искуство, какъ и всякое другое, составилось послѣдствїемъ и сравненїемъ понятїй, опытностїю, подражанїемъ и соревнованїемъ. Сколько стихотворцевъ, намъ неизвѣстныхъ, уже писали прежде, нежели Гомеръ сочинилъ Илїаду! Сколько было ораторовъ и риторовъ прежде Демосѳена и Перикла! Греки не всемъ ли научили Римлянъ? а тѣ и другіе не все ли намъ показали? Вотъ

какъ сіе произходило; и вотъ лучшій отвѣтъ тѣмъ, которые воображаютъ, будто они дѣлаютъ честь генію, отвергая бывшіе искуства, и которые показываютъ, что они не знаютъ ни того ни другаго.

Всякія ложныя умствованія скопились въ наше время для утвержденія сего безразсуднаго мнѣнія. Приводимы были писатели, которые, какъ говорятъ, успѣли безъ знанія и наблюденія правилъ искуства, напримѣръ Ле Дантъ, Шакеспиръ, Мильтонъ и прочіе. Такое разсужденіе весьма неосновательно. Ле Дантъ и Мильтонъ знали древнихъ писателей, а уродливыми сочиненіями своими прославились по тому, что въ оныхъ есть нѣкоторыя прекрасныя части, написанныя по правиламъ. Они не имѣли понятія о цѣломъ; однакожъ опытъ высокаго своего дара почерпнули такія подробности, которыя наполнены чувствованіемъ изящнаго, и правила не иное что суть, какъ сіе чувствованіе, приведенное въ порядокъ. И такъ они, или по внушенію естественному, или по размышленію знали и наблюдали правила въ

тѣхъ частяхъ своихъ сочиненій, въ которыхъ они успѣли. Самый Шакеспиръ, сколь онъ ни грубъ, упражнялся въ чтеніи и имѣлъ свѣденія: сіе доказываютъ его творенія. Иные ссылаются еще на нарушеніе въ великихъ писателяхъ извѣстныхъ правилъ, коихъ не могли они не знать, и на красоты, извлеченныя ими изъ сего самаго нарушенія; а того не видятъ, что они не брегли о нѣкоторыхъ правилахъ для того только, чтобы послѣдовать наилучшему изъ всѣхъ, именно, пожертвовать мéньшимъ для пріобрѣтенія бóльшаго. Когда есть такой въ красотахъ порядокъ, до котораго не льзя достигнуть иначе, какъ таковою погрѣшностію, какой тогда изъ сего должны сдѣлать выборъ разумъ и вкусъ? Примѣтишь, не такого ли свойства красоты, что онѣ заставляютъ забыть погрѣшность; и въ семъ случаѣ не для чего оставаться въ погрѣшимости. Такое небреженіе столь мало противно правиламъ, что строжайшіе законодатели оное предвидѣли и предписали. Сіе подтверждаетъ смыслъ оныхъ стиховъ Депреевыхъ:

IX

Quelquefois dans sa course un esprit vigoureux,
Trop resseré par l'art, sort des regles prescrites,
Et de l'art même apprend à franchir les limites.

Умъ пылкій иногда въ стремленіи своемъ,
Искуствомъ бывъ стѣсненъ, изъ правилъ выступаетъ,
И какъ прейти предѣлъ, въ немъ средства почерпаетъ.

Тожь самое бываетъ во всякомъ родѣ искуства. Коликократно великій полководецъ съ намѣреніемъ преступаетъ нѣкоторыя знаемыя имъ правила, когда находитъ средство получитъ успѣхъ въ какомъ либо необыкновенномъ случаѣ! Кто по сему скажетъ, что путъ не видно воинскаго искуства, и что не должно оному учиться?

Другое заблужденіе, которое есть слѣдствіе того, состоитъ въ намѣреніи оправдать свои ошибки приведеніемъ въ примѣръ погрѣшностей лучшихъ писателей: нѣкоторые думали еще неосновательнѣе и говорили, что сущность генія въ томъ и состоитъ, чтобъ дѣлать погрѣшности. Сіе справедливо

только по мнѣнїю Квинтиліана въ о-номъ изреченїи: summi sunt, hominés tamen, *они велики, однакожъ люди*; и по мнѣнїю Горацїя въ слѣдующихъ словахъ: Гомеръ, хотя есть Гомеръ, иногда дремлетъ. Свойство настоящаго генїя показываютъ многїя красоты, для которыхъ погрѣшности ему прощаются; сверьхъ того снизхожденїе измѣряется еще по времени, въ которое кто писалъ, и по тому, болѣе или менѣе кто имѣлъ образцевъ. Теперь когда ихъ много, погрѣшности извинительны только ради превозходныхъ красотъ. По сему то надлежитъ изслѣдовать себя безпристрастно и вопросить, не имѣемъ ли мы причины сказать такжо какъ Ипполитъ, когда онъ сравниваетъ себя съ Тезеемъ:

Aucuns monstres par moi domptés jusqu' aujourd hui,
Ne m'ont acquis le droit de faillir comme lui.

Я никакихъ еще чудовищъ не смирилъ;
И права, погрѣшать какъ онъ, не получилъ.

Ненавидящїе правилъ искуства, не зная, на кого за нихъ жаловаться,

обвиняютъ въ изобрѣтеніи оныхъ философію; и поелику лучшіе критики были хорошіе философы, то и упрекали ихъ въ томъ, что они безплодныя свои наблюденія смѣшивали съ свободною дѣятельностію воображенія. Словомъ сказать, въ наше время думали, что философія вредитъ свободнымъ наукамъ и способствуетъ ихъ паденію. Ежели изслѣдовать такой упрекъ, онъ по всѣмъ отношеніямъ найдется ложнымъ. Во первыхъ, по общему о вещахъ разсужденію, не возможно, чтобы философія, которая учитъ токмо познавать истинное, вредила свободнымъ наукамъ, составляющимъ подражаніе истинному. Да и въ чемъ упражняются философъ правоучитель и пінтъ? Тотъ и другой наблюдаютъ сердце человѣческое; одинъ для изслѣдованія, другой для изображенія и поколебанія онаго. Намѣреніе ихъ различно, а предметъ одинаковъ. Повѣствователь и витія могутъ ли обойтись безъ науки разсужденія, безъ логики, сего перваго наставленія философіи? И такъ свѣденія разума необходимо должны просвѣщать въ трудахъ вооб-

раженїе. Въ сей только вѣкъ вздумалось раздѣлить то, что цѣлою древностїю почиталось за нераздѣлимое. Аристотель, умнѣйшїй и просвѣщеннѣйшїй во времена ея мужъ, тою же рукою, которою начерталъ основанїя логики, политики и нравственности, написалъ въ безсмертную славу свою существенныя правила пїитики и риторики, и его твореніе, по прошествїи толь многихъ вѣковъ, почитается еще такимъ, въ которомъ содержатся лучшїя основанїя обоихъ оныхъ искуствъ. Цицеронъ былъ купно величайшїй ораторъ и превозходный философъ, коимъ славится древнїй Римъ; и надобно замѣтить, что учебныя его книги о краснорѣчїи, такъ какъ и книги мудреца Стагирскаго, всѣ основаны на понятїяхъ философическихъ, хотя писаны съ большею пріятностїю и съ меньшею логическою строгостїю.

Квинтиліанъ, и нынѣ еще почитаемый за наставника во вкусѣ, въ одной главѣ своихъ наставленїй именно доказываетъ необходимость союза философїи съ краснорѣчїемъ; а Плутархъ и Тацитъ опличались отъ другихъ на-

именованїемъ писателей философовъ. Боало названъ пїитомъ разумнымъ; а философїя Горацїя есть философїя всѣхъ честныхъ людей. Лучшїе стихи въ Англинской поэзїи суть тѣ, въ которыхъ Попе изъяснилъ понятїя Лейбница и Шафтесбури, такъ какъ Лукрецїй изобразилъ понятїя Епикура. Весьма извѣстно, сколько Волтеръ посѣялъ философическихъ понятїй даже въ произведенїяхъ своего воображенїя. Не льзя сказать, чтобъ его слабости не вовлекали часто въ заблужденїе его философїю: но здѣсь не прилично изслѣдывать, какое сей необыкновенный человѣкъ сдѣлалъ вліянїе во нравы своего времени, хорошее или вредное.

Начтожъ говорить, что философїя испортила вкусъ? почему на сей случай приводили примѣръ изъ Фонтенеля и Сенеки? Потому что не вразумились, потому что злоупотребленїе приняли за дѣло, а недостатки одного человѣка за недостатки цѣлаго рода. Не философїя изказила слогъ Сенеки; напротивъ, въ томъ и состоитъ достоинство его твореній, что оныя изобилуютъ мыслями остроумными,

сильными и истинно философическими, кои отъ оборота и выраженїя сдѣлались поразительнѣйшими. Главный его недостатокъ есть неудачная легкость въ изворотѣ мысли на всѣ возможные образы, доколѣ совсѣмъ уже изтощитъ оную. Онъ не умѣетъ ни остановиться, ни избрать лучшаго; обременяетъ тебя умомъ, но такое безплодное обилїе ничего не имѣетъ общаго съ философїею. Не она также къ пріятностямъ Фонтенелева слога примѣшала жеманство, мудрованїе и разборчивость, помрачающїя нѣсколько достоинство сочиненїя его *о множествѣ міровъ*, и чтенїе *разговоровъ* его дѣлающїя обременительнымъ, но которыхъ къ счастїю немногїе слѣды примѣчаются въ превозходныхъ его *похвальныхъ словахъ* академикамъ, въ его *повѣствованїи о зрѣлищахъ*; и видимая въ обоихъ сихъ твореніяхъ истинная философїя, украшенная пріятностями слога, никакими не можетъ отзываться странностями ложнаго остроумца, коими порицаютъ прочїя его произведенїя.

Ежели съ того времени, какъ вошло въ обыкновеніе размышлять, вздумалось кому либо предаваться размышленію всѣми мѣрами и при всякомъ случаѣ; ежели кто почелъ за должное обременять себя изслѣдываніемъ вещей трудныхъ, и вникать въ то, что само по себѣ просто; ежели были такія зрѣлищныя сочиненія, которыя не иное что суть, какъ собраніе низкихъ нравоученій и натянутыхъ общихъ выраженій; то не справедливо, какъ мнѣ кажется, винить въ семъ философію: равно не должно осуждать поэзію и витійство за то, что нынѣ иной хочетъ быть стихотворцемъ въ какомъ либо ученомъ разсужденіи, а другой ораторомъ въ повѣствованіяхъ.

Но говорятъ вѣкоторые: вѣкъ философіи послѣдовалъ у Римлянъ за вѣкомъ воображенія, и сіе время было временемъ изкаженія вкуса и паденія наукъ. Правда; но они при томъ въ весьма обыкновенное впадаютъ лжемудріе, употребляемое часто по недостатку разсужденія или добродушія: изъ того, что два обстоятельства спеклись вмѣстѣ, заключаютъ, что одно изъ нихъ

есть причина, а другое дѣйствїе. Такое заключенїе весьма неосновательно. По доведенїи въ Римѣ стихотворства и краснорѣчїя до совершенства, случилось то, что всегда должно случиться по свойству вещей и качеству ума человѣческаго, что случилось и съ нами послѣ вѣка Лудовика XIV; однакожъ, кто бы какъ ни говорилъ, къ бо́льшему гораздо изправленїю и славѣ, нежели съ какими остались Римляне послѣ вѣка Августова. Въ самомъ дѣлѣ, при появленїи генїя въ какомъ либо народѣ, первые, чувствующїе силь́ное его вдохновенїе, непремѣнно стараются завладѣть тѣмъ, что въ искуствѣ есть отмѣннаго, и тѣмъ, что въ природѣ есть прекраснаго. Тѣ, кои́ родятся послѣ ихъ, даже съ равнымъ дарованїемъ, менѣе уже имѣютъ выгодъ; въ тожъ время, когда судїи дѣлаются взыскательнѣе, увеличивается и трудность; ибо избытокъ хорошъ, а пресыщенїе презрительно. Нѣкоторые преимущественные люди, при доспѣлочномъ своемъ просвѣщенїи чувствующїе, что превозходное превозходно во всякое время, силятся еще превзойти первыхъ учите-

лей; и черпая изъ одного съ ними изпочника, стараются извлечь изъ онаго новое богатство; но другіе, не ощущая въ себѣ равной силы, бросаются толпами на всякія странныя и нелѣпыя нововведенія, какія только можетъ внушить дурной вкусъ; и которыя прихоть и новость дѣлаютъ иногда удачными. Тогда искуспво, искусники и судіи равно порпятся; и сіе означаетъ время паденія. Но въ тожъ самое время люди, болѣе другихъ изощренные и искуснѣйшіе въ наукахъ, обращаются къ познаніямъ фисическимъ и умозрительнымъ: ищутъ новой славы по мѣрѣ какъ слава свободныхъ наукъ обыкновенно умаляется. Такимъ образомъ послѣ владычества наукъ и геніи учреждается владычество философіи: обѣ сіи власти заступаютъ одна другую, но одна не попрясаетъ и не низлагаетъ со преспола другой.

Оставимъ же на волю тѣхъ, кои хотятъ обманывать, или сами обманываются, мѣшать безпрестанно обычай со злоупотребленіемъ, и въ лучшихъ вещахъ усматривать только излишеспво, измѣняющее испинное оныхъ своисиво.

Средство къ предохраненію себя отъ ихъ заблужденій состоитъ въ тщательномъ разсмотрѣніи начала оныхъ. Сіе средство прекрасно изображено въ слѣдующемъ стихѣ Горація: *in vitium ducit culpae fuga*, то есть:

Боясь одной бѣды, мы въ худшую впадаемъ.
C'est la crainte d'un mal qui conduit dans un pire.

Въ осьмнадцатый вѣкъ педанты, знавшіе одинъ полько слова, поносили Корнеля и Расина именемъ Аристотеля, котораго вѣрно ни къ чему тутъ приплели, судили о красотахъ, коихъ не могли понимать, ссылались на правила, коихъ не въ силахъ были употребить къ спасти, защищали пользы вкуса, который и не думалъ признавать ихъ за своихъ проповѣдниковъ. Это конечно походило на вздоръ: въ наши дни нѣкоторымъ послужило сіе поводомъ къ разпространенію другаго совсѣмъ противнаго тому вздора. Отвержены всѣ правила какъ мучители генія, хотя оныя дѣйствительно суть его путеводители; спали вводить повословіе, утверждая, что каждый имѣлъ право на составленіе себѣ языка для

изъясненія своихъ мыслей, хотя съ такимъ постановленіемъ надлежало опасаться, что чрезъ нѣсколько времени писатели не могли бы уже разумѣть другъ друга. Безславили вкусъ, считая оный какъ бы робкимъ и слабомощнымъ, хотя онъ одинъ только и поощряетъ къ удачной смѣлости. Новое сіе ученіе прорасло съ нѣкотораго времени во многихъ головахъ, а болѣе въ головахъ молодыхъ людей; казалось, что дарованіе и вкусъ не могутъ уже впредь сойтися вмѣстѣ: иные выхваляли съ нѣкоторымъ сумасбродствомъ тѣхъ, кои, какъ они говорили, *пренебрегали пріобрѣтеніемъ вкуса* (*). Не довольно ли и того, что молодые люди, склонные къ напыщенію, тотчасъ хотятъ присвоить половину сей благородной гордости и высокаго пренебреженія, и увѣряются, что когда нѣтъ въ комъ вкуса, въ томъ конечно есть геній? Не великое ли то счастіе, что можно привести имъ въ примѣръ Софокла, Демосѳена, Цицеро-

---

(*) Смѣшное выраженіе Летурнёра, когда онъ говоритъ о Шакеспирѣ.

на, Виргилїя, Горацїя, Фенелона, Расина, Депрео, Волтера, которые не поставляли себѣ за низость и нареканіе имѣть вкусъ.

Впрочемъ, тогда какъ я намѣренъ ввести нѣкоторыя предварительныя понятїя и опровергнуть заблужденїя, болѣе или менѣе общїя, остановлюсь на одномъ замѣчанїи существенномъ, которое часто приличествовать можетъ въ продолженїи нашихъ разсужденїй. Оно относится къ неудобству въ употребленїи словъ *генїй* и *вкусъ*, нынѣ очень часто и весьма не къ стати повторяемыхъ. Сїи слова, такъ какъ и другїя нѣкоторыя особенныя во французскомъ языкѣ названїя, суть выраженїя сами по себѣ отвлеченныя, пустыя и въ знаменованїи не опредѣленныя, двусмысленныя и произвольныя, которымъ тотъ, кто ихъ употребляетъ, можетъ дать значеніе такое, какое ему угодно. Такїя и многїя сего же рода другїя слова, введенныя съ того времени, какъ охота, дѣлать свои понятія общими, дошла до излишества, даютъ, кажется, слогу оборотъ философическїй и нѣкую по ви-

димому ясность; но въ самомъ дѣлѣ онѣ затмѣваютъ оный, ежели не употреблены съ великою осторожностїю и точностїю. И потому наборъ отвлеченныхъ словъ, часто прикрывающихъ недостатокъ въ мыслях и способствующихъ заблужденїю и лжемудрствїю, есть господствующїй порокъ въ писателях нашего времени, даже и во многихъ изъ тѣхъ, кои впрочемъ имѣютъ достоинство истинное. Сей порокъ особенно принадлежитъ нашему вѣку, и отъ того произошла привычка писать и говорить непонятно. Примѣры подтверждятъ сїе наблюденїе. Ничего нѣтъ обыкновеннѣе нынѣ, какъ стязанїе о генїѣ и преніе ученыхъ людей о томъ, имѣетъ ли его такой или такой сочинитель, (и дѣло идетъ о знаменитѣйшихъ), или не имѣетъ, слышишь при томъ ежедневно вопросы, были ли Расинъ и Волтеръ люди съ генїемъ; замѣтьте же, что изъявляющїе странное такое сомнѣнїе согласны въ томъ, что сочиненїя ихъ превозходны, и могутъ служить образцами: но при словѣ генїй возстаетъ преніе, и уже немогутъ между собой согласиться. Весь-

ма вѣроятно, что споръ можетъ произойти только отъ различнаго знаменованїя, слову сему придаемаго, и даже отъ трудности чувствуемой тогда, когда надобно опредѣлить оное ясно. Ибо бо́льшая часть употребляющихъ слово сїе бываетъ въ великомъ затрудненїи, когда должно его изъяснить, что и подаетъ новый поводъ къ спору. Съ помощїю такого злоупотребленїя словъ находятъ средство не признавать генїя въ величайшихъ писателяхъ, а приписывать оный самымъ худымъ, и знаютъ, что много есть людей, кои довольны бываютъ такимъ разпорядкомъ. Но пусть займутся понятїями чистыми и точными, пускай изслѣдуютъ, напримѣръ, когда идетъ сужденїе о стихотворцѣ трагическомъ, хорошїй ли сдѣланъ выборъ содержанїй въ его трагедїяхъ, порядочны ли въ нихъ разположенїя, любопытны ли и вѣроятны ли разныя произшествїя, сообразны ли съ природою свойства лицъ, приличенъ ли разговоръ, слогъ точно ли выражаетъ чувствованїя и страсти, всегда ли онъ соотвѣтственъ содержанїю и дѣйствую-

щимъ лицамъ, чисты ли и сладкогласны ли выраженія, связаны ли одинъ явленія съ другими, все ли ясно и приведено къ стати: все сіе можно употребить въ доказательство. Я полагало, что по таковомъ изслѣдованіи спросятъ еще, есть ли геній въ томъ писателѣ, который исполнилъ всѣ сіи условія; (а Расинъ и Волтеръ исполнили ихъ до единаго) и думаю, что тогда сей вопросъ покажется нѣсколько страннымъ. И потому нѣкоторые, во избѣжаніе очевидности, скрываютъ еще свое заблужденіе въ темнотѣ слова отвлеченнаго. Всѣ упомянутыя вами подробности, говорятъ они, принадлежатъ къ сужденію вкуса. Вкусъ есть чувствованіе приличій; онъ то и на учитъ всему вами сказанному: такъ, согласенъ, что вкусъ есть чувствованіе приличій; но ежели часть его такъ изящна и обширна, что онъ содержитъ въ себѣ все мною приведенное, то спрашиваю, что же останется въ удѣлъ генію? Мнѣ отвѣтствуютъ, что геній состоитъ въ *созиданіи*, и мы опять попали на одно изъ отвлеченныхъ словъ, которое надобно опредѣ-

лить. Что значитъ созидать? Подъ симъ не льзя разумѣть произведенїя чего либо изъ ничего; ибо сїе возможно единому только Богу: при томъ должно признаться, что созиданїе столько же для насъ непостижимо, сколько и очевидно. Сїе значитъ просто производить. Такъ, говорятъ мнѣ еще, но одинъ только генїй производитъ вещи новыя; словомъ, онъ изобрѣтаетъ, а изобрѣтенїе есть отличительное онаго свойство. — Изъяснимъ еще свои мысли. Что разумѣется подъ словомъ изобрѣтенїе? изобрѣтенїе ли это какого искуства? первый, получившїй объ ономъ понятїе, одинъ ли только и есть изобрѣтатель? Рѣшенїе было бы жестоко; ибо ни Рафаилъ не изобрѣлъ живописи, ни Софоклъ Трагедїи, ни самъ Гомеръ Эпопеи, ни Молїеръ Комедїи; но мнѣ кажется, никто не оспориваетъ у нихъ генїя.

И такъ надобно остаться въ тѣхъ мысляхъ, что изобрѣтенїе есть не иное что, какъ изобрѣтенїе произведенїй, и вся трудность состоитъ въ назначенїи степени генїя, смотря по тому, болѣе или менѣе удачно изобрѣ-

тены оныя. Отъ одного опредѣленїя переходя къ другому, мы уже дошли до того, что приближились къ истинѣ; ибо не взирая на произведенїя, въ коихъ Расинъ и Волтеръ были подражатели, не льзя отрицать, чтобъ между оными не находились такїя сочиненїя, которыя принадлежатъ имъ какъ совершенная собственность: и потому то они, не безъ пруда однакожъ, взошли на степень людей рожденныхъ съ геніемъ, съ тѣхъ поръ, какъ произошло единомыслїе въ разумѣнїи сего слова.

Перечитывая сочиненїя Боаловы, встрѣчаю два мѣста, изъ коихъ наипаче послѣднее весьма достойно примѣчанїя, и которыя оба совершенно доказываютъ, что слово геній, означающее нынѣ во всеобщемъ употребленїи величайшее превозходство относительно ума и дарованія, и содѣлавшееся правомъ, которое многїе весьма изключительно себѣ присвояютъ и болѣе всего у другихъ оспориваютъ, значило у всѣхъ писателей вѣка Людовика XIV не иное что, какъ расположенїе къ тому или сему.

. . . . . On a vu le vin et le hasard
Inspirer quelquefois une muse grossiere,
Et fournir sans *génie* un couplet à Liniere.

Боало.

. . . . . Вино и случай иногда
Линьеру грубую поэзію внушали,
И виршами его безъ *генія* снабжали.

Геній у нихъ весьма очевидно принятъ за естественную способность, за то, что мы называемъ *склонностію* или *дарованіемъ*, даже въ самомъ тѣсненномъ смыслѣ. Онъ не выражаетъ никакого понятія о превозходствѣ; напротивъ того, когда говоримъ, въ семъ человѣкѣ есть геній, въ семъ сочиненіи видѣнъ геній, мы хотимъ сказать о томъ, что въ ономъ есть превозходнѣйшаго. Выслушаемъ теперь, что говоритъ Боало въ одномъ изъ своихъ предисловій. „Я останусь довольнымъ, „сказавъ о такомъ дѣлѣ, о коемъ не „худо знать: осмѣивая въ сатирахъ „моихъ погрѣшности многихъ писате„лей нашего вѣка, симъ не думалъ я „лишить ихъ достоинства и добрыхъ „качествъ, кои могутъ они оказывать „въ другихъ случаяхъ. Не думалъ, гово„рю я, чтобъ напримѣръ Шапелень,

„хотя онъ и очень худой стихотво-
„рецъ, не сочинилъ нѣкогда, не знаю
„какимъ образомъ, весьма хорошей оды;
„и чтобъ въ сочиненіяхъ Г. Кинольта
„не было ни остроумія, ни пріятно-
„сти, хотя онѣ далеко не подходятъ
„къ совершенству Виргилія. О семъ
„Кинольтѣ присовокуплю даже, что
„въ то время, когда я противъ него
„писалъ, были мы оба еще очень мо-
„лоды, и что онъ написалъ тогда не
„много сочиненій, которыми потомъ
„пріобрѣлъ справедливое къ нему ува-
„женіе. Признаюсь также откровен-
„но, что есть *геній* въ писаніяхъ Сенп-
„Амана, Бребёфа, Скудери, Котена и
„многихъ другихъ, которыхъ судилъ я
„произведенія.

И такъ по мнѣнію Боало и въ Скудери, и въ Сенп-Аманѣ, и въ Бребёфѣ, и въ Котенѣ есть *геній*. Я опасаюсь, нѣтъ ли тутъ чего ни есть нѣсколько отвратительнаго для тѣхъ, кои безмѣрно желаютъ имѣть оный; ибо ясно видно, что съ *геніемъ* можно попасть, по крайней мѣрѣ у Депрео, въ весьма дурное сообщество. Признаемся, что для философовъ, занимав-

шихся наблюденїемъ различныхъ знаменованїй словъ въ разныя времена, не недостойно любопытства, что Депрео жалуетъ Коппена тѣмъ, въ чемъ нынѣ многїе люди опказываютъ Волтеру.

Я никакъ не заключаю изъ сего, что надлежитъ осуждать обыкновенїе, по которому употребляются сїи слова въ смыслѣ рѣшительномъ; сїе обыкновенїе есть всеобщее, и должно говорить языкомъ цѣлаго свѣта. Я хотѣлъ только показать, что не иначе надлежитъ употреблять ихъ, какъ придавъ къ нимъ какое либо понятїе ясное и опредѣлительное. Начнемъ же разбирать ихъ какъ грамматики; ибо грамматика есть основанїе всѣхъ нашихъ познанїй, поелику она обьясняетъ слова, которыя суть необходимые знаки понятїй. *Генїй* произходитъ отъ латинскаго слова *genius*, которое въ вымыслахъ древняго баснословїя значитъ мнимое существо, о коемъ думали, что оно присутствуетъ при рожденїи каждаго человѣка, дѣйствуетъ надъ его участїю и свойствомъ, дѣлаетъ его счастливымъ или несчастнымъ, сильнымъ или слабымъ. Отъ сего у древнихъ произо-

шли тѣ понятія о благомъ и зломъ геніѣ, которыя подъ разными названіями разпространилися въ свѣтѣ. Въ семъ то смыслѣ Расинъ, умѣвшій очень къ сценѣ примѣнять слогъ ко нравамъ и лицамъ, заставляетъ сказать Нерона, говоря объ Агриппинѣ:

Mon génie étonné tremble devant le sien.
Мой геній предъ ея препещетъ изумленный.

Латины по напряжкѣ примѣнили его ко свойству и нраву. Они даже говорили такимъ образомъ, который въ языкѣ Французскомъ показался бы очень странным: *se livrer à son génie, предаваться своему генію* (*), значило у нихъ веселиться, предаваться всѣмъ удовольствіямъ. Другіе заимствуя отъ нихъ слово геній, съ начала употребляли также, какъ они, вмѣсто добраго и злаго духа, и вмѣсто сослова свойство, вѣроломный *геній*, жестокій *геній*: потомъ разпространили его, разумѣя подъ симъ естественное разположеніе къ наукамъ и

(*) Genio indulgere.

искуствамъ ума и воображенїя, и тогда уже давали оному или хорошїй, или худой смыслъ чрезъ прилагательное.

Dans son *génie étroit* il est toujours captif...
Je mesure m n vol à mon *faible* génie...
Et les moindres défauts de ce *maigre* génie...

Всегда невольникъ онъ, имѣя геній *тѣсный*...
Я съ *слабымъ* геніемъ полетъ мой сразмѣряю...
Безплодна генія малѣйши недостатки...

Ибо его олицетворяли также, и называли *геніемъ* человѣка съ генїемъ.

Et par les envieux *un génie* excité
Au comble de son art est mille fois monté.

И завистью другихъ ставъ *геній* возбужденъ,
Стократно былъ въ своемъ искуствѣ совершенъ.

Но къ удивленїю оба сїи слова, *геній* и *вкусъ*, взятыя отвлеченно, нигдѣ не находятся, ни въ стихахъ Боаловыхъ, ни въ прозѣ Расиновой, ни въ разсужденїяхъ Корнелевыхъ, ни въ сочиненїяхъ Молїеровыхъ. Такой образъ рѣчи, какъ я уже сказалъ, принадлежитъ нашему вѣку. Что же значитъ слово *геній*, принятое за нѣчто превозходное и въ смыслѣ пространнѣйшемъ? Подъ симъ не иное что разу-

мѣть можно, какъ превозходство ума и дарованїя, и слѣдовательно оно можетъ знаменовать большее и меньшее, или высшее и низшее, и придаваться ко всему относящемуся до способностей разума. И такъ въ политикѣ можно сказать геній министра Ришелье, въ математикѣ геній Невтона, въ воинскомъ искуствѣ геній Тюренна и проч. Держась сего опредѣленїя, по меньшой мѣрѣ будемъ вѣрно знать, о чемъ говорится. Ежели кто спроситъ, есть ли у такого то писателя геній? Разсмотри его сочиненїя. Достигъ ли онъ цѣли своего искуства? Видны ли въ оныхъ такїя красоты, къ произведенїю коихъ немногїе изъ человѣковъ способны? Такое изслѣдованїе можетъ довести до ясности, когда начнемъ оное съ основанїй и разсмотримъ дѣйствїя. Ежели послѣдствїе откроется въ его пользу, такъ онъ человѣкъ превозходный: въ немъ есть геній. Но болѣе или менѣе есть въ немъ генїя предъ тѣмъ или другимъ? Въ семъ то случаѣ розысканїе не имѣетъ уже предѣла, и соглашенїе различныхъ мнѣнїй какъ бы не возможно. До нынѣ не со-

гласились еще въ томъ, кто превозходнѣе, Демосѳенъ или Цицеронъ, Гомеръ или Виргилїй: долго не согласятся также о Корнелѣ и Расинѣ. Причина сему, что каждый смотритъ своими глазами и чувствуетъ своими орудїями. Такое то изображенїе нравится болѣе или менѣе по глазамъ, которые на него смотрятъ; такое то сочиненїе кажется болѣе или менѣе хорошимъ по свѣденїямъ и свойству тѣхъ, которые въ него вникаютъ. Всякъ по себѣ выбираетъ сочинителей, также какъ забавы и сообщества. Такими стязанїями изощряется умъ людей просвѣщенныхъ и занимается праздность невѣжды. Впрочемъ наши сужденїя бываютъ соразмѣрны съ нашими познанїями; чѣмъ ближѣ какой сочинитель къ совершенству, тѣмъ меньше имѣетъ онъ истинныхъ судителей: словомъ, послѣ дарованїя, ничего нѣтъ толь рѣдкаго, какъ вкусъ.

Слово сїе, которое удобнѣе опредѣлить можно нежели генїй, у Депрео и Молїера не иначе употреблялось, какъ съ прилагательнымъ, ограничивавшимъ оное.

Le méchant goût du siecle en cela me fait peur,
Негодный вѣка вкусъ мнѣ въ томъ наводитъ страхъ,

говоритъ Мизантропъ; и что принадлежитъ до сего самаго Депрео, бывшаго великимъ знатокомъ во вкусѣ, слово вкусъ кромѣ двухъ разъ не поставлено въ его сочиненіяхъ.

Il rit du mauvais goût de tant d'esprits divers...
Au mauvais goût public la belle fait la guerre...
Смѣется надъ дурнымъ умовъ различныхъ вкусомъ....
Красотка надъ худымъ смѣется общимъ вкусомъ....

Слово сіе, перешедшее изъ собственнаго знаменованія въ переносное, можно опредѣлить такъ: вкусъ есть знаніе прекраснаго и истиннаго, чувствованіе приличій. Волтеръ представилъ оный въ видѣ божества, и всякъ чувствуетъ, что онъ вдохновенъ былъ имъ, когда воздвигнулъ ему храмъ. Съ его то напаче времени слово сіе писатели очень часто употребляли въ

смыслѣ рѣшительномъ; но весьма изкажали оное, желая непремѣнно отдѣлить его отъ генїя и дарованїя, коихъ оно есть существенная и необходимая часть. Сочинителю, неимѣющему сколько нибудь дарованїя, также не возможно писать съ отмѣннымъ вкусомъ, какъ не возможно другимъ изъявить какое либо великое дарованїе безъ всякаго вкуса. По крайней мѣрѣ съ симъ качествомъ бываетъ тоже, что и со всѣми другими, составляющими искусника. Одинъ имѣетъ онаго болѣе или менѣе, такъ какъ другой болѣе или менѣе имѣетъ легкости, плодовитости, выразительности, чувствительности, пріятности, согласїя. Кто подумаетъ, напримѣръ, чтобы Корнель не оказывалъ иногда превозходнаго вкуса въ прекрасныхъ своихъ сочиненїяхъ? и безъ сего какъ бы онъ очистилъ театръ отъ всѣхъ пороковъ, кои до него еще заразили оный? какъ бы написалъ первые стихи истинно прекрасные, истинно трагическїе, каковые только слыхали мы на зрѣлищѣ? У него было вкуса конечно менѣе, нежели у Расина и Волтера, и гораздо менѣе; но онъ

появился очень скоро послѣ невѣжества, и по сему то забываютъ безпрестанно или стараются забыть тѣхъ, кои по примѣру его хотятъ снискать уваженїе къ себѣ въ оправданїе своихъ погрѣшностей. Они не помышляютъ о томъ, что сїи погрѣшности уже не извинительны, когда искуство и языкъ исправлены и усовершенствованы. Не помышляютъ не потому, чтобъ не чувствовали сей истины; но желали бы отъ нея отдѣлаться. Потому то недостатокъ въ дарованїи называютъ они недостаткомъ во вкусѣ, и силятся увѣрить, что правила здраваго разсудка ужасаютъ, ослабляютъ, стѣсняютъ геній. Въ отвѣтъ имъ должно открыть ихъ тайну: тайна сїя есть самолюбїе и безсилїе. Въ самомъ дѣлѣ, когда имъ доказаны всѣ ихъ погрѣшности, къ чему остается имъ прибѣгнуть, какъ не къ изъявленїю презрѣнїя, толь же ложнаго, сколь и смѣшнаго, ко всѣмъ тѣмъ правиламъ, по которымъ судятся ихъ произведенїя. Но послѣднимъ для нихъ отвѣтомъ (и сей отвѣтъ будетъ рѣшительный) должно служить слѣдующее: всѣ,

какїе только были великїе мужи отъ начала искуствъ до нашего времени, послѣдовали тѣмъ правиламъ, которыя они презираютъ; а послѣдуя онымъ, достигли превозходнѣйшихъ красотъ и научились избѣгать погрѣшностей. Послѣ сего какъ не согласиться, что причиною нехотѣнїя поступать такимъ же образомъ, есть болѣе слабость, нежели твердость? А ежели изъ числа тѣхъ, у коихъ былъ геній, приводится въ примѣръ нѣкїй писатель, сочиненїя котораго показываютъ однакожъ множество величайшихъ погрѣшностей, каковъ у насъ былъ Кребильонъ; то изъ сего можно заключить покмо, что геній его былъ менѣе удаченъ и совершенъ, а слѣдовательно и не льзя его поставить на ряду съ первыми, ниже помѣстить на одной степени съ искусными и образцовыми писателями.

Я сказалъ, что сїи два слова, принятыя такимъ образомъ въ смыслѣ рѣшительномъ, были въ нашемъ языкѣ слова особенныя, и сїе заставляетъ меня сказать послѣднее замѣчанїе объ отвлеченныхъ оныхъ названїяхъ, столько же вредныхъ въ словесности, сколь-

ко и въ метафисикѣ, потому что онѣ были поводомъ многихъ нелѣпыхъ умствованій. Въ замѣну сихъ словъ, употребляемыхъ отвлеченно, нѣтъ сослова почнаго и равносильнаго въ языкахъ древнихъ. На Греческій и Латинскій вкуса нельзя иначе перевести, какъ сужденіе, никакъ не означающее всей обширности знаменованія, какое даемъ мы слову сему. Что принадлежитъ до слова геній, наиболѣе соотвѣтствующее оному Греческое или Латинское *νους*, *ingenium*, выражаетъ только умъ, разумѣніе во всѣхъ онаго смыслахъ, а не изъясняетъ, какъ сіе видно, нашего понятія. Не льзя ими выразить въ одномъ словѣ разности, полагаемой нами между умомъ и геніемъ; а нужно придать къ нимъ прилагательныя и нѣсколько другихъ словъ. Сихъ двухъ стиховъ Волтеровыхъ, напримѣръ,

Ils sont encore au rang des beaux-esprits,
Mais exclus du rang des génies,

Межъ остроумными они въ ряду остались,
Изъ ряду геніевъ исключены,

по гречески и по латинѣ иначе перевести не льзя, какъ показавъ точно различїя, кои древними всегда означались вѣрно, и сказавъ: они остаются на ряду съ остроумными, но изключены изъ ряду людей ума высокаго. Что принадлежитъ до вопроса, предложеннаго выше, есть ли геній въ томъ человѣкѣ, который написалъ прекрасныя сочиненїя, какъ бы кто словами, языку его соотвѣтственными, хотѣлъ спросить, имѣетъ ли сей человѣкъ то качество, безъ котораго не могъ онъ сочинить того, что сочинилъ; думаю, много потребовалось бы времени и выраженїй, чтобы онъ выразумѣлъ вопросъ; а хотя бы и выразумѣлъ, не нашелъ бы въ немъ никакого смысла.

Приведенные мною два стиха Волперовы напоминаютъ намъ еще о другой достойной замѣчанїя перемѣнѣ, случившейся въ языкѣ нашемъ относительно значенїя слова (bel-esprit) острый умъ. Прежде принималось оно въ смыслѣ самомъ благопріятномъ, и было почетнѣйшимъ названїемъ тѣхъ, кои съ успѣхомъ упражнялись въ словесныхъ наукахъ. Самъ Боало въ нача-

лѣ своей науки о стихотворствѣ изъясняется такимъ образомъ:

O vous donc qui brûlant d'une ardeur perilleuse
Courez du bel-esprit la carriere épineuse...

О вы, которые питая жаръ несчастный,
Въ путь остраго ума стремитеся опасный...

Нынѣ вмѣсто того другіе сказали бы, въ путь дарованія, въ путь генія, поелику слово остроуміе даетъ намъ только понятіе о достоинствѣ второстепенномъ. Перемѣна сія произошла въ то время, когда число писателей, кои заслуживали названіе остроумныхъ, умножилось еще болѣе. Тогда достоинство, принадлежавшее многимъ людямъ, не показалось уже отличіемъ почтеннѣйшимъ, и приисканы другія слова для выраженія преимущества.

Остановя васъ, милостивые государи, на подробномъ изслѣдованіи моемъ, я намѣренъ былъ дать почувствовать, сколь важно, въ трудныхъ наипаче предложеніяхъ, о коихъ разсуждать будемъ, увѣриться, съ величайшею и возможною точностію, въ сходствѣ словъ съ понятіями, и почелъ сіе предме-

томъ главнаго труда моего. Прежде нежели обозримъ достопамятные вѣки, названные по превозходству вѣками генїя и вкуса, надлежитъ начать точнымъ уразумѣнїемъ двухъ оныхъ словъ, толь же много уважаемыхъ, сколь много и презираемыхъ. Я говорилъ о связи, необходимо существующей между философїею и свободными науками, ибо часто будемъ имѣть случай примѣчать дѣйствїя, пользы и злоупотребленїе оной, и наука о стихотворствѣ сочиненная философомъ, будетъ первымъ произведенїемъ, которое насъ займетъ. Вникнувъ наперед въ риторическїя наставленїя Квинтиліана и въ разговоры Цицерона о краснорѣчїи, должно читать ораторовъ и, познавъ сїи основанїя искусствъ, сїи законы хорошаго вкуса, сличивъ ихъ потомъ въ изслѣдованїи съ образцами, съ удовольствїемъ познаете, что изящное есть одно и тоже во всякое время, потому что природа и разумъ не могутъ перемѣниться. Ненавистники всего хорошаго захотѣли возпользоваться сею истиною къ порицанїю безплодностїю ученыхъ из-

слѣдованій. Для уразумѣнія ихъ все было сказано, и замѣтьте, что сіи люди, которыхъ ни чему учить нельзя, не изъ числа очень знающихъ. Не безизвѣстно мнѣ, что разумъ, который въ философіи весьма новъ, относительно ко вкусу весьма древенъ; но съ другой стороны вкусъ оный составленъ изъ такого множества понятій смѣшанныхъ, искуство такъ обширно и разнообразно, изящное столько имѣетъ отличій тонкихъ и едва примѣтныхъ, что можно, кажется мнѣ, къ главнымъ правиламъ прибавить еще множество наблюденій новыхъ, столь же полезныхъ, сколь и пріятныхъ, примѣнясь къ симъ самымъ правиламъ; и сего рода прудъ, (ежели можно такъ назвать упражненіе, для ума тягостнѣйшее, для души привлекательнѣйшее), приличествовалъ бы только въ чтеніи и разсматриваніи писателей всѣхъ степеней. Цѣлые пять вѣковъ, замѣтныхъ въ исторіи ума человѣческаго, обозримъ мы по порядку. Можно безъ сомнѣнія изобразить оные главными чертами; но въ такомъ быстромъ обозрѣніи болѣе блеска, нежели пользы. Истинное на-

ставленїе состоитъ въ обстоятельномъ изслѣдованїи каждаго писателя, въ точномъ показанїи красотъ и недостатковъ, въ семъ безпрерывномъ занятїи сужденїя и чувствительности; примемся же безъ опасенїя за писателей извѣстнѣйшихъ. Сколько еще останется познать вещей въ томъ, въ чемъ мы почитаемъ себя очень свѣдущими! Кто изъ насъ, читая учебныя наши книги, не былъ часто удивленъ, видя въ нихъ то, чего еще не видалъ? А сколь бы еще болѣе увидѣли мы, естьли бы возможно было, чтобъ Расинъ, Волтеръ или имъ подобные открыли сами таинства ихъ генїя! Къ сожалѣнїю, довѣренности такого рода генїй не дѣлаетъ. Постараемся по крайней мѣрѣ, сколько возможно, похитить ее у него прилежнымъ изученїемъ себя, и вызнаемъ таинства, къ коимъ не были мы приобщены. Несчастїе великихъ искусниковъ, которое имъ однимъ извѣстно, и на которое жалуются они только между собою, состоитъ въ томъ, что ихъ не довольно понимаютъ. Я согласенъ, что въ ихъ произведенїяхъ есть такое вообще дѣйствїе,

которое доказываетъ успѣхъ и довлѣетъ ихъ славѣ; но сіи подробности совершенства, сіе множество драгоцѣнныхъ мѣстъ, потому ли единственно, что они стоили труда, или потому, что совсѣмъ ничего не стоили, суть такое отличіе, коимъ немногіе знатоки возхищаются одни и втайнѣ, которому всеобщихъ похвалъ не слышно, которое зависть всегда скрываетъ, котораго невѣжество никакъ не разумѣетъ, и которое, естьлибъ оное познали, было бы первою наградою истиннымъ дарованіямъ.

Вообразимъ себѣ, (намъ не возбранятся во храмѣ искуствъ пріятныя мечты воображенія) вообразимъ, что тѣни сихъ великихъ мужей присутствуютъ въ нашихъ собраніяхъ, и постараемся доставить имъ хотя по смерти ихъ единое, можетъ быть, удовольствіе, коего не имѣли они въ жизни своей; да возможетъ геній, во время нашихъ бесѣдованій, сказать самъ себѣ: они меня уразумѣли.

Но ежели они хотятъ, чтобъ мы имъ удивлялись, то должны позволить намъ быть ихъ судіями; и тогда то уже прилично напередъ оправдать то-

гущее показаться безразсуднымъ предпріятіе, обнаружишь погрѣшности писателей, ради долговременной ихъ славы и всеобщаго къ нимъ удивленія неприкосновенныхъ. Сіе самое удивленіе и даетъ намъ право на шаковую вольность, потому что сія самая вольность есть основаніе удивленія. Изъ сего слѣдуетъ, что первое ни слѣпо, ни суевѣрно, а другая ни оскорбительна, ни зловредна. Впрочемъ здѣсь надлежитъ обращать вниманіе не на одного только человѣка ученаго, говорящаго о знапокахъ искуства; но на цѣлый вѣкъ наблюденій и опытовъ, коего свѣтъ познаній отражаясь на всѣ бывшія до него произведенія словесности, озаряетъ равно красоты ихъ и погрѣшности. Утвердимся же непремѣнно въ томъ и узнаемъ вѣрно единожды навсегда, что мы о какомъ бы предметѣ ни разсуждали, о какомъ бы писателѣ ни говорили, не имѣемъ и не можемъ имѣть инаго намѣренія, иной цѣли, кромѣ самаго невиннаго, самаго благоразумнаго желанія, занимаясь пріятнымъ образомъ, научиться; я говорю мы, ибо вы безъ сомнѣнія позволите

мнѣ, Милостивые Государи, всѣхъ васъ пріобщить къ симъ ученымъ изслѣдованіямъ, въ которыхъ лестно для меня казалось быть часто хотя объяснителемъ вашимъ; а безъ надежды на сіе не имѣлъ бы я никакъ отважности ни предпріять, ни силы продолжать начатое.

Призовемъ безболзненно тѣни знаменитыхъ мужей; да блескъ ихъ окружающій помрачитъ и возтревожитъ невѣжество и зависть; мы же, ищущіе токмо наспавленія; соберемъ воедино, сколь то возможно, всѣ лучи славы ихъ, содѣлаемъ изъ оныхъ свѣтило истины; и изъ совокупности толикаго сіянія составимъ средоточіе свѣта, который разгонятъ мракъ, грозящій покрыть насъ ужасною своею мглою.

Поводомъ приглашенія васъ въ сей Ликей было желаніе совокупить здѣсь наставленіе и занятіе всякаго рода. Есть ли еще какое благороднѣйшее, полезнѣйшее и пріятнѣйшее предлагаемаго вамъ провожденіе времени? Сіе значитъ жить и обращаться съ великими людьми всѣхъ вѣковъ со времени Гомера до Волтера, и со времени Ар-

химеда до Бюффона. Пусть же нашъ народъ не тщетно будетъ хвалиться тѣмъ, что позналъ лучше другихъ пользы отъ сообщества, и всѣ удовольствія душъ честныхъ и умовъ просвѣщенныхъ. Онъ будетъ имѣть мѣсто собранія, гдѣ охотники станутъ собираться для изслѣдыванія превозходныхъ произведеній ума человѣческаго, и откуда къ счастію не изключается тотъ полъ, который однимъ своимъ присутствіемъ научаетъ употреблять правила въ наставленіи самыя кроткія и привлекательныя, предписывать каждому, кто хотя сколько нибудь воспитанъ, благопристойность и умѣренность, весьма нужныя въ собраніяхъ ученыхъ, и вѣрнымъ своимъ ощущеніемъ и скорымъ почувствованіемъ придаетъ всѣмъ впечатлѣніямъ, которыя раздѣляетъ онъ съ другими, бо́льшую приятность и дѣйствіе. Здѣсь, безсмертные сіи писатели, освященные временемъ, явятся не въ такомъ уже видѣ, какъ въ школахъ, надутые всею пышностію педанства, не въ такомъ какъ на нашихъ театрахъ, окруженные мечтами и очарованіями, но съ важно-

стїю имъ свойственною и простымъ величїемъ ихъ генїя. Здѣсь имена ихъ не иначе произносимы будутъ, какъ со изъявленїемъ такого уваженїя, которое не ослабитъ въ насъ признанїя нѣкоторыхъ погрѣшностей, смѣшанныхъ со множествомъ красотъ. Въ васъ найдетъ себѣ убѣжище оскорбленная слава ихъ, и памятники ихъ, которые могли бы изкажены быть, благоговѣнїе ваше сохранитъ безвредными. Мы всѣ равно имъ удивляемся и отъ нихъ учимся. Мой слабый голосъ не можетъ возхвалить ихъ; но ваше удивленїе означитъ ихъ красоты, и я подумаю, что уже достигъ вожделѣннѣйшей для меня цѣли, естьли мысли мои покажутся вамъ не инымъ чѣмъ, какъ собственнымъ возпоминанїемъ вашимъ. Можетъ статься, буду также надѣяться, что я не совсѣмъ безполезенъ, естьли нѣсколько минутъ, кои вы здѣсь проведете, побудятъ васъ къ пожертвованїю еще нѣкоторымъ временемъ для занятїя себя классическими писателями, коихъ худо понимаемъ мы въ первой юности, а можемъ разумѣть въ возрастѣ зрѣлѣйшемъ, но о коихъ

часто не радимъ въ развлеченіяхъ жизни разсѣянной. Нельзя иначе хорошо научиться, какъ отъ собственныхъ размышленій; навыкъ и выборъ въ чтеніи питаютъ вкусъ къ изящному и любовь къ истинному. Кончимъ сіе разсужденіе правиломъ великаго человѣка, который весьма часто въ прекрасныхъ стихахъ помѣщалъ полезныя истины:

S'occuper, c'est savoir jouir;
L'oisiveté pèse et tourmente.
L'ame est un feu qu'il faut nourrir,
Et qui s'eteint s'il ne s'augmente.

Трудъ есть прямое наслажденье;
А праздность — скука и мученье.
Душа безъ дѣйства не живетъ:
Такъ гаснетъ огнь, коль пищи нѣтъ.

Прим. Здѣсь оправдана философія въ укоризнахъ, которыя дѣйствительно должны пасть на одно только сдѣланное изъ нея злоупотребленіе; и сіе злоупотребленіе къ великому несчастію дѣйствовало какъ на науки, такъ и на нравственность, какъ на вкусъ, такъ и на обычаи. Нельзя предостеречь себя совершенно отъ общаго того заблужденія, что зло-

употребленїе приемлется за дѣло; и въ доказательство сего, что надлежитъ обвинять одно злоупотребленїе, изслѣдованїе наше покажетъ, что не истинные философы изпортили вкусъ, такъ какъ и все прочее, но люди похитившїе оное названїе и его посрамившїе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДРЕВНІЕ ПИСАТЕЛИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПОЭЗІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Разсмотрѣніе Піитики Аристотелевой.

Одному только педанству и умоизступленію вѣковъ, предшествовавшихъ возрожденію наукъ, весьма было свойственно почтеннѣйшее имя Аристотеля выставить какъ бы посмѣшищемъ. Его обвиняли даже въ нелѣпостяхъ людей, удивлявшихся ему до изступленія. Но тотъ, который сказалъ, говоря о своемъ учителѣ: *Я другъ Платону, а еще болѣе другъ истинѣ*, не наставлялъ людей предпочитать именитость очевидности, и тотъ, который научилъ ихъ первый всѣ свои понятія согласовать съ правилами умствованія, не призналъ бы за учениковъ людей, почитавшихъ наспоящимъ оправданіемъ одну сію рѣчь: *учитель такъ сказалъ*. Діалектика его, признанная основаніемъ Богословіи, содѣлала его ученіе, такъ сказать,

священнымъ, соединивъ оное съ ученіемъ церкви. Отъ того произошли узаконенія, коими и въ осьмнадцатый вѣкъ запрещалось преподавать въ училищахъ иную философію кромѣ его. Миролюбивый мудрецъ, бесѣдовавшій въ Ликеѣ Аѳинскомъ о началахъ Логики (умословія), не могъ того предвидѣть, что нѣкогда неистовство въ состязаніяхъ, соединяся съ буйною склонностію къ толкамъ, произведетъ убійство и злодѣянія; и что для имени Аристотеля многіе перерѣжутся. Но сіе имя, съ великою пагубою во зло употребленное, тѣмъ не менѣе достойно уваженія. Даже и нынѣ, когда успѣхи разума какъ бы уничтожили нѣкоторую часть его произведеній, оставшееся изъ оныхъ довлѣетъ еще къ показанію въ немъ человѣка рѣдкаго. Онъ имѣлъ конечно самый проницательный и многомыслящій умъ, какимъ едва ли кого одарила природа. Онъ обнялъ все то, что только можетъ обнять разумъ человѣческій, кромѣ отличныхъ дарованій воображенія; но хотя не былъ онъ ни витія, ни стихотворецъ, по крайней мѣрѣ превозходныя написалъ правила для Краснорѣчія и Стихотворства. Удивительнѣйшее его сочиненіе есть безспорно Логика. Онъ былъ первый изобрѣтатель сей науки которая есть основаніе всѣхъ другихъ знаній; и ежели хоть мало объ ономъ разсудимъ, не льзя безъ удивленія представить себѣ, сколько требовалось остроумія и труда для приведенія всѣхъ возможныхъ умствованій въ малое число точныхъ правилъ

съ помощію коихъ онѣ необходимо должны быть основательны, а безъ оныхъ никакъ таковыми быть не могутъ. По видимому онъ чувствовалъ, какую честь могло принести ему сіе сочиненіе; ибо въ концѣ своихъ разрѣшеній (*Аналитикъ*), въ коихъ содержится превозходный образецъ сего способа, даетъ знать, что другіе предметы, о коихъ онъ разсуждалъ, суть общи ему со многими писателями, а сей предметъ есть совсѣмъ новый, и что все имъ сказанное объ ономъ никогда не было сказано прежде его. *Онъ мнѣ стоилъ*, присовокупляетъ Аристотель, *многаго времени и великаго труда. И такъ я заслуживаю снизхожденіе за то, что мною опущено, и благодарность за то, что мною открыто.*

Исторія о животныхъ есть важнѣйшій его памятникъ, который такъ же есть и прекрасный памятникъ древности. Для сочиненія оной ученикъ его Александръ пожаловалъ ему сто талантовъ, по нынѣшнему около 5 мил. ливровъ *), и далъ повелѣнія сыскивать животныхъ самыхъ рѣдкихъ по всѣмъ частямъ свѣта. Такой подарокъ и такія повелѣнія могли быть только отъ Александра. Велики были сіи пособія, правда; но то, что Аристотель приобрѣлъ отъ своего высокаго ума, есть еще важнѣе, ежели можно положиться на Бюффона, такого судію,

---

*) 250,000 рублей.

котораго соперничества въ сихъ предметахъ никто отрицать не будетъ. Вотъ какъ онъ говоритъ о семъ въ одномъ изъ разсужденій при началѣ Естественной его Исторіи; и я думаю, что всякой съ удовольствіемъ прочтетъ мнѣніе Бюффона объ Аристотелѣ. „Исторія его о животныхъ, можетъ быть, „еще и нынѣ есть лучшее у насъ сочиненіе „въ семъ родѣ.... Можетъ быть, онъ зналъ „ихъ лучше, и по наблюденіямъ обширнѣй„шимъ, нежели какъ онѣ извѣстны нынѣ. „Онъ собралъ токмо дѣянія и ни одного сло„ва не написалъ безполезнаго. И потому въ „одной книжкѣ вмѣстилъ превеликое множе„ство различныхъ дѣяній, и я не думаю, что„бы въ малѣйшемъ числѣ словъ можно было „сказать все то, что надлежало ему гово„рить по сему предмету, въ которомъ, ка„жется, столь неудобно наблюсти краткость, „что потребно имѣть такой же, какъ его, „высокій умъ, для сохраненія въ ономъ по„рядка и чистоты слога. Сіе сочиненіе Ари„стотелево представилось мнѣ оглавленіемъ „предложеній, извлеченнымъ съ великимъ „тщаніемъ изъ многихъ тысячь книгъ, на„полненныхъ описаніями и наблюденіями „всякаго рода; оно есть самое разумное со„кращеніе изъ всѣхъ доселѣ сдѣланныхъ, „ежели только истинное знаніе состоитъ „въ исторіи самыхъ дѣяній; да хотя бы „кто и полагалъ, что Аристотель изъ всѣхъ „книгъ своего времени выбралъ то, что вклю„чилъ онъ въ свою, однакожъ разположеніе „сочиненія, раздѣленіе онаго, выборъ примѣ-

„ровѣ, точностъ вѣ сравненіяхѣ, нѣкій обо-
„ротъ вѣ понятіяхѣ, который охотно на-
„зову я признакомѣ философа, не позволя-
„ютъ сомнѣваться вѣ томѣ, чтобѣ самѣ
„онѣ не имѣлѣ знаній, гораздо обширнѣй-
„шихѣ, нежели тѣ, у коихѣ оныя заимство-
„валѣ.

Вотъ каковѣ былѣ сей Аристотель, кото-раго почти хотѣли привести вѣ совер-шенное презрѣніе, каковому со времени Декарта подверглась его Схоластика. Вѣ самомѣ дѣлѣ сія наука есть не иное что, какѣ сплетеніе пустыхѣ отвлеченностей и мечтательныхѣ поверхностей, о которыхѣ можно вести безконечные споры, ни чему не научаясь и ничего не понимая; и надобно согласиться, что вся она основана на Метафисикѣ Аристотеля, которая не лучше. Ему однакожѣ ученые обязаны за славную вѣ древней и принятую вѣ нашей философіи самоистину (аксіому), что понятія, которыя суть представленія предметовѣ, доходятъ до нашего разума посредствомѣ чувственныхѣ орудій. Она есть главное основаніе Метафисики Локковой и Кондильяковой; она, можетъ статься, одна только и была существенная истина, заключавшаяся вѣ Метафисикѣ Аристотелевой, и она только одна отвержена вѣ училищахѣ, потому что казалась противною врожденнымѣ понятіямѣ, кои долго почитались за правила непреложныя, а потомѣ совсѣмѣ отринуты со времени важныхѣ открытій новѣйшихѣ мудрецовѣ, истинныхѣ основателей

здравой Метафисики. Впрочемъ ежели онъ въ семъ поприщѣ и запутался въ то время, когда только что философія оное открыла, кажется, что извинительныя его заблужденія произошли отъ самаго свойства человѣческаго разума. И дѣйствительно, въ наукахъ естественныхъ и умозрительныхъ должно случиться противное всегдашнимъ наблюденіямъ въ художествахъ и другихъ наукахъ. Успѣхъ въ оныхъ всегда бываетъ быстръ, и усовершеніе скоро. Мы уже летимъ къ цѣли, коль скоро она назначена, потому что сія цѣль уже извѣстна, и стезю къ оной узнаемъ вскорѣ. За то превозходная Поэзія и истинное Витійство отъ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ существуютъ; отъ двухъ только обстоятельствъ, способствующихъ наиболѣе вящшимъ успѣхамъ въ сихъ искуствахъ, то есть отъ скорости въ выборѣ предмета и склонности къ подражанію, произходитъ точно медлѣнность шествія человѣка въ изслѣдываніи истины. Къ ней не легко приближиться: мы достигаемъ до нея путемъ только опыта, продолжительнымъ и прудным. Разумъ человѣческій нетерпѣливъ, а опытъ требуетъ медлѣнности. Отъ сего произходитъ, что первый прилѣпляется къ обманчивымъ призракамъ, кои называются системами, льстящими сверьхъ того его воображенію и самолюбію, удобопреклоннѣйшимъ къ обольщенію. Кромѣ сего, великіе умы наиболѣе склонны къ мечтательнымъ системамъ: ихъ обширное понятіе не можетъ терпѣть ни-

какой препоны; сомнѣніе есть для нихъ состояніе жестокое, и потому-то Декартъ и Лейбницъ, изыскивая первыя причины вещей, встрѣтили одинъ вихри, а другой монады (единицы). Когда такіе путеводители шествуютъ въ переди, прочіе люди, естественно подражатели, слѣдуютъ за ними какъ стадо и употребляютъ на изслѣдываніе заблужденій то время, которое могли бы употребить на изысканіе истины. Предѣлы Аристотелева ума въ философіи были въ теченіе двухъ тысящелѣтій предѣлами ума человѣческаго. Во время уже Галилея, Коперника и Бакона узнали, что лучше разсматривать нашъ міръ, нежели иной, и что вѣрный опытъ, постигнувшій одно какое либо дѣло, благонадежнѣе остроумнѣйшей системы, ничего не доказывающей. Тогда философія Аристотеля пала, но не пала съ нею слава его; ибо слава сія, какъ мы уже видѣли, основана на правахъ освященныхъ временемъ.

Я не говорю, чтобъ въ лучшихъ его сочиненіяхъ образъ писанія его не имѣлъ весьма примѣтныхъ недостатковъ. Философическій слогъ его съ лишкомъ суровъ, и способъ ученія весьма принужденъ. Отъ сего произходятъ сухость и плодовитость. По видимому онъ хотѣлъ во всемъ отличиться отъ учителя своего Платона, и не только преподавалъ совсѣмъ иное ученіе, но хотѣлъ ввести и другой слогъ. Платона упрекали въ излишнихъ украшеніяхъ: у Аристотеля совсѣмъ ихъ нѣтъ. Можетъ его читать толь-

ко тотъ, кто намѣренъ отъ него научиться. Онъ мѣстами бываетъ и теменъ, такъ что иногда длинными своими изъясненіями и повтореніями показываетъ, что онъ мало надѣется на понятіе своихъ читателей, а иногда, кажется, уже съ лишкомъ много на оное полагается. Въ наше время изъ обширнѣйшей его Логики умѣли сдѣлать кратчайшую. Піитика его, изъ коей дошла до насъ одна только часть, заставляющая сожалѣть и о недостающихъ, во многихъ мѣстахъ затруднила искуснѣйшихъ толкователей и подала имъ поводъ къ различнымъ мнѣніямъ. Риторика его, изъ которой Квинтиліанъ занялъ всѣ главныя свои мысли, раздѣленія и опредѣленія, въ первыхъ частяхъ писана отвлеченно и плодовито; но что принадлежитъ до ея сущности, она есть образецъ разбора. Сіи два сочиненія, и разсужденія его о *политикѣ*, суть превозходнѣйшія изъ его произведеній. Мы съ удовольствіемъ вспоминаемъ, что Аристотель написалъ ихъ для Александра, и два имена сіи, по прошествіи многихъ вѣковъ, являютъ прекрасное сліяніе славы. Сей случай есть новое изключеніе (ибо нѣкоторые были еще такіе же случаи) изъ слѣдующаго правила, сильно изображеннаго Томасомъ въ разсужденіи малаго согласія, бывающаго обыкновенно между государями и философами: *ихъ величіе*, говоритъ онъ, *притягиется и отражается*. Филиппъ царь Македонскій совсѣмъ не такъ думалъ, когда написалъ къ Аристотелю слѣдующее славное письмо, весьма часто въ примѣръ приводи-

мое, и котораго славнѣе быть не можетъ: *Увѣдомляю тебя, что мнѣ родился сынъ. Благодарю боговъ не столько за то, что они мнѣ его даровали, сколько за то, что онъ родился во время Аристотеля.* Учитель Александра не прежде съ нимъ разлучился, какъ въ то время, когда сей государь отправился для завоеванія Персіи. Онъ получилъ отъ отца ученика своего важнѣйшія права для города Стагиры своея отчизны, и для Аѳинъ, бывшихъ уже отечествомъ наукъ. Въ Аѳины и удалился онъ на тотъ конецъ, дабы по воспитаніи царя предаться философіи въ республикѣ. Аѳиняне дали ему Ликей для открытія въ ономъ училища, и одно сіе имя убѣждаетъ насъ въ томъ, что нѣсколько словъ, сказанныхъ мною въ похвалу его, не неприлично было произнести въ семъ собраніи. Можетъ быть, сіе почтется достойнѣйшимъ примѣчанія дѣломъ въ исторіи ума человѣческаго, что по прошествіи болѣе двухъ тысячь лѣтъ съ открытія Аристотелемъ Ликея Аѳинскаго похвала ему и его творенія читаны были при открытіи Ликея Французскаго. — Приступимъ къ разбору его Піитики.

Когда мы читаемъ какую нибудь поэму или видимъ представленіе какой либо драмы, всякъ изъ насъ въ состояніи дать себѣ отчетъ въ томъ, что кому болѣе или менѣе нравится, или въ совокупности, или въ частяхъ сочиненія. Такая критика, кажется, принадлежитъ всѣмъ людямъ, и притомъ самая приятная; но когда дѣло идетъ

о соображеніи того съ первыми основаніями нау[illegible] и о послѣдованіи въ семъ разсмотрѣніи философу законодателю, то требуется вниманіе отмѣнное и неослабное. Для того то весьма молодымъ еще людямъ и не даютъ читать никакого сочиненія въ семъ родѣ; думая, что сіе упражненіе очень трудно для [illegible] возраста; но оно привлекательно для люд[illegible] возраста зрѣлаго, и тогда съ удовольствіемъ видимъ всю точность и всю обширность тѣхъ общихъ познаній и первоначальныхъ понятій, употребленіе которыхъ во всѣ времена одинаково. И такъ начиная говорить о Поэзіи, древнѣйшей изъ всѣхъ искусствъ разума у всѣхъ извѣстныхъ народовъ, и по видимому свойственнѣйшей человѣку, постараемся сперва узнать отъ наставника нами избраннаго, почему люди начали упражняться въ семъ искуствѣ прежде, и на чемъ основано то удовольствіе, какое оно доставляетъ намъ. Аристотель полагаетъ сему двѣ причины: „Кажется, Поэзія произошла „отъ двухъ вліянныхъ въ насъ природою чув„ствій. Всѣ мы имѣемъ склонность къ под„ражанію, которая оказывается съ самаго мла„денчества нашего. Человѣкъ склоннѣе всѣхъ „[illegible]ъ животныхъ къ подражанію, а сіе „и есть одно изъ свойствъ, кои насъ отъ „[illegible] отличаютъ. Чрезъ подражаніе и воз„[illegible] мы первыя наставленія; нако„[illegible] [illegible] [illegible] нравится намъ. Тѣ „[illegible] на которые не могли бы мы „смотрѣть безъ отвращенія, если бы они „были [illegible] существенные, какъ то безоб-

„разные звѣри, трупы, разсматриваемъ съ „удовольствіемъ на картинѣ, даже и въ са„момъ истинномъ ихъ изображеніи.

Всѣ таковыя мысли кажутся тебѣ безъ сомнѣнія вѣрными и неоспоримыми, и ты въ послѣднемъ реченіи узналъ источникъ, изъ котораго Депрео почерпнулъ сіи два стиха Науки своей о Стихотворствѣ:

Il n'eſt point de ſerpent, ni de monſtre odieux
Qui, par l'art imité, ne puiſſe plaire aux yeux. *etc.*

Змѣи, чудовища, всѣ гнусныя созданія
Намъ могутъ нравиться въ искуствѣ изображенія.

Но признавъ главнос сіе правило истинным, замѣтимъ, что оно можетъ [illegible] быть ограничено, и что такого же свойства всѣ почти правила, которыя мы постановить намѣрены. Тотъ же здравый разсудокъ, который внушилъ намъ оныя, научаетъ не принимать ихъ во всей [illegible] обширности, въ которой полагаются [illegible] только самоистины математическія. Итакъ, хотя подражаніе есть источникъ удовольствія, не должно думать, что всему равно подражать можно. Въ самой живописи, имѣющей главнымъ своимъ предметомъ подражаніе вещественному, надобно дѣлать выборъ, и много есть такихъ вещей, которыя въ изображеніи показались бы непріятными, кольми паче въ Поэзіи, долженствующей наиболѣе подражать съ выборомъ, и подражая украшать. Правило сіе, кажется, самое про-

стое. Горацій и Депрео оба приняли за законъ разумное сіе ограниченіе, которое самъ Аристотель положилъ главнымъ основаніемъ, какъ мы вскорѣ по увидимъ, слѣдуя его путемъ. При всемъ томъ оно часто забывается, даже и со времени усовершенія искусства: и сколько разумъ человѣческій подверженъ заблужденію, сіе видно изъ того, что при первомъ нашемъ шагѣ, едва только утвердимся въ какой либо истинѣ основательной, тотчасъ встрѣчаемъ уже сдѣланное изъ нея злоупотребленіе. Я не говорю объ однихъ Англичанахъ, которымъ сочинитель *Храма Вкуса* весьма справедливо сказалъ:

Sur votre theâtre infecté
D'horreurs, de gibets, de carnages,
Mettez donc plus de verité,
Avec de plus nobles images.

Въ театръ вашъ, въ коемъ вы казните,
Гдѣ звѣрство, ужасъ зримъ одинъ,
Вы больше истины введите
И благороднѣйшихъ картинъ.

Но мы сами, которыхъ примѣръ Корнелія и Расина научилъ въ седьмыйнадесять вѣкъ быть разборчивѣе, мы нѣсколько лѣтъ уже начали опять вводить явленія ужасныя и отвратительныя, принадлежащія къ младенчеству искуства. Примѣровъ сему такъ много, и такъ они извѣстны, что не нужно приводить ихъ здѣсь: мы часто будемъ имѣть случай говорить о томъ въ другихъ мѣстахъ.

Когда Волтеръ написалъ *Танкреда*, пронеслась молва, что въ театрѣ видимо будетъ казнилище, на коемъ долженствовала погибнуть Аменаида. Это была сущая ложь, и сочинитель никакъ о томъ не думалъ. Нѣкто по сему случаю писалъ къ нему: *Берегитесь подать такой примѣръ; ибо ежели геній воздвигнетъ казнилище въ театрѣ, то подражатели возведутъ на оное колесованнаго.*

Впрочемъ равномѣрно въ порядкѣ вещей есть и то, чтобы посредственныя дарованія производили таковыя чрезвычайности въ то время, когда мы заботимся найти лучшее, не зная предѣла хорошему; чтобы любовь къ новости заставляла хвалить ихъ, а разумъ надъ ними смѣялся. Но несправедливо то, что многіе хотятъ славиться чувствительностію, когда имѣютъ нужду въ таковыхъ жестокихъ потрясеніяхъ сердца; ибо и чувствительность включена въ число пустыхъ словъ, составляющихъ нынѣшній словарь. Злоупотребленіе сего слова такъ смѣшно и такъ распространено, что нынѣ умному человѣку надлежитъ съ крайнею осторожностію наблюдать, гдѣ помѣстить его, ежели не хочетъ подвергнуться посмѣянію новизнолюбителей. Оно есть любимое выраженіе людей, потерявшихъ чувствія, которые не способны будучи ни къ какимъ ощущеніямъ нѣжнымъ, хотятъ однакожъ, что бы ихъ какъ нибудь разтрогали, и безпрестанно жалуются на недостатокъ чувствительности, которой, въ самомъ дѣлѣ,

вѣ нихъ только и нѣтъ. Имъ только одинимъ и нравятся зрѣлища жестокія, такъ какъ черни торжищныя казни; для нихъ только писатели и предаются бѣшенству, а лицедѣи одержимы бываютъ корчами; словомъ, сіе означаетъ неодолимую страсть ко всякимъ крайностямъ, пагубнѣйшую для удовольствія всякаго рода: и сіе по называется нынѣ чувствительностію. Кто однакожъ ее имѣетъ? Тотъ, кто проливаетъ слезы, услышавъ нечаянно въ театрѣ нѣсколько Расиновыхъ стиховъ, произнесенныхъ голосомъ истины, а не тотъ, который кричитъ *браво*, когда.... Предоставляю каждому изъ васъ кончить недописанное реченіе, которое по истинѣ меня одного только приводитъ въ затрудненіе.

Разсужденія о первомъ предложеніи Аристотеля завлекли насъ нѣсколько далеко. Возвратимся къ той пріятности, каковую подражаніе доставляетъ всѣмъ людямъ, и которой причину намѣренъ показать Аристотель. Онъ говоритъ,, что не только „мудрые, но и всѣ вообще люди находятъ „удовольствіе въ познаніяхъ; а для пріобрѣ„тенія оныхъ нѣтъ кратчайшаго пути, какъ „изображеніе. „ Сія мысль поль же справедлива, сколь и дальновидна; но, мнѣ кажется, можно болѣе разпространить оную, давъ нашему воображенію великое участіе въ томъ, что сей писатель присвояетъ единому разсудку. И дѣйствительно, всякое подражаніе пріятнымъ образомъ изощряетъ наше воображеніе, которое есть способность пред-

сіпавляпть намъ предметы такъ, какъ бы оные были присутственны, и наше удовольствіе обыкновенно состоитъ въ сравненіи изображеній, представляемыхъ намъ искуствомъ, съ тѣми, которыя уже въ умѣ нашемъ начертаны.

Другая первоначальная причина Поэзіи, по мнѣнію Аристотеля, есть наша склонность къ риѳму (rithme); или мѣрности и пѣнію, которая не менѣе намъ свойственна, какъ и склонность къ подражанію. Дабы почувствовать, сколь замѣчаніе сіе справедливо, надобно вспомнить, что первобытные стихи были пѣты, и сверьхъ того на всѣхъ извѣстныхъ языкахъ поются одни только почти слова размѣренныя, что и доказываетъ сродство пѣнія съ риѳмомъ. Такъ какъ слово риѳмъ, взятое съ Греческаго, вошло и на Французскомъ языкѣ во всеобщее употребленіе; то теперь и прилично дать оному точное объясненіе ибо когда такъ называемыя технической или искуственныя слова сдѣлались употребительными, що часто случается, что не довольно-свѣдущіе люди не къ стати ихъ употребляютъ, либо худо понимаютъ, когда читаютъ ихъ. Риѳмъ есть опредѣленное пространство, назначенное для соглашенія онаго съ другимъ пространствомъ одинакаго рода (*). Сіе общее опредѣленіе по необхо-

---

(*) Баттё. Въ книгѣ подъ названіемъ *Четырехъ Ніитикъ.*

димости нѣсколько отвлеченно: оно будетъ гораздо яснѣе, когда примѣнимъ его къ тремъ дѣйствіямъ, наиболѣе способнымъ къ риѳму, а именно къ рѣчи, къ пѣнію и пляскѣ. Въ рѣчи риѳмъ есть опредѣленное количество слоговъ или словъ, согласующееся съ другимъ таковымъ же количествомъ; какъ на примѣръ, риѳмъ нашего Александрійскаго стиха составленъ изъ двѣнадцати слоговъ, которые во всѣхъ стихахъ одинакаго рода производятъ равномѣрное продолженіе по ихъ прерываміъ и сочетаніямъ. Въ пляскѣ риѳмъ есть количество движеній, согласующихся между собою видомъ, числомъ и продолженіемъ. Опытомъ дознано, что человѣку всего свойственнѣе риѳмъ. Кузнецы бьютъ молотами по желѣзу въ мѣру, какъ и Виргилій сказалъ сіе о Циклопахъ, да и по большей части движенія наши суть риѳмическія или мѣрныя, то есть имѣютъ нѣкую правильность. Оная склонность къ риѳму подала поводъ къ размѣру словъ, изъ чего составился стихъ, и къ размѣру звуковъ, изъ чего произошла музыка. Аристотель говоритъ, что въ началѣ сдѣланы опыты произвольные, случайные или нечаянные; ибо и его выраженіе заключаетъ въ себѣ ту же мысль. Опыты сіи мало по малу разпространялись, произвели Поэзію, раздѣлившуюся сперва на два рода, по свойству писателей: на Героическій, который посвященъ былъ хвалѣ боговъ и героевъ; на Сатирическій, коимъ изображалися злые и порочные люди. Въ послѣдствіи Эпопея, переходя отъ повѣствованія къ дѣйствію, роди-

ла Трагедію, а Сатира тѣмъ же средствомъ произвела Комедію. Аристотель присовокупляетъ къ сему: „Коль скоро Трагедія и Ко„медія появились, тіо изъ всѣхъ тѣхъ, кои „чувствовали въ себѣ сильное влеченіе къ „тому или другому изъ сихъ двухъ родовъ, „одни предпочли сочиненіе комедій вмѣсто „сатиръ, другіе сочиненіе трагедій вмѣсто „героическихъ поэмъ, ибо новыя сіи сочи„ненія болѣе являли блеска и болѣе дѣлали „стихотворцевъ знаменитыми.„ Замѣчаніе сіе доказываетъ, что у Грековъ, какъ и у насъ, драматическое стихотворство всегда занимало первую степень. Можно также замѣтить, что между различными родами Греческаго стихотворства, о коихъ Аристотель обѣщалъ говорить въ той части своего разсужденія, которая потеряна, были такіе, о коихъ у насъ не осталось никакого признака, дивирамвъ, номъ, сатира и мимы. Мимы, какъ заключаютъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ древнихъ писателей, значили стихотвореніе вольное и непристойное. Номомъ называлась пѣснь священная, сдѣланная на случай какого либо празднества. Дивирамвъ въ началѣ назначенъ былъ для прославленія Вакховыхъ подвиговъ, а потомъ употребленіе онаго разпространилось на подобные предметы, то есть на похвалу славныхъ мужей. Изъ всего того не осталось ничего кромѣ названія. Извѣстно, что Архилохъ, Иппонаксъ и многіе другіе писали сатиры прямо на лица; но Греки сатирою называли также непристойныя и шутов-

скія драмы. До насъ дошла одна такая драма *Циклопъ* Еврипидовъ: судя по ней, не для чего жалѣть и о прочихъ.

Аристотель немногое сказалъ о комедіи и эпопеѣ, потому что намѣревался говорить о нихъ въ продолженіи своего разсужденія. По его мнѣнію эпопея есть, какъ и трагедія, подражаніе изяществу природы. Словомъ, первая разнится отъ вшорой тѣмъ, что та подражаетъ повѣствованіемъ, а сія подражаетъ дѣйствіемъ. Къ сей разности въ образѣ сочиненія присовокупляетъ онъ разность ихъ продолженія, которое неопредѣленно въ эпопеѣ, а трагедія заключается (по выраженію сего писателя) въ суточномъ обращеніи солнца, или нѣсколько болѣе. Изъ сего видно, что Аристотель вовсе не причастенъ той педантической строгости, которую вздумали приписывать его правиламъ. Для назначенія, называемаго нами наблюденіемъ суточнаго дѣйствія, оставляетъ онъ ту приличную долготу времени, безъ коей мы должны были бы упустить многіе важные случаи; а прибавку или убавку въ ономъ нѣсколькихъ часовъ не считаетъ за важнѣйшее дѣло. Что принадлежитъ до эпопеи, сравниваемой съ трагедіею, онъ говоритъ весьма основательно: „Все, что заключает„ся въ эпопеѣ, есть такъ же и въ траге„діи; но не все, что заключается въ траге„діи, есть въ эпопеѣ.„ Онъ полагаетъ, что сію послѣднюю можно безъ разбора писать прозою или стихами, съ каковымъ мнѣніемъ

новѣйшіе писатели не согласны: нѣкоторые сильно стараются поддержать оное; но вообще почитается оно несновательнымъ; и странствіе Телемака, сколь ни удивительно сіе произведеніе, не могло получить у насъ названія поэмы, коего никакъ не думалъ дать оному и самъ сочинитель. Причиною сей разности во мнѣніяхъ между древними и нами можно, думаю, полагать ту высокую мысль, которую справедливо заслуживаетъ отъ насъ весьма рѣдкое достоинство писать хорошо стихами на такомъ языкѣ, на коемъ стихосложеніе чрезвычайно трудно. Мы не хотѣли сего достоинства отдѣлить отъ толь важнаго творенія, каково есть эпическая поэма, и намъ не приходитъ и на умъ отдѣлить стихотворство отъ стихосложенія. Думаю, что мы о семъ весьма справедливо разсуждаемъ. Преодолѣніе трудности не только придаетъ изящнымъ искуствамъ бо́льшую прелесть, но и открываетъ обильный источникъ новыхъ красотъ. Не должно лишать чести толь превозходнаго искуства, каково есть стихотворство: естьли бы можно было сдѣлаться стихотворцемъ въ прозѣ, многіе пожелали бы сего, и надобно признаться, что довольно уже́ есть такихъ охотниковъ. Впрочемъ Латинскіе писатели, кажется, мыслили о томъ не иначе, какъ мы, и не знали такой поэмы, которая не была бы написана стихами. Можно полагать, что даже и у Грековъ общее мнѣніе превозмогло мнѣніе Аристотеля, поелику не находимъ ни одного

мѣста въ древнихъ писателяхъ, изъ коего можно было бы заключить, чтобъ прозаическій писатель почитался за стихотворца. При семъ случаѣ вспомнилъ я забавное выраженіе Волтера, не почитаемое конечно за важнѣйшее и по его мыслямъ изреченіе, но изображающее довольно ясно то изступленіе, которое намѣренъ былъ онъ вдунуть стихотворцу къ своему искусству. Одинъ изъ его пріятелей вошедъ къ нему въ то время, когда онъ писалъ, хотѣлъ уйти, опасаясь ему помѣшать. *Войдите, войдите*, сказалъ ему Волтеръ съ веселымъ видомъ, *я теперь занимаюсь бездѣлицею — прозою.* Разсуждая о достоинствѣ его прозы, удобно поймемъ, что значитъ сія шутка.

О комедіи въ немногихъ словахъ Аристотель сказалъ слѣдующее: „Извѣстно, „чрезъ какія степени и какими писателями „усовершенствовалась трагедія. Комедія не „имѣла равнаго успѣха, ибо она въ началѣ „своемъ не обратила на себя такого же вни„манія. Уже довольно въ поздное время ар„хонты начали ею забавлять народъ: игра„ли ее изъ доброй воли лицедѣи, не бывшіе „ни на жалованьи, ни подъ начальствомъ „правительства. Но какъ скоро приведена „она въ нѣкоторый порядокъ, то появились „и комическіе именитые писатели. Извѣст„но, что Эпихармъ и Формидъ начали вво„дить въ оную нѣкое дѣйствіе. Оба они были „Сициліяне: по сему комедія произошла изъ „Сициліи. У Аѳинянъ Кратесъ первый оставилъ комедіи, называвшіяся личными, поло-

„му что въ оныхъ именовались лица и пред-
„ставлялись дѣянія, случившіяся въ самомъ дѣ-
„лѣ. Когда такія сочиненія запрещены были
„правительствомъ, Кратесъ первый ввелъ въ
„оныя имена и дѣйствія вымышленныя.

Здѣсь можно только замѣтить бывшее у древнихъ обыкновеніе, изъ театральныхъ представленій дѣлать народное торжество. Изъ архонтовъ, первыхъ судей Аѳинскихъ, одному поручалось особенно управленіе зрѣлищами. Онъ покупалъ у писателей сочиненія и заставлялъ играть оныя на иждивеніи республики. Такое постановленіе произвело два дѣйствія: оно возпрепятствовало усовершенствованію искуства во всѣхъ частяхъ онаго, какъ то было и между нами, когда привычка ко вседневному зрѣлищу изощрила болѣе разумъ судей и сдѣлала ихъ строжайшими; но съ другой стороны сіе самое постановленіе предупредило охлажденіе и долго сопротивлялось повержденію искуства; по крайней мѣрѣ мы не видимъ, чтобъ у Грековъ послѣ Эврипида и Софокла совершенно забыты были, такъ какъ у насъ, всѣ правила здраваго разсудка. Во время уже сихъ двухъ великихъ мужей, а паче ихъ произведеніями трагедія доведена до высочайшей степени славы. „Послѣ многихъ пе-
„ремѣнъ, говоритъ Аристотель, она оста-
„лась въ томъ видѣ, въ какомъ теперь, и
„который есть настоящій ея видъ; но из-
„слѣдовать, достигла ли она, или нѣтъ, пол-
„наго своего совершенства, относительно
„актера, или сама по себѣ, есть иное дѣло.

Онъ не разсудилъ заблаго войти въ разсмотрѣніе сего вопроса, о коемъ, можетъ быть, разсуждалъ въ той части своихъ сочиненій, которая потеряна. Впрочемъ такая въ словахъ осторожность означаетъ человѣка весьма разумнаго, не хотящаго положить предѣлы ни искусству, ни дарованіямъ.

Комедію опредѣляетъ онъ такимъ образомъ: она есть *подражаніе худому, присмѣшкою не во всей обширности своего смысла, но худому, причиняющему стыдъ и производящему смѣхъ*. Онъ, какъ мнѣ кажется, очень хорошо вникнулъ въ главный предметъ и отличительное свойство комедіи. Опытъ оправдывалъ сего законодателя каждый разъ; когда въ комедіи поносимы были паче ненавистные пороки, нежели странности и смѣшныя нелѣпости. Сочинитель *Тщеславнаго* не успѣлъ въ *Неблагодарномъ*. Не говорю, чтобъ и въ *Тартюфѣ* не было такой же ошибки, да еще и чрезвычайной; но ужимки его лицемѣрія и выраженія святоши, припутанныя къ любовнымъ его предпріятіямъ, дѣлаютъ въ семъ лицѣ оборотъ комическій, умѣряющій его лютость и низость; а въ томъ и состоитъ наилучшее произведеніе искуства; что сіе лице сдѣлалось театральнымъ.

Послѣ сихъ общихъ наблюденій Аристотель начинаетъ разсматривать трагедію, которую, кажется, считаетъ онъ за величайшій и труднѣйшій всѣхъ искуствъ воображенія подвигъ. Опредѣляетъ ее такъ: *Трагедія есть подражаніе какому нибудь дѣйствію важному,*

„полному, имѣющему извѣстное прост-„ранство, подражаніе составляемое изъ „рѣчей, коихъ украшенія содѣйствуютъ „предмету сего сочиненія, долженствую-„щаго ужасомъ и жалостію изправлять „въ насъ сіи же самыя страсти.

Сперва остановлюсь я на послѣднемъ членѣ сего опредѣленія, потому что оный худо изъясненъ, и дѣйствительно трудно было изъяснить лучше. Всякой напередъ спроситъ, что такое значитъ изправлять, очищать (ибо слово сіе употреблено въ реченіи Греческомъ) ужасъ и жалость внушеніемъ оныхъ въ насъ. Въ седьмыйнадесять вѣкъ, когда всѣ критики согласно между собою положили, чтобъ сущностію всѣхъ произведеній воображенія была прежде всего нравственная цѣль, нѣкоторые подумали, что мнимое правило сіе отыскалось въ томъ мѣстѣ, о коемъ здѣсь говоримъ. А по сему разныя послѣдовали изъясненія. Вотъ изъясненіе Корнеліево, вѣроятнѣйшее въ семъ смыслѣ и выразительнѣйшее. „Жалость, при воз-„зрѣніи на несчастіе намъ подобныхъ, за-„ставляетъ насъ бояться могущаго случить-„ся и съ нами такого же бѣдствія, боязнь „поселяетъ желаніе избѣгнуть онаго, а сіе „желаніе побуждаетъ очистить, умѣрить, „изправить и даже изкоренить страсть, „погружающую предъ глазами нашими въ „несчастіе тѣхъ людей, о которыхъ мы жа-„лѣемъ; по той общей, но естественной и „несомнительной причинѣ, что для изтре-„бленія дѣйствія должно изтребить причи-

„ну.„ Сіе умствованіе очень хорошо; но естьлибѣ тожѣ самое хотѣлѣ сказать Аристотель, онѣ извяснился бы очень худо вѣ самомѣ простомѣ дѣлѣ; ибо тогда сказалѣ бы онѣ только, что трагедія изправляетѣ вѣ насѣ ужасомѣ и жалостію страсти, причиняющія намѣ бѣдствія, представленія коихѣ производятѣ сей ужасѣ и сію жалость: но онѣ совсѣмѣ говоритѣ не по; онѣ говоритѣ точно сими словами, очистить, умѣритѣ, ограничитѣ (сибо Греческое слово изображаетѣ сіи приличныя мысли) ужасѣ и жалость: и по тому то самому, что не хотѣли послѣдовать ему слово вѣ слово, удалились отѣ его мысли. Онѣ хочетѣ сказать, какѣ сіе и доказано очень хорошо вѣ наше время, что предметѣ всякаго подражанія театральнаго, вѣ то время, когда оно возбуждаетѣ жалость и ужасѣ, показывая вѣ насѣ дѣйствія притворныя, состоитѣ вѣ умягченіи, умѣреніи вѣ насѣ того, чѣмѣ сія жалость и сей ужасѣ были бы для насѣ тягостны, естьли бы представляемыя намѣ дѣйствія видѣли мы на самомѣ дѣлѣ. Такѣ понимаемая мысль Аристотеля есть толь же справедлива, сколь и ясна. Ибо кто могѣ бы свесть, напримѣрѣ, зрѣлище бѣдствій Эдипа, или Андромахи, или Гекубы, естьлибѣ сіи бѣдствія дѣйствительно произходили предѣ нашими глазами? Такое зрѣлище не только не было бы для насѣ приятно, но причинило бы намѣ мученіе; и вотѣ прелесть, чудодѣйствіе подражанія, умѣющаго доставлятѣ тебѣ удовольствіе тѣмѣ самымѣ, что во вся-

комъ другомъ случаѣ было бы тебѣ сущимъ страданіемъ. Вотъ таинство природы и искуства соединенныхъ вкупѣ, которое достоинъ былъ поспигнуть такой философъ, каковъ Аристотель.

Обязаннымъ себя почитаю объявить здѣсь, что увлеченъ будучи именитостію всѣхъ искуснѣйшихъ толкователей, самъ я въ *опытѣ о Греческихъ трагикахъ* принялъ давнее изъясненіе, которое теперь осporивалъ, хотя я очень сократилъ оное и отринулъ всякія заключенія, какія хотѣли изъ онаго вывести, и которыя показались мнѣ весьма ложными. Я нашелъ въ переводѣ Аббата Батіё *Науки Аристотелевой о Стихотворствѣ* изъясненіе новое, которое долженъ былъ предпочесть прежнему: онъ весьма пространно говоритъ о причинахъ, къ сему его склонившихъ: упоминать объ оныхъ было бы здѣсь не къ стати; но онѣ показались мнѣ рѣшительными, и ясность ихъ меня убѣдила.

Невѣжество хотѣло иногда воспользоваться противурѣчіями, кои случаются между упражняющимися въ познаніи древности. Какъ имъ вѣрить, говорило оно, ежели сами они между собою не всегда согласны? Въ разсужденіи сихъ противурѣчій можно призвать во свидѣтельство того, кто кромѣ своего знаетъ какой либо другой языкъ, даже языкъ употребительный нынѣ. Извѣстно, что нѣтъ ни одного языка, на коемъ у писателей не оказалось бы мѣстъ подлежащихъ изслѣдованію читающаго ихъ

иностранца. Кольми паче должно ожидать такихъ же трудностей въ языкѣ мертвомъ, коего древнѣйшіе памятники могли или и должны были крайне повредиться; что не лишаетъ однакожъ возможности согласиться въ большей части таковыхъ писаній, поелику очень часто не бываетъ въ оныхъ нималаго недоразумѣнія, развѣ кто самъ найти оное пожелаетъ.

Разсмотримъ другія части опредѣленія. *Трагедія есть подражаніе дѣйствію важному.* Такъ, безъ сомнѣнія. Одни только новѣйшіе писатели удалились отъ сего правила. Смѣсь дѣльнаго съ шутовскимъ, важнаго со смѣшнымъ, крайне изкажаетъ Англинскія и Испанскія трагедіи, и означаетъ остатокъ непросвѣщенія. Аристотель прибавляетъ, что сіе дѣйствіе должно быть *полное и извѣстнаго пространства.* Онъ изъясняется такъ: „полнымъ я называю то, „что имѣетъ начало, средину и конецъ.„ Что принадлежитъ до пространства, вотъ его мысли, имѣющія значеніе важное. „Всякій составъ, животный и искуственный, „чтобъ заслужить названіе прекраснаго, долженъ быть въ частяхъ своихъ строенъ и „имѣть пространство приличное для его „соразмѣрности; ибо красота сопрягаетъ понятія о величинѣ и устройствѣ. Животное самое малое не можетъ быть прекрасно, потому что надобно смотрѣть на него изблизи, и потому что съ лишкомъ стѣсненныхъ частей различить не возможно. Съ другой стороны не льзя предмета

„величины чрезвычайной, животнаго, пола-
„гаемаго мною въ тысячу стадій длины,
„разсмотрѣть иначе, какъ по частямъ; не ль-
„зя обьять его сразмѣрностпи и совокупно-
„сти: слѣдовательно не можетъ оно быть
„и прекрасно. Какъ въ животныхъ и дру-
„гихъ тѣлахъ естественныхъ требуется
„извѣстная величина, которую можно было
„бы объять однимъ взглядомъ, такъ равно
„и въ дѣйствіи какого либо стихотворенія
„требуется извѣстное пространство, копіо-
„рое могло бы вдругъ быть объято и пред-
„ставишь въ умѣ нашемъ картину. Но ка-
„кая должна быть сего пространства мѣра?
„сего то искусство и не можетъ опредѣ-
„лить точно. Довольно, чтобъ было про-
„странство нужное для того, дабы произ-
„шествія рождались однѣ отъ другихъ прав-
„доподобно, чтобъ въ оныхъ видима была
„перемѣна благополучія въ несчастіе, или не-
„счастія въ благополучіе.

Чѣмъ больше о сихъ правилахъ разсуж-
дать будемъ, тѣмъ больше почувствуемъ,
сколь онѣ вѣрно основаны на познаніи о при-
родѣ. Кто, напримѣръ, усомниться можетъ
въ томъ, чтобъ трагедіи Лопеца де Веги и
Шакеспира, содержащія въ себѣ столько при-
ключеній, что человѣкъ при самой твердой
памяти съ трудомъ можетъ ихъ пересказать послѣ представленія, кто можетъ у-
сомниться, чтобъ таковыя трагедіи не пре-
взошли надлежащей мѣры, и чтобъ наруше-
ніе Аристотелева правила не было противно здравому разсудку? Ибо мы способны

токмо къ извѣстной степени вниманія, къ извѣстному продолженію занятія, наставленія и удовольствія. И такъ вкусъ состоитъ въ узнаніи точной и нужной тому мѣры, и сіе-то законодатель предлагаетъ на разсужденіе стихотворцамъ. Какое сверьхъ того видно глубокомысліе и просвѣщеніе въ сказанномъ имъ о сущности изящнаго и о необходимости занимать разумъ только тѣмъ, что онъ обнять можетъ, когда мы намѣрены внушить другимъ удовольствіе и удивленіе! Согласимся на сіе: изумить на краткое время простый народъ мыслями смѣлыми, которыя потому только кажутся новыми, что онѣ отважны и странны, есть дѣло возможное для всякаго человѣка; но къ наставленію потомства употребить свѣденія вѣрныя и всеобщія, почитаемыя всегда тѣмъ паче истинными, чѣмъ чаще оныя примѣнять можно; сужденіемъ превзойти опытъ цѣлыхъ вѣковъ, есть такое дѣло, къ которому способны одни только люди ума превозходнаго.

Разсмотримъ далѣе. Аристотель въ свое опредѣленіе вводитъ еще украшенія рѣчи, долженствующія содѣйствовать намѣренію стихотворенія. Сіи украшенія раздѣляются у насъ на украшенія въ стихосложеніи и словопроизношеніи: у древнихъ состояли оныя больше въ пѣснопѣніи (melopée) или въ положенномъ на ноты разсказѣ, и въ музыкѣ хоровъ, и въ ритмическихъ движеніяхъ, ею выражаемыхъ. „И такъ въ трагедіи (заключаетъ „онъ) есть шесть потребностей, басня или

„дѣйствіе, нравы или свойства, (сіи названія „приемлются здѣсь за сословы), рѣчи или „слогъ, мысли, зрѣлище и пѣніе.„ Замѣни пѣніе словопроизношеніемъ; и все сіе приличествуетъ равномѣрно какъ трагедіи древнихъ, такъ и нашей. Но выслушавъ послѣдующее, увидимъ, зналъ ли Аристотель сущность трагедіи. „Изъ всѣхъ ея частей „важнѣйшая есть сочиненіе басни или дѣй„ствіе. Въ семъ состоитъ намѣреніе траге„діи, а намѣреніе заключается во всемъ „томъ, что только есть самаго нужнаго. „Безъ дѣйствія не будетъ трагедіи. Можно „слѣпить вмѣстѣ правила прекрасныя, мы„сли или выраженія поразительныя, не сдѣ„лавъ трагедіи дѣйствительною; но она бу„детъ дѣйствительна, ежели безъ всѣхъ о„ныхъ принадлежностей, безъ описанія нра„вовъ и начертанія свойствъ, выведена баснь „хорошо сочиненная. Да и начинающіе пи„сать успѣваютъ лучше въ слогѣ и изо„браженіи нравовъ, нежели въ составленіи „басни.

Все сіе столь же истинно и нынѣ, сколь было истинно въ то время, въ которое писалъ оный сочинитель. Что дѣйствіе или самое дѣло есть первое и существеннѣйшее въ театральномъ зрѣлищѣ достоинство, сіе доказано весьма многими сочиненіями, коихъ представленіе видимъ мы съ удовольствіемъ, и чтеніемъ коихъ мало занимаемся. Но здѣсь надлежитъ замѣтить ту между Греками и нами разность, что у нихъ, кажется, самымъ рѣдкимъ достоинствомъ (судя по сказанно-

му Аристотелемъ) почиталось изрядство содержанія и разположенія: у насъ напротивъ того рѣдкимъ достоинствомъ почитается слогъ. Изъ двадцати нашихъ сочинителей, которыхъ произведенія остались въ театрѣ, и даже произведенія важныя, еще только двое (я говорю объ умершихъ, потомство будетъ судить о нынѣ живущихъ), двое только всегда краснорѣчивы были въ стихахъ, и достигли совершенства въ трагическомъ слогѣ, Расинъ и Волтеръ. Великій Корнелій нейдетъ въ сравненіе съ ними, потому что, начавъ писать прежде всѣхъ, не могъ онъ успѣть во всемъ: а хотя и показалъ образцы драматическихъ красотъ во всякомъ родѣ, но въ разсужденіи слога не можетъ включенъ быть въ число писателей образцовыхъ. Откуда происходитъ сія разность между Греками и нами? Я думаю, отъ свойства языка и ихъ трагедіи. Греческій языкъ, сладкогласнѣйшій всѣхъ языковъ извѣстныхъ, во многомъ облегчалъ стихосложеніе, а музыка еще бо́льшую придавала оному пріятность. Не льзя сомнѣваться, чтобъ такое соединеніе не услаждало Грековъ чрезвычайно, поелику Аристотель говоритъ точно сими словами: *пѣснослоложеніе приноситъ величайшее удовольствіе въ трагедіи.* Мы о семъ можемъ судить по нашимъ операмъ, въ которыхъ чувствуемыя ими сильнѣйшія впечатлѣнія производитъ особенно музыка. Другая причина разсматриваемой нами разности есть самое свойство трагедіи у Грековъ, заключающейся

всегда въ собственной ихъ исторіи, и даже, какъ именно говоритъ Аристотель, въ небольшомъ числѣ сѣмействъ. У насъ всякій остроумный театральный писатель можетъ искать предметовъ для трагедій во всѣхъ частяхъ извѣстнаго міра. Для него существуетъ даже новый міръ, коего древніе не знали; а чтобъ узнать, какіе можемъ изъ онаго заимствовать предметы, вспомнимъ только Альзиру.

И такъ не удивительно, что у насъ легче найти приличные театру предметы, нежели написать трагедію истинно по стихотворчески. Но достойно замѣчанія и къ чести ученой нашей исторіи служитъ, что изъ числа драматическихъ нашихъ сочинителей тѣ, которые лучше писали, болѣе насъ и плѣняли; и что лучшія наши драмы суть тѣ, которыя писаны краснорѣчивѣе, и театръ нашъ совокупностію всѣхъ родовъ совершенства превзошелъ всѣ прочіе театры въ свѣтѣ.

Аристотель продолжаетъ говорить о правилахъ трагедіи: „Баснь должна быть „единственна, не единствомъ главнаго лица, „но единствомъ произшествія. Ибо она не „есть подражаніе житію какого либо человѣ„ка, но одному только дѣянію сего человѣка... „Части онаго должны между собою такъ „быть связаны, что ежели изъ нихъ одна „которая нибудь переставится или отдѣ„лится, то уже не составится что ни „есть цѣлое или тоже самое цѣлое. Ибо „то, что въ цѣломъ можетъ быть или не

„быть, ежели оно въ немъ не видно, не „есть часть сего цѣлаго.

Вотъ самое полное и точное, какое только можно себѣ составить понятіе о связи драмы: вотъ какъ осуждаются всѣ тѣ постороннія введенія (эпизоды), тѣ прикосновенныя обстоятельства, коими обыкновенно писатели наполняютъ свои трагедіи, не умѣя совершенно воспользоваться своимъ предметомъ. Аристотель продолжаетъ: „Предметъ стихотворца не состоитъ въ „описаніи истиннаго такъ, какъ оное слу„чилось, но какъ должно было случиться, и „въ описаніи возможнаго по правдоподобію.„ Изъ сего Боало составилъ стихъ:

Le vrai peut quelquefois n'être pas vraiſemblable.

И правда не всегда бываетъ имовѣрна.

„Существенная между стихотворцемъ „и историкомъ разность не въ томъ состоитъ, что одинъ пишетъ стихами, а „другой прозою; ибо писанія Иродота хотя „бы въ стихи преложены были, не составили бы еще инаго, кромѣ исторіи: раз„ствуютъ они въ томъ, что одинъ пишетъ „дѣйствительно случившееся, а другой то, „что могло или должно было случиться. „Потому-то стихотворство болѣе имѣетъ „въ себѣ философическаго и поучительнаго, „нежели исторія. Сія описываетъ каждаго „въ особенности: та описываетъ человѣка „вообще.

Можетъ быть, разность сія и не точно такова въ самомъ дѣлѣ, ибо трудно описать хорошо историческія лица, не подавъ нѣкотораго понятія о человѣкѣ вообще. Но сіе мѣсто показываетъ, что древніе разсматривали поэзію со стороны основательнѣйшей и важнѣйшей, нежели какъ мы разсматриваемъ оную нынѣ; однакожъ *Магомедъ* и *Генріада* вразумили насъ, что могла поэзія произвести во нравственности.

Аристотель раздѣляетъ трагедію на имѣющую основаніемъ исторію, и на состоящую единственно изъ вымысла, одобряя ту и другую; но въ семъ послѣднемъ родѣ не осталось у насъ Греческихъ трагедій. Онъ именно охуждаетъ повѣствованія вводныя (épisodique). „Подъ названіемъ вводныхъ „драмъ, говоритъ онъ, я разумѣю тѣ, ко„ихъ части не связаны между собою ни по „нуждѣ, ни по правдоподобію: что и слу„чается съ посредственными стихотворца„ми по ихъ ошибкѣ, а съ хорошими по „ошибкѣ лицедѣевъ. Писатели, чтобъ сдѣ„лать для нихъ роли такія, какія имъ нра„вятся, съ лишкомъ разпространяютъ баснь; „а отъ того связи прерываются, и сово„купность частей уже изчезаетъ.

Изъ сего видно, что не съ нынѣшняго только, а съ давняго уже времени жалуются на неизбѣжную власть, употребляемую надъ всякимъ искусникомъ тѣми, кои суть единственныя и необходимыя орудія его искуства.

Въ разсужденіи порядка и сцѣпленія произшествій, которыя должны родиться одинъ отъ другихъ, онъ приводитъ прекрасное сравненіе: „Все то, что по видимому „бываетъ съ намѣреніемъ, большее производитъ впечатлѣніе, нежели то, что кажет„ся намъ дѣйствіемъ случая. Когда въ Ар„госѣ истуканъ Митиса упалъ на того, кто „умертвилъ сего Митиса, и задавилъ убійцу „въ то самое время, когда онъ его разсма„тривалъ; сіе произшествіе произвело вели„кое впечатлѣніе, потому что въ немъ по „видимому заключалось намѣреніе„. Можно ли избрать примѣръ остроумнѣе и поразительнѣе сего?

Драмы раздѣляетъ онъ на простыя и сложныя. Простыми разумѣть должно тѣ, въ коихъ дѣйствующія лица другъ друга знаютъ: а сложными тѣ, въ которыхъ есть узнаваніе. Онъ полагаетъ и другую между ими разность: *Простыми*, говоритъ онъ, *разумѣются тѣ, коихъ дѣйствіе непрерывно; а сложными, въ которыхъ есть непредвидимость* (peripétie). Слово сіе означаетъ нечаянную перемѣну состоянія въ главныхъ дѣйствующихъ лицахъ. Но я не понимаю, можетъ ли какое ни есть театральное сочиненіе обойтись безъ непредвидимости, и потому не могу допустить сего раздѣленія.

Онъ справедливо назначаетъ узнаванія и незапности, какъ два сильныя средства для возбужденія жалости или страха. Онъ почитаетъ образцами въ семъ родѣ состоя-

ніе Ифигеніи, узнающей брата своего въ то время, когда хочетъ заклать его, и состояніе Меропы, готовой умертвить собственнаго сына своего, думая за него отмстить. Волтеръ изъ сихъ двухъ содержаній одно отвергнулъ, потому что развязку считалъ невозможною, а Гимондъ дела Тушъ не столько пораженъ бывъ трудностію, сколько жалостію сего содержанія, произвелъ оное въ дѣйство съ такою чувствительностію, что ему прощена неизбѣжная погрѣшность въ развязкѣ. Что принадлежитъ до Меропы, извѣстно, чѣмъ воспользовался Волтеръ изъ Меропы Маффея, сколько превзошелъ его въ совокупности, заня въ у него лучшія мѣста, какимъ образомъ достигъ наконецъ до того, что написалъ самую правильную и образцовую изъ драматическихъ сочиненій своихъ трагедію, которая наиболѣе равняться можетъ съ совершенствомъ въ оныхъ Расина.

Къ симъ двумъ средствамъ возбужденія страстей, извлеченнымъ изъ самаго дѣйствія, Аристотель присовокупляетъ третіе зрѣлище, то есть, все поражающее взоры, какъ то убійства, кинжалы, сраженія, великолѣпный снарядъ представленія; но весьма разумно замѣчаетъ, что сіе средство ниже двухъ прочихъ и менѣе піребуетъ стихотворческаго дарованія. *Ибо*, говоритъ онъ, *басня должна быть такъ сочинена, чтобы, судя о ней по одному только слуху, приведены были въ жалость, какъ сіе чувствуемъ въ Эдипѣ Софокловомъ. Но то,*

которые представляютъ намъ весьма ужасное и отвратительное вмѣсто страшнаго и нѣжнаго, уже отступили отъ сего рода. Ибо трагедія не должна производить въ насъ всякія движенія, а только ей свойственныя.

И такъ мы опять находимъ здѣсь то важное правило, коимъ сей часъ занимались и которымъ Аристотель за двѣ тысячи лѣтъ прежде отвѣтствовалъ думающимъ, что все уже сказано однимъ симъ словомъ, *это есть въ природѣ*, какъ будто вся природа собравшимся вкупѣ людямъ явилась прекрасною, какъ будто зрѣлища и превозходныя искуства суть подражаніе природѣ обыкновенной, а не природѣ избранной. Впрочемъ намъ откроется случай поговорить снова о семъ предметѣ, когда особенно опровергать будемъ нѣкоторыя главныя заблужденія, содержащіяся въ новѣйшихъ пінтикахъ.

Мы уже довольное приобрѣли понятіе о пінтикѣ Аристотелевой, изъ которой представилъ я вамъ только мысли, отбросивъ все, что особенно относится къ принадлежностямъ трагедіи Греческой, и занявъ себя всѣмъ тѣмъ, что можетъ приличествовать нашей. Я осмѣливаюсь даже иногда совсѣмъ не слѣдовать его мнѣнію, что однакожъ весьма рѣдко случиться можетъ. Онъ говоритъ, напримѣръ: *Не представляй добродѣтельныхъ людей, которые изъ счастливыхъ дѣлаются несчастными; ибо сіе ни жалко, ни страшно, а ненавистно.*

Думаю, что правило сіе опровержено многими примѣрами. Ипполитъ добродѣтеленъ, однакожъ смерть его возбуждаетъ жалость, и не поселяетъ въ насъ отвращенія. Британикъ въ такомъ же положеніи. Можно бы привесть многіе другіе тому примѣры; но слѣдующаго мнѣнія нельзя оспорить: *Злые люди, дѣлающіеся счастливыми, ничего не представляютъ трагическаго.* Въ семъ состоитъ величайшая ошибка въ трагедіи *Атреи*: извергъ сей въ концѣ оной съ жестокосердою радостію ругается надъ ужаснымъ положеніемъ, въ которое ввергнулъ онъ несчастнаго Ѳіеста, и оканчиваетъ сими словами:

Et je jouis enfin du fruit de mes forfaits.

И наслаждаюся плодомъ моихъ злодѣйствъ.

Люди никакъ не захотятъ возпріять отъ зрѣлища подобнаго впечатлѣнія. Правда, въ *Магометѣ* злодѣяніе торжествуетъ; но по крайней мѣрѣ сей злодѣй наказанъ лишеніемъ того, что онъ любитъ; онъ чувствуетъ сожалѣніе и угрызеніе совѣсти: не взирая однакожъ на все искуство сочинителя, видѣнъ порокъ въ оной развязкѣ; и вотъ одинъ только недостатокъ важнаго сего произведенія. *Что самый злой человѣкъ изъ счастливаго дѣлается несчастливымъ, сіе можетъ служить примѣромъ, но нельзя чувствовать при томъ ни жалости, ни страха; ибо жалость рождается отъ не-*

участія незаслуженнаго, а страхъ отъ предстоящаго намъ бѣдствія, и такое бѣдствіе для насъ плачевнѣе, нежели несчастіе злаго человѣка. Сіе весьма справедливое замѣчаніе не охуждаетъ прекраснаго обыкновенія наказывать злодѣя въ драмѣ; но Аристотель хотѣлъ сказать только, что не сіе производитъ страхъ и жалость, а должно извлекать оные изъ другихъ причинъ. Онъ говоритъ справедливо. Ибо когда злодѣй, утѣснитель, тиранъ наказаны въ представленіи, не наказаніе ихъ производитъ страхъ или жалость; но и другое есть слѣдствіе опасности или бѣдствія дѣйствующихъ лицъ, въ которыхъ принимаемъ мы участіе; но какъ наказаніе злодѣя извлекаетъ ихъ изъ сего бѣдствія или опасности, то сіе то самое и производитъ драматическое дѣйствіе. И такъ въ Ифигеніи, о которой мы теперь говорили, не умерщвленіе Ѳоаса Пиладомъ, не извѣстно откуда пришедшимъ, дѣлаетъ развязку трагическою; но смерть сія избавляетъ отъ бѣдъ Ореста и Ифигенію, въ которыхъ всѣ принимали участіе, и зритель остается довольнымъ. Въ Родогунѣ не тогда чувствуемъ страхъ и жалость, когда Клеопатра сама принимаетъ ядъ, который приготовила она своему сыну; но тогда, когда сей сынъ, находясь въ ужаснѣйшемъ положеніи, въ какомъ только человѣкъ быть можетъ, между матерію и любовницею, коихъ равно подозрѣваетъ, подноситъ къ устамъ своимъ ядоносную чашу; сія то минута приводитъ въ трепетъ, и для нея про-

имѣются всѣ бывшія предъ нѣмъ невѣроятности.

„Надобно держаться средины, то есть, „чтобъ дѣйствующее лице не было ни со„всѣмъ доброе, ни совсѣмъ злое, и чтобъ „оно бѣдствовало не отъ преступленія или „какой либо гнусной злобы своей, но отъ „погрѣшности или какого ни есть заблуж„денія человѣческаго, которое низвергаетъ „его съ высоты величія и благоденствія.

Надобно всегда помнить, что Аристотель говоритъ о нѣхъ только дѣйствующихъ лицахъ, кои должны производить участіе, а сказанное имъ здѣсь о такихъ свойствахъ лицъ, которыя Корнель въ разсужденіяхъ своихъ называетъ *смѣшанными*, показалось великому сему человѣку лучемъ свѣта, издающимъ обильное сіяніе на познаніе о театрѣ, и вообще о всей обширности подражательной поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ замѣчено; что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ такое смѣшеніе, сердцу человѣческому весьма свойственное. Съ сей то стороны точно свойство Ахиллеса кажется самымъ драматическимъ въ Иліадѣ, такова же и Федра въ театрѣ по своимъ страстямъ и разкаянію. Ничто яснѣе сего не показываетъ, сколько обманываются и какъ несправедливо думаютъ всѣ тѣ, которые правиломъ нравственности поставляютъ принимать участіе въ одинѣхъ только лицахъ безпорочныхъ; и которые о трагедіи судятъ по мнѣніямъ общенародными. Они хотятъ, чтобъ обладаемый страстію человѣкъ содѣлалъ какое либо

благое дѣло по причинамъ, происходящимъ отъ самой его страсти: гораздо было бы лучше, говорятъ они, естьлибъ то дѣло исполнилось по причинамъ справедливымъ. Въ семъ они весьма заблуждаютъ. Такое правило было бы очень хорошо въ нравоученіи, но весьма худо въ театрѣ. Ты почувствовалъ бы одно только хладное удивленіе; напрошивъ того человѣкъ волнуемый страстію, даже и при похвальномъ своемъ дѣяніи, тебя движетъ и привлекаетъ.

Ко всѣмъ симъ средствамъ возбужденія страстей нужно присовокупить еще одно сильнѣйшее прочихъ, о коемъ Аристотель не говоритъ, потому что Греки токмо единожды къ оному прибѣгли; то есть, любовь несчастную: изъ сей то страсти новѣйшіе писатели извлекли величайшее пособіе, а древніе не употребляли оной въ трагедіи, исключая лице Федры, которой любовное приключеніе, прославившееся въ Греціи, самъ Еврипидъ не во всемъ изобразилъ такъ привлекательно, какъ Расинъ. Одна сія разность между Греческимъ и нашимъ театрами, изъ коихъ въ одномъ любовь употребляется какъ трагическая пружина, а въ другомъ сная пренебрежена, довлѣетъ къ содѣланію искусива для насъ обильнѣйшимъ и обширнѣйшимъ, нежели каково оное было у Грековъ. Какое сокровище для театра та страсть, коей обязаны мы *Заирою*, *Танкредомъ*, *Инесою*, *Аріаною* и еще нѣкоторыми, уважаемыми по тому оплачному достоинству, которое дополняетъ въ нихъ

многія другія, и для котораго прощаются многія погрѣшности, — достоинству извлекать слезы.

Что принадлежитъ до развязки, Аристотель предпочитаетъ тѣ драмы, въ коихъ *непредвидимость*, говоритъ онъ, *происходитъ отъ перемѣны счастія на несчастіе*. Вотъ какъ по сему предмету изъясняется онъ о Еврипидѣ. „Напрасно порицаютъ Еврипида, что онъ бо́льшую часть „своихъ драмъ оканчиваетъ несчастіемъ. „Онъ поступаетъ по правиламъ. Сіе доказы„вается тѣмъ, что драмы такого рода все„гда въ представленіи кажутся болѣе тра„гическими, нежели другія, хотя впрочемъ „всѣ произшествія одинаковы. И потому „Еврипидъ, хотя не всегда удачно располо„галъ свои драмы, почитаемъ былъ за луч„шаго трагическаго стихотворца.

Не забудемъ сказаннаго предъ симъ, что въ разсужденіи вкуса не нужно всѣхъ правилъ основывать на истинѣ совершенной, но на истинѣ токмо достаточной, то есть, приличной весьма многимъ случаямъ. Таково правило Аристотеля о развязкахъ: оно вообще справедливо. Доказательствомъ тому служатъ четыре приведенныя мною трагедіи: всѣ четыре таковы, какъ говоритъ Аристотель, и почитаются въ числѣ важнѣйшихъ. Есть однакожъ другія развязки совсѣмъ противнаго свойства, производящія также сильное впечатлѣніе; въ оныхъ изъ великой опасности вдругъ извлекаются тѣ дѣйствующія лица,

которыя зритель ревностно желаетъ видѣть счатливыми, и перемѣна сія дѣлается средствами простыми и неожидаемыми. Такова во Французскомъ театрѣ развязка *Делашды*. Признаюсь, мало я знаю толь прекрасныхъ развязокъ. Объ оной буду я говорить послѣ. Теперь довольно того, что мы показали ее, такъ какъ и другія нѣкоторыя, примѣромъ изключенія изъ правила Аристотелева; но когда онъ говоритъ, что развязки должно выводить изъ самаго содержанія, то я не нахожу путь изключенія.

Онъ гораздо менѣе разпространяется о нравахъ и свойствахъ, потому что сія часть искуства не такъ многосложна. Онъ хочетъ, и всѣ законодатели предписали послѣ его, чтобъ всякое дѣйствующее лице таково же было въ концѣ, каково оно въ началѣ. Сіе правило вообще относится ко всякому роду драмы, и можетъ быть оно нигдѣ не исполнено удивительнѣе и удачнѣе, какъ въ комедіи Детуша *Нерѣшилый*, впрочемъ посредственной. Сей *Нерѣшилый* послѣ колебанія своего въ продолженіе всей комедіи между двумя женщинами, на которыхъ хочетъ онъ жениться, рѣшится наконецъ, ибо должно чѣмъ нибудь кончить; но едва успѣлъ жениться, какъ сказалъ самъ себѣ, сходя съ театра, слѣдующій послѣдній комедіи стихъ:

J'aurais mieux fait, je crois, d'epouser Célimene.
Мнѣ лучше, думаю, жениться на Клименѣ.

По сему предмету, не льзя дать стихотворцамъ наставленія полезнѣйшаго, и которое заслуживало бы бо́льшее вниманіе, какъ слѣдующее, все въ себѣ содержащее: „какъ въ изображеніи нравовъ и свойствъ, „такъ и въ составленіи басни стихотво„рецъ долженъ имѣть всегда предъ глазами „правдоподобное и необходимое въ порядкѣ „нравственномъ, и ежечасно спрашивать са„маго себя: правдоподобно ли будетъ, еже„ли я заставлю такое-то лице дѣйствовать „или говорить такимъ образомъ?„ Не должно удивляться, ежели правило сіе очень часто нарушается: для произведенія онаго въ дѣйство потребенъ высшій разумъ, который также рѣдокъ, какъ и превозходное воображеніе; а оба они нужны для сочиненія хорошей трагедіи. Что жъ будетъ, ежели прибавить къ тому, *что теперь весьма трудно угодить на все общество; что поелику были такіе стихотворцы, которые превозходили одинъ другаго въ своемъ родѣ, то желательно и нынѣ, чтобъ каждый стихотворецъ одинъ обладалъ тѣмъ, тѣмъ многіе другіе обладаютъ совокупно?* Такъ говорилъ Аристотель, за двѣ тысячи лѣтъ назадъ; что бы онъ сказалъ нынѣ?

Въ статьѣ о слогѣ разсуждалъ онъ какъ граматикъ, который писалъ для Грековъ на собственномъ ихъ языкѣ; а статью о мысляхъ отнесъ къ риторикѣ своей, потому что правила на сей предметъ одинаковы какъ для прозы, такъ и для стиховъ. Разсужденіе о пѣніи, послѣдней части драма-

тическаго подражанія у древнихъ, потеряно; впрочемъ оно подало бы намъ только о музыкѣ ихъ понятія, которыхъ мы не имѣемъ, но понятія чуждыя нашей трагедіи. И такъ упомяну только о главнѣйшемъ его предписаніи въ разсужденіи слововыраженія. Онъ требуетъ, чтобы слогъ былъ превосходнѣе языка простонароднаго, то есть, былъ бы украшенъ иносказаніями и словоизвитіями, но притомъ казался бы очень ясенъ. „Весьма частое употребленіе слово-„извитій, говоритъ онъ, дѣлаетъ рѣчь загад-„кою, а множество словъ, заимствуемыхъ „изъ другихъ языковъ, становится дикимъ.„ И такъ совѣтуетъ наблюдать великую осторожность въ сихъ двухъ статьяхъ. Мы увидимъ послѣ, сколь нужно и для насъ такое наставленіе. „Умѣть искусно употре-„блять иносказанія, продолжаетъ онъ, есть „великій даръ; онъ есть плодъ отличной „способности, быстрое проницаніе разума, „который усматриваетъ сходства.

Все относящееся къ эпопеѣ заключается въ двухъ главахъ, потому что она съ трагедіею подлежитъ многимъ правиламъ одинаковымъ. Сказанное объ оной Аристотелемъ вкратцѣ намѣренъ я изслѣдовать въ разсужденіи объ эпопеѣ, предслѣдующемъ чтенію стихотвореній Гомера, котораго Аристотель приводитъ вездѣ какъ единственный образецъ въ семъ родѣ.

Въ послѣдней изъ двадцати пяти главъ, оставшихся у насъ отъ піитики Аристотелевой, говорится объ одномъ изъ пѣхъ

пустословныхъ предложеній, коими Греки, кажется, также занимались какъ и мы. Надлежитъ знать, которая изъ двухъ важнѣе, трагедія или эпопея. Что до того нужды, только бы та и другая были хороши. Впрочемъ изслѣдованіе сіе не весьма продолжительно. Онъ предлагаетъ доказательства утвердительныя и отрицательныя, и рѣшитъ вопросъ въ защищеніе трагедіи. Мнѣ не прилично было бы утверждать противное его мнѣнію.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Изслѣдованіе Лонгинова разсужденія о высокомъ.

Ежели чего не лзя, кажется, ни разрѣшить, ниже опредѣлить, то безъ сомнѣнія высокаго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣлить то, чего никакъ не можетъ приуготовить стихотворецъ илиораторъ, ниже предвидѣть читающіе или слушающіе; то, что происходитъ единственно отъ нѣкоего восторга, то, что мы не инако чувствуемъ, какъ со изступленіемъ, и отъ чего равно бываютъ внѣ себя какъ искусникъ, который производитъ, такъ и множество людей, которые удивляются? Какъ изъяснить то впечатлѣніе, которое вкупѣ и сильнѣе и быстрѣе всѣхъ другихъ впечатлѣній? Да и какое изъясненіе не будетъ столь же слабо, сколь и неудовлетворительно, когда надобно открыть людямъ такое дѣйствіе, которое весьма сильно потрясаетъ всѣ ихъ душевныя силы? Кому не извѣстно, что во всѣхъ чрезвычайныхъ чувствованіяхъ есть нѣчто превозходящее всякое выраженіе, и что, когда душа наша до извѣстной степени приведена въ движеніе, она какъ бы мучится, не находя уже словъ къ изъясненію своихъ чувствій? Ежели то справедливо, что способность чувствовать несравненно превозходитъ способность изъ-

ясняться; то сїя истина наипаче приличествуетъ высокому, движущему въ насъ все то, что только возможно привести въ движенїе, и доставляющему намъ величайшее, какое только мы въ состоянїи чувствовать, удовольствїе, то есть, внутреннее наслажденїе всѣмъ тѣмъ, къ чему природа поселила въ насъ чувствительность.

Когда мы слушаемъ прекрасное какое либо явленїе, прекрасные стихи или рѣчь, то ежели бы кто захотѣлъ спросить насъ, почему оии приносятъ намъ удовольствїе, почему хвалимъ ихъ; каждый изъ насъ по мѣрѣ своихъ познанїй могъ бы дать отчетъ въ своемъ сужденїи, могъ бы похвалить болѣе или менѣе въ сочиненїи все вмѣстѣ или порознь, мысли, слогъ, согласїе, и наконецъ все то, что искуство научаетъ хорошо познавать, а вкусъ хорошо цѣнить. Но когда отецъ Горацїевъ произнесъ славное изреченїе *умретъ* (*), когда всѣ зрители вдругъ возкликнули отъ удивленїя то же самое; то естьли бы кто спросилъ, почему имъ это кажется такъ прекрасно, кто бы сталъ отвѣчать на такой странный вопросъ?

(*) Въ трагедїи Корнеля *Горацїй*, когда онъ извѣщается, что сынъ его бѣжалъ, и вопрошается: *чтожъ могъ бы противъ трехъ онъ сдѣлать?* Горацїй отвѣтствуетъ.

Умретъ.

Это прекрасно потому, что мы приведены въ возхищенїе, прекрасно потому, что мы вић себя. Когда Сципїонъ великій, обвиняемый трибунами, появился въ собранїе народа, и вмѣсто всякаго защищенїя сказалъ: *Римляне, двадцать лѣтъ прошло, какъ я въ этотъ день побѣдилъ Аннибала и покорилъ Карѳагенъ. Пойдемъ въ Капитолію принести за то Богамъ благодареніе;* то поднялся всеобщій крикъ, и весь народъ за нимъ послѣдовалъ. Причина сему, что въ Сципїонѣ было нѣчто высокое, и что высокому свойственно покорять всякаго человѣка.

Высокое, о которомъ я здѣсь говорю, должно быть необходимо и рѣдко и мгновенно; ибо ничто чрезвычайное не можетъ быть ни часто, ни продолжительно. Оно состоитъ въ одномъ какомъ либо словѣ, въ одномъ изреченїи, въ одномъ движенїи, въ одномъ знакѣ, и дѣйствїе онаго подобно быстротою и поразительностїю молнїи или громовому удару. Высокое такъ мало зависитъ отъ искуства, что примѣры онаго могутъ встрѣтиться въ людяхъ, неимѣющихъ никакого понятїя объ искуствѣ; человѣкъ съ сильными страстями, имѣющїй возвышенную душу, высокимъ словомъ выразитъ свои чувствїя. Есть тому примѣры. Нѣкая простаго состоянїя женщина, въ разговорѣ о приношенїи въ жертву Исаака, заповѣданномъ отцу его Аврааму, отвѣчала одному священнику:

а митери Боѣ никогда бы не приказалъ принести такой жертвы.

Изреченіе сіе означаетъ высокое въ материнскомъ чувствіи. Высокое заключается даже въ самомъ молчаніи. Славный мятежникъ Бюсси де Клеркъ является въ парламентъ послѣдуемый своими тѣлохранителями: повелѣваетъ судіямъ или произнести приговоръ, уничтожающій права дома Бурбонскаго, или слѣдовать за нимъ въ Бастилію. Никто ему на сіе не отвѣчаетъ, но всѣ встаютъ и за нимъ идутъ. Вотъ высокое въ добродѣтели. Почему? потому что никакой отвѣтъ не былъ бы такъ силенъ, какъ сіе молчаніе. Ибо, не думая опредѣлить высокаго съ точностію, (и почитая сіе невозможнымъ), скажу, что можно сіе узнать по одному только отличительному свойству слѣдующему: высокое заключается ли въ мысли, въ чувствіи или изображеніи, оно въ самомъ себѣ есть таково, что воображеніе, умъ и душа ничего уже сильнѣе того представить себѣ не могутъ. Сличи сіе правило со всѣми примѣрами, и оно окажется истиннымъ. Прекрасное, великое, сильное имѣетъ степени высшую и низшую, чего въ высокомъ нѣтъ. Попытайся придумать, что Сципіонъ могъ бы сказать другое вмѣсто сказаннаго имъ; замѣни какимъ нибудь изреченіемъ молчаніе судей, твое выраженіе все будетъ ниже. Представь себя въ положеніи отца Гораціевъ, и скажи, что можетъ изобрѣсти чувствіе преиспол-

ненное любви къ отечеству и чести, ты ничего не выразишь выше реченія *цмеретъ*. Вспомни другое положеніе, положеніе Аякса, который въ самое то время, какъ Греки побѣжали отъ Троянъ, покровительствуемыхъ Юпитеромъ, увидя себя покрытаго ужасною тьмою, не позволявшею ему даже сражаться, и придумай, что можетъ гордая отважность воина въ отчаяніи внушить ему дерзновеннѣйшаго; самое воображеніе, которое весьма обширно, ничего не представитъ тебѣ выше сего стиха, очень часто въ примѣръ приводимаго:

Grand dieu! rends nous le jour et combats contre nous.

Зевесъ! яви намъ день, и съ нами самъ сразись.

Замѣтимъ между тѣмъ, что Ламоттъ вмѣстилъ такимъ образомъ въ одинъ стихъ три стиха изъ Иліады, которые Боало перевелъ буквальнѣе двумя слѣдующими стихами:

Grand dieu, chaſse la nuit qui nous couvre les yeux,
Et combats contre nous à la clarté des cieux.

Юпитеръ, отжени отъ нашихъ мракъ очесъ,
И съ нами самъ сразись при ясности небесъ (*).

(*) По гречески сказанъ сей вторый стихъ иначе:
„Коль хочешь, погуби, но погуби насъ днемъ.

Я сказалъ о движенїяхъ, производимыхъ высокимъ какимъ либо чувствованїемъ. Вотъ чрезвычайный тому примѣръ, случившїйся въ 17^с столѣтїе. Изъ звѣринца Герцога Флорентинскаго вырвался левъ, и побѣжалъ по городу. Всѣ перепугались, всѣ отъ него бѣжали. Одна женщина, несшая на рукахъ дитя свое, отъ страха уронила его. Левъ беретъ его въ свои челюсти. Мать безъ памяти бросается на колѣна предъ симъ ужаснымъ звѣремъ, и пронзительнымъ воплемъ требуетъ отъ него обратно дитя свое. Всякъ чувствуетъ, что сїе необычайное дѣйствїе, означающее крайнюю степень помѣшательства и отчаянїя, сїе умоизступленїе, гораздо превозходнѣйшее самаго ума, сїе чувствованїе сильной горести, которое увѣряетъ, что можно все преклонить на жалость, есть точно то, что мы называемъ здѣсь высокимъ. Но слѣдующее произшествїе требуетъ подробнѣйшаго объясненїя. Левъ останавливается, смотритъ на нее пристально, кладетъ опять дитя на землю, не сдѣлавъ ему никакого вреда, и удаляется. И такъ бѣдствїе и отчаянїе имѣютъ особенное нѣкое выраженїе, которое понимаютъ и дикїе звѣри. Извѣстно, что они способны къ чувствованїямъ, которыя походятъ на навыкъ, и многїе замѣчены знаки ихъ привязанности и благодарности. Но въ семъ случаѣ мать, для удержанїя злобы лютаго животнаго, употребила одну только минуту и одинъ вопль. Надобно было,

чтобъ левъ понялъ то, о чемъ она его просила, и умилился бы на ея просьбу; онъ ее понялъ и умилился! Какъ же? Сіе можетъ подать поводъ ко многимъ разсужденіямъ о естественномъ сношеніи между всѣми одушевленными существами; но къ моему предмету не принадлежитъ: возвращаюсь къ своему разсужденію.

Кромѣ всего сказаннаго мною о высокомъ, первый вопросъ предстоитъ слѣдующій: поелику не льзя онаго ни опредѣлить, ни разрѣшить; то что же сказалъ Лонгинъ въ разсужденіи своемъ о высокомъ? Онъ разсуждать хотѣлъ не объ ономъ, но о томъ, что у риторовъ называется высокимъ слогомъ, противополагаемымъ слогу простому и слогу умѣреному, занимающему средину между обоими; такимъ слогомъ, который приличествуетъ предметамъ важнымъ, благороднымъ; стихотворенію эпическому, драматическому, лирическому, краснорѣчію судебному, совѣщательному или изъяснительному, когда предметъ самъ по себѣ величественъ, благороденъ, силенъ и возбуждаетъ страсти. Сіе можно доказать ясно самымъ изслѣдованіемъ Лонгинова разсужденія: а хотя Боало не такого былъ мнѣнія; но по сей статьѣ опроверженъ учеными любословами, между прочими Гибертомъ, *въ Журналѣ ученыхъ*. Онъ могъ впасть въ заблужденіе потому только, что и дѣйствительно есть нѣкоторыя мѣста у Лонгина, относящіяся къ роду высокаго, о коемъ я говорю, и нѣсколько приличествующихъ оному примѣ-

ровъ; но изъ продолженія и купности разсужденія видно, что примѣры сіи приводятся какъ принадлежащіе къ высокому слогу, къ которому они въ самомъ дѣлѣ принадлежатъ. Можно вопросить еще, какимъ образомъ предметъ сего разсужденія подалъ поводъ къ сомнѣнію и спору? Сочинитель, кажется, долженствовалъ сперва опредѣлить съ точностію то, о чемъ онъ хотѣлъ говорить. Начало того сочиненія служитъ отвѣтомъ на сей вопросъ. Довлѣетъ прежде увѣдомить, что во время Лонгина было уже одно разсужденіе о высокомъ другаго ритора именемъ Цецилія, разсужденіе совсѣмъ потерянное, и намъ потому только извѣстное, что объ ономъ упоминаетъ Лонгинъ. Вотъ какъ сей писатель изъясняется въ приступѣ своего сочиненія, которое писалъ онъ ученику своему и другу.

„Разсматривая съ тобою, любезный Те„ренціанъ, сочиненіе Цецилія о высокомъ, на„шли мы, какъ тебѣ извѣстно, что слогъ „его ниже сего предмета, что онъ не кос„нулся главныхъ свойствъ онаго, и не до„стигъ той цѣли, какую должно имѣть вся„кое сочиненіе, то есть, приносить чита„телямъ пользу. Во всякомъ ученомъ разсу„жденіи требуется исполненіе по двумъ „статьямъ: первой, ясно описать предметъ „онаго; второй, по порядку, но по важности „первой, показать средства, какъ успѣть „въ семъ предметѣ. Цецилій весьма разпро„страняется въ изслѣдованіи перваго, какъ „бы сіе не было до него извѣстно, а ничего

„не сказалъ о вшоромъ. Онъ изъяснилъ, что „есть высокое, но не открылъ намъ, какимъ „образомъ можно до онаго достигнуть.

Послѣ сего Лонгинъ, дабы показать, что онъ имѣлъ причину поговорить очень слегка о свойствѣ высокаго, бесѣдуя съ Теренціаномъ, какъ съ человѣкомъ молодымъ весьма просвѣщеннымъ, продолжаетъ: „излишнимъ „почитаю обьявить тебѣ, что высокое въ „сочиненіяхъ есть самое благороднѣйшее и „величественнѣйшее изреченіе, и что симъ „то наипаче лучшіе писатели и содѣлались „базсмертными.„ Потомъ слѣдуя порядку философовъ и риторовъ, доказываетъ, что есть наука о высокомъ; онъ именно означаетъ пороки слога, весьма оному противныя, и послѣ такого предисловія разсматриваетъ свой предметъ, и показываетъ главные источники высокаго, которыхъ, по его мнѣнію, считаетъ пять. Но прежде нежели сообразимся съ нимъ въ правилахъ его сочиненія; прилично сказать хотя кратко о сочинителѣ.

Лонгинъ родился въ Аѳинахъ и жилъ въ концѣ третьяго вѣка по нашему счисленію лѣтъ. Онъ былъ въ свое время знаменитѣйшій человѣкъ по вкусу и краснорѣчію, и довольно одного ученаго разсужденія, оставшагося у насъ отъ трудовъ его, для удостовѣренія о таковой его славѣ. Вездѣ въ ономъ видны здравое сужденіе, сильный слогъ и краснорѣчіе приличное содержанію. Славная Зиновія, царица Пальмирская, которая весьма безуспѣшно боролась со сча-

стіемъ Авреліана, призвала Лонгина ко двору своему, для принятія отъ него наставленій въ Греческомъ языкѣ и философіи. Увидя въ немъ превозходныя дарованія, изъ учителя сдѣлала она его первымъ своимъ министромъ. По потерѣ сраженія важнаго, въ которое вступила она съ Римлянами, когда принуждена была запереться въ своей столицѣ, и получила отъ Авреліана письмо, коимъ побуждалъ онъ ее сдаться, сей самый Лонгинъ ободрилъ ее къ защищенію себя до крайности и внушилъ ей тотъ благородный и гордый отвѣтъ, который сохранилъ намъ историкъ Вопискъ. Сей отвѣтъ стоилъ Лонгину жизни. Авреліанъ побѣдитель сталъ обладателемъ города Пальмиры и Зиновіи, предоставилъ сію Царицу на случай торжества своего, а Лонгина приказалъ казнить. При семъ оказалъ онъ то же мужество, какое умѣлъ знушить своей царицѣ, и смерть его содѣлала столько же чести его философіи, сколько безславія Авреліановой лютости. Онъ написалъ множество сочиненій-, коихъ намъ извѣстны однѣ только названія. Всѣ онѣ относились ко предметамъ критики и вкуса. Переводъ Г-на Боало съ разсужденія Лонгина о высокомъ не достоинъ знаменитаго сего писателя. Не достаетъ въ ономъ исправности, точности и чистоты, и я малымъ чѣмъ могъ изъ него воспользоваться. Причиною сему не то, чтобъ Боало не зналъ хорошо по гречески, но онъ ошибся въ главной цѣли сего сочиненія, и потому принужденъ былъ часто коверкать реченія сочини-

теля для наклоненія оныхъ къ своему смыслу; впрочемъ извѣстно, что проза его вообще ниже его стиховъ: она слаба, не обработана и не исправна, хотя во многихъ предисловіяхъ и размышленіяхъ, при переводѣ его помѣщенныхъ, есть еще нѣкоторыя мѣста, отзывающіяся остротою сатиры и тѣмъ здравомыслiемъ, которое вездѣ означало его свойство.

Изъ сказаннаго въ Лонгиновомъ приступѣ видно уже, что рѣчь идетъ не о высокомъ, собственно такъ называемомъ, о которомъ говорилъ я доселѣ. Какъ бы онъ въ семъ смыслѣ могъ сказать, что есть наука о высокомъ? Не льзя того предполагать въ человѣкѣ столь же разсудительномъ, сколь онъ кажется таковымъ во всемъ прочемъ. Можно при дарованіи научиться хорошо сочинять, но быть высокимъ не льзя научиться. Буквальное названіе его сочиненія есть *о высокости*; подъ симъ уже само собою разумѣется совершенство въ родѣ высокомъ. Вотъ тѣ пять главныхъ способовъ, коими, по его мнѣнію, можно до онаго достигнуть: удачная смѣлость въ мысляхъ, изступленіе страсти, употребленіе словоизвитій, выборъ словъ или слововыраженіе, и то, что у древнихъ называлось составленіемъ, то есть разположеніе словъ, относительно плавности или мѣры и звучности. Кто не видитъ, что сіи то пять способовъ и составляютъ совершенство всякаго сочиненія? но ихъ можно соединить всѣ совокупно; они не будутъ имѣть и черты высо-

каго, приводящаго въ возторгъ всякаго человѣка однимъ словомъ; напротивъ того одно такое слово можетъ встрѣтиться въ сочиненіи, не имѣющемъ впрочемъ никакого достоинства. Приведемъ примѣры: *Британикъ* есть конечно прекрасный памятникъ нашего языка. Есть въ немъ мѣста слога высокаго, и между прочими рѣчь Бурра къ Нерону. Однакожъ ничего въ немъ нѣтъ такого, что произвело бы одинакое дѣйствіе удивленія, какъ сіе мѣсто Корнелевой *Медеи*, (трагедіи во всемъ очень не совершенной), приводимое всегда въ примѣръ между прочими высокими изреченіями сего великаго человѣка.

NERINE.

Voyez en quel état le ſort vous a reduite;
Votre pays vous hait, votre époux eſt ſans fois:
Dans un ſi grand revers que vous reſte-t-il?

MEDÉE.

Moi,
Moi, dis-je, et c'eſt aſsez.

НЕРИНА (*наперсница Медеи. Дѣйствіе I. явл. V.*

Зри жалкій жребій пвой; супругъ тебѣ невѣренъ,
Питаетъ ненависть къ тебѣ страна твоя:
Что въ бѣдствіи такомъ тебѣ осталось?

МЕДЕЯ.

Я,
Я, и довольно . . . . . .

Съ лишкомъ разборчивые люди, утверждающіе, что послѣднее сіе полустишіе умаляетъ красоту слова *я*, ошибаюпся страннымъ образомъ: оно не только не уменьшаетъ высокаго, но довершаетъ оное; ибо первое *я* значило бы только порывъ отчаянной смѣлости; но второе сказано съ разсужденіемъ; она подумала тутъ, и настоитъ твердо: я, и довольно. Первое удивляетъ, второе приводитъ въ трепетъ, когда вспомнишь, что слова сіи произноситъ Медея.

А въ *Никомидѣ*, трагедіи впрочемъ весьма недостаточной и въ премногихъ мѣстахъ низшей трагическаго рода, когда робкій Прузій говоритъ своему сыну:

PRUSIAS.

Je veux mettre d'accord l'amour et la nature;
Etre pere et mari dans cette conjoncture.

NICOMEDE.

Seigneur, voulez-vous bien vous en fier á moi?
Ne soyez l'un ni l'autre....

PRUSIAS.

Et que dois-je etre?

NICOMEDE.

Roi.

ПРУЗІЙ.

Хочу я примирить любовь съ природой нынѣ,
Отцемъ, супругомъ быть въ превратной сей
судьбинѣ.

НИКОМИДЪ *отвѣтствуетъ сыну:*

Коль въ сынѣ, Государь, увѣренъ ты своемъ, —
Не будь ни мѣмъ ни симъ....

ПРУЗІЙ.

Такъ кѣмъ же быть?

НИКОМИДЪ.

Царемъ.

Симъ однимъ словомъ *царемъ*, при такомъ положеніи, сказано все, что только можно сказать. Ничего уже не льзя болѣе выразить: сіе означаетъ высокое въ мысли. Высокое въ выраженіи находится еще въ одномъ изъ произведеній великаго Корнеля, то есть, въ трагедіи Отонъ, въ которой великъ онъ по одному только мѣсту. Рѣчь идетъ о трехъ злонамѣренныхъ министрахъ, споривщихъ о томъ, кому достанется въ корысть Римская имперія въ кратковременное царствованіе стараго Гальбы.

On les voyait tous trois s'empresser sous un maître,
Qui, chargé d'un long âge, a peu de tems a l'être;
Et tous trois a l'envi s'empresser ardemment
A qui dévorerait ce regne d'un moment.

Всѣ трое тщилися, зря долгой жизни бремя
Владыки, коего преходитъ власти время,
Всѣ трое напрерывъ по тщились изпытать,
Кому мгновенное владычество пожрать.

Пожрать владычество! какая ужасная сила выраженія! однакожъ оно ясно, точно и естественно: въ семъ то состоитъ высокое.

Лонгинъ заимствуетъ примѣры изъ однихъ почти лучшихъ писателей, изъ Гоме-

ра, Софокла, Еврипида, Демосфена, потому что желаетъ показать образцы слога. Естьлибъ захотѣлъ онъ приводить одинъ только реченія высокія, вспрѣчающіяся иногда даже въ писателяхъ второстепенныхъ, онъ нашелъ бы не одно такое реченіе въ трагедіяхъ Сенеки, какъ напримѣръ, сей стихъ въ его Ѳіестѣ, переведенный Кребильономъ слово въ слово. Атрей въ то время, когда Ѳіестъ держитъ чашу наполненную кровію сына его Плисѳена, со злобною радостію говоритъ ему: (*)

ATRÉE.

Méconnais tu ce sang?

THIESTE.

Je reconnais mon frere.

Узналъ ли кровь сію?

Сей несчастный отецъ отвѣтствуетъ:

Узналъ въ тебѣ я брата.

и ничего не льзя сказать сильнѣе. Въ другихъ своихъ твореніяхъ сей самый преисполненный ума и вмѣстѣ худаго вкуса Сенека, который весьма справедливо заслуживаетъ иногда удивленіе, и котораго весьма трудно читать сряду, не употребляетъ ли онъ времени до времени реченій поразительныхъ,

---

(*) *Атрей* трагедія, соч: Кребильона, дѣйствіе V, явленіе VIII.

и чаще нежели Цицеронъ? У сего оратора есть сочиненія высокія, то есть, непрерывно величественныя и сильныя; у Сенеки есть черты высокаго, блистающія подобно молніи; и что бы кто ни говорилъ, я предпочитаю *Цицерона Сенекѣ*, потому что самая яркая молнія нравится мнѣ гораздо менѣе, нежели ясный день, и я люблю болѣе тѣ удовольствія, которыя продолжительны.

И такъ никакому искуству, никакому изслѣдованію нельзя подвергнуть того, что можно почесть единственно удачною встрѣчею и, такъ сказать, находкою человѣка, высокимъ умомъ одареннаго, какая попадется иногда и другимъ, не только ему. Многіе однакожъ писатели старались опредѣлить высокое. — Представляю здѣсь сужденію читателей разныя, собранныя мною ихъ опредѣленія.

Разсмотримъ во первыхъ, какъ опредѣляетъ оное Боало въ разсужденіяхъ своихъ о Лонгинѣ; ибо надлежало ему по справедливости дополнить въ системѣ своей недостатки Лонгина, который не опредѣлилъ высокаго по причинѣ той, что намѣреваясь говорить о высокомъ слогѣ, о томъ, что только, какъ самъ онъ сказалъ, есть превосходнѣйшаго и величественнѣйшаго въ словѣ, призналъ за безполезное повторять сказанное до него всѣми риторами.

„Высокое есть извѣстная сила рѣчи, „способная къ возвышенію и возхищенію ду„ши, и произходящая или отъ величія мы-

„сли, или отъ великолѣпія словъ, или отъ „сладкозвучнаго, пылкаго и возхитительнаго оборота въ выраженіи, то есть, отъ „одного котораго нибудь изъ сихъ взятыхъ „раздѣльно источниковъ, или, что производитъ уже высокое въ совершенствѣ, „изъ всѣхъ оныхъ трехъ источниковъ совокупно.

Сіе опредѣленіе, хотя оно такъ длинно, что можетъ назваться описаніемъ, не кажется мнѣ лучшимъ. Я не могу себѣ представить высокаго *ни извѣстною силою рѣчи*, нижѐ *сладкозвучнымъ, пылкимъ и возхитительнымъ оборотомъ*. Сколько есть такихъ сочиненій, въ которыхъ все сіе находится, хотя и нѣтъ въ нихъ высокаго. Всего для меня яснѣе здѣсь раздѣленіе высокаго на три рода, взятое изъ трехъ первыхъ статей Лонгинова раздѣленія, на высокое въ мысли, на высокое въ чувствованіи или страсти, и на высокое въ словоизвитіяхъ или изображеніяхъ; но раздѣленіе не есть опредѣленіе.

Вотъ другое опредѣленіе Ламотта изъ разсужденія его объ одѣ.

„Высокое не иное что есть, какъ со„единеніе истиннаго съ новымъ въ мысли „величественной, выраженной съ пріят„ностію и краткостію.

Что всему приличествуетъ, то ничего не отличаетъ. *Истинное* должно находиться вездѣ; *новое* очень часто не можетъ быть высокимъ, и *пріятное* не заключается непремѣнно въ понятіи о высокомъ.

я сказанное Медеею, и *умереть* отцемъ Горацïевъ, ничего не имѣютъ въ себѣ пріятнаго.

Третïе опредѣленïе или описанïе сдѣлано Сильваномъ, сочинившимъ *разсужденïе о высокомъ*, которое написалъ онъ къ переводчику Лонгина, и въ которомъ гораздо болѣе словъ, нежели мыслей.

„Высокое есть рѣчь оборота чрезвы-„чайнаго . . . . (тутъ всякой захочетъ о-становиться; ибо во всѣхъ приведенныхъ мною доселѣ примѣрахъ высокаго нѣтъ никакого *чрезвычайнаго оборота словъ*, а напротивъ видѣнъ вездѣ даже самый простой оборотъ, кромѣ выраженïя *пожрать владычество*; но продолжимъ начатое:) „которая благороднѣйшими изображенïями „и величественнѣйшими мыслями, коихъ „заставляетъ она чувствовать все благо-„родство симъ самымъ оборотомъ выраже-„нïя, возноситъ душу превыше обыкновен-„ныхъ ея понятïй о величïи, и которая „вдругъ увлекая ее къ тому, что есть „превосходнѣйшаго въ природѣ, возхищаетъ „ее и доставляетъ ей высокое понятïе о „самой себѣ.

Въ цѣломъ описанïи семъ нѣтъ хорошаго, кромѣ послѣднихъ словъ, точно взятыхъ у Лонгина, который справедливо за одно изъ дѣйствïй высокаго поставляетъ внушенïе людямъ, разумѣющимъ оное, величайшаго понятïя о самихъ себѣ. Сïя мысль, коль же справедливая сколь и удач-

ная, кажется неумѣстною въ длинномъ пустословіи Сильвана.

Предлагаю четвертое опредѣленіе Сен-Марка, человѣка въ наукахъ весьма просвѣщеннаго, который съ пользою толковалъ Боало и Лонгина, но вкусъ котораго не всегда вѣренъ. „Высокое, говоритъ онъ, есть „краткое и сильное выраженіе всего того, „что только душа имѣетъ превозходнѣйша„го, величественнѣйшаго и прекраснѣйшаго.„ Сіе опредѣленіе хотя короче и яснѣе прочихъ, но при всемъ томъ сомнительно и не рѣшительно. Ибо послѣ сказаннаго, что только душа *имѣетъ превозходнѣйшаго*, прибавитъ еще *величественнѣйшаго*, не значитъ ли сказать два раза одно и тоже, поелику *величественное* въ семъ мѣстѣ не иное что значить можетъ, какъ превозходное? Впрочемъ онъ лучше другихъ проникъ въ мысль о высокомъ, тѣмъ что представляетъ оное какъ бы высочайшею степенію величія; но одинаково погрѣшилъ съ Ламоттомъ, который въ опредѣленіи своемъ ни за что считаетъ страстное, родъ высокаго столь же важный, сколь и другой который нибудь.

Двое писателей равно знаменитыхъ, хотя и въ весьма различныхъ родахъ учености, говорили также о высокомъ, Роллень и Ла Брюеръ; но ни тотъ ни другой не постарались опредѣлить онаго. Первому, въ *разсужденіи* его *о упражненіи во наукахъ*, особенно для молодыхъ людей сочиненномъ, но которое совѣтовалъ бы я читать всѣмъ,

предметъ его подалъ поводъ говорить о раздѣленіи краснорѣчія на три рода, мною вышепоказанномъ, на простый, умѣренный или средній, и высокій. Касаясь сего послѣдняго рода, онъ приводитъ одну только выписку изъ Лонгина о томъ, что наиболѣе означаетъ различныя свойства высокаго. Что принадлежитъ до особеннаго предмета Лонгинова разсужденія, онъ удерживается говорить, но такимъ образомъ, дабы можно было разумѣть, что онъ не слѣдуетъ мнѣнію Г. Депрео. Почитая тонкія сіи раздѣленія за мало-нужныя для его предмета, приемлетъ въ разсужденіи себя весьма благоразумную мѣру. „Не входя, говоритъ онъ, въ „какое либо изслѣдованіе, со многими тру„дностями сопряженное, покажу только, „что я высокимъ разумѣю здѣсь равномѣр„но какъ то, что имѣетъ большее проспе„ранство и находится въ продолженіи цѣ„лой рѣчи, такъ и то, что короче и состо„итъ изъ реченій сильныхъ и поразитель„ныхъ, поелику въ томъ и другомъ родѣ на„хожу я равномѣрно образъ мыслей и выра„женія благородный и величественный, со„ставляющій собственно высокое.... Въ Де„мосѳенѣ и Цицеронѣ есть многія мѣста „весьма разпространенныя и размноженныя, „но притомъ очень высокія, хотя и нѣтъ „въ оныхъ краткости.

Изъ сихъ словъ можно заключить, что разсудительный Роллень не желая противурѣчить явно Г-ну Депрео, сближился однакожъ съ Лонгиномъ, нашедъ въ высокомъ

то, что токмо есть величественѣйшаго и важнѣйшаго въ поэзіи и витійствѣ.

Послушаемъ теперь Ла Брюера, но вспомнимъ притомъ, что неудобопонятная краткость его слога не столько насъ вразумитъ, сколько заставитъ думать.

„Что такое есть высокое? Кажется, „оно еще не опредѣлено. Значитъ ли оно „какую фигуру? не произходитъ ли отъ фи„гуръ или по крайней мѣрѣ отъ нѣкото„рыхъ фигуръ? Всякому ли роду сочиненія „свойственно высокое, или только однимъ „предметамъ важнымъ? Можно ли въ эк„логахъ „напримѣръ, блеснуть чѣмъ либо „инымъ, кромѣ красоты естественной, и „въ пріятельскихъ письмахъ, также какъ „въ разговорахъ, кромѣ опитѣнной вѣжливо„сти? или паче естественное и вѣжливое „не значитъ ли высокое въ произведеніяхъ, „коихъ составляютъ они совершенство? „

Естьли бы я осмѣлился отвѣтствовать на вопросы Ла Брюера, я сказалъ бы: высокое совсѣмъ не есть фигура и никакой нужды въ фигурахъ не имѣетъ; что доказываютъ премногіе примѣры. А какому роду сочиненія оное свойственно, сіе долженъ рѣшить здравый разсудокъ, согласно съ главнымъ правиломъ о приличіяхъ. Легко сказать, какому роду наиболѣе оно свойственно; но трудно назвать тѣ роды, коимъ оно совсѣмъ не свойственно. Не льзя предвидѣть всѣхъ изключеній. Что препятствуетъ въ разговорѣ или въ письмѣ помѣстить высокое слово? Сіе зависитъ

отъ содержанія письма и разговора. Но я не думаю, скажу въ отвѣтъ на послѣдній вопросъ, чтобы совершенство въ маловажныхъ вещахъ можно было когда нибудь назвать высокимъ. Ла Брюеръ продолжаетъ:

„Высокое изображаетъ только исти-„ну, но въ предметѣ благородномъ; из-„ображаетъ ее совершенно, въ ея причинѣ „или въ ея дѣйствіи; оно есть выраженіе „или изображеніе, сей истины достойнѣй-„шее . . . . Даже между людьми, имѣющи-„ми великія дарованія, самые токмо пре-„возходнѣйшіе способны къ высокому.

Такъ, къ высокому непрерывному, къ тому, что мы называемъ высокимъ слогомъ, каковымъ писаны *Авалія* и *Брутъ*; но разумѣя высокое вдругъ блеснувшее, думаю, что я доказалъ противное тому.

Послѣ сего нападенія на писателей новѣйшихъ, разсуждавшихъ о высокомъ, время обратиться къ Лонгину, который не возхотѣвъ опредѣлить онаго точно, излагаетъ очень вѣрно различныя его свойства, и дѣйствія его описываетъ живо.

„Простое убѣжденіе, говоритъ онъ, „дѣлаетъ въ насъ впечатлѣніе пріятное, „которое мы охотно въ себя возприем-„лемъ; но высокое дѣйствуетъ надъ нами „силою неодолимою. Повелѣваетъ нами „какъ властелинъ, и поражаетъ насъ какъ „громовой ударъ.

„Душа наша естественно возвышает-„ся, когда ощущаетъ высокое. Она какъ „бы возносится превыше самой себя, и

„наполняется нѣкою высокомѣрною радо-
„стію, мечтая, что ощущенное ею есть
„собственное ея произведеніе.„ Вотъ безъ сомнѣнія достойное изображеніе высокаго. Онъ присовокупляетъ къ тому: „Великое
„есть то, что занимаетъ собою разумъ на
„долгое время, что производитъ въ насъ
„такое впечатлѣніе, котораго мы отразить
„не можемъ, и что оставляетъ по себѣ жи-
„вое и неизгладимое въ памяти представле-
„ніе.„ Замѣтимъ, что сочинитель безъ разбора употребляетъ слова великое, высокое, и многія другія симъ подобныя, для выраженія той же мысли, и вотъ новое доказательство истиннаго смысла, придаемаго нами здѣсь высокому. Другое еще сильнѣйшее доказательство есть то, что въ томъ мѣстѣ, въ которомъ раздѣляетъ онъ главные источники высокаго, говоритъ именно: „Все-
„му основаніемъ полагаю я даръ краснорѣ-
„чія, безъ котораго ничего не выйдетъ хо-
„рошаго.„ Изъ сего слѣдуетъ, что то, о чемъ онъ здѣсь разсуждаетъ, есть совершенство сего дара, которое кажется ему необходимымъ.

Что принадлежитъ до двухъ первыхъ источниковъ высокаго, возвышенія мыслей и силы чувствованій и страстей, онъ весьма основательно признаетъ ихъ паче природными дарованіями, нежели приобрѣтеніями искуства. Справедливо охуждаетъ Цецилія за то, что не присоединилъ страстнаго къ различнымъ родамъ высокаго. „Онъ
„весьма ошибся, говоритъ Лонгинъ, ежели

„подумалъ, что одно другаго чуждо. Смѣю „увѣрить, что нѣтъ ничего въ краснорѣ- „чіи толь великаго, какъ сильно выражен- „ная и прилично употребленная страсть; „тогда то рѣчь доходитъ какъ бы до из- „ступленія и подобится вдохновенію.

Онъ возвращается къ сказанному имъ о томъ разположеніи къ великому, которое зависитъ отъ природы. „Можно однакожъ „укрѣплять и питать сіе разположеніе на- „выкомъ наполняя душу свою одними че- „стными и благородными чувствованіями. „Не возможно, чтобы разумъ, занятый все- „гда предметами маловажными, произвелъ „что либо достойное удивленія и вниманія „потомства. Всякъ въ сочиненія свои по- „мѣщаетъ только то, что почерпаетъ въ „самомъ себѣ, и высокое есть, такъ ска- „зать, отголосокъ великой души.„ (*)

(*) Здѣсь Г. Лагарпъ сказалъ очень кратко, взявъ одну сущность изъ подлинника: ибо переводъ съ Греческаго Г. Боало очень разнствуетъ отъ перевода Лагарпова. Боало перевелъ такъ: „Мы должны, сколько возможно, приуготов- „лять нашъ разумъ къ великому, наполнять „и воздымать оный, такъ сказать, нѣкою „благородною и благомысленною гордостію.... „Не возможно, чтобъ тотъ человѣкъ, кото- „рый во всю свою жизнь имѣлъ одни только „чувствованія и склонности низкія и рабскія, „произвелъ что либо весьма удивительное и „достойное потомства. Вѣроятно, тѣ только, „которые имѣютъ высокія и твердыя мысли,

Признаюсь, что изъ всего сказаннаго объ ономъ предложеніи сіе мѣсто кажется мнѣ удачнѣйшимъ.

Лонгинъ примѣры величественныхъ мыслей и величественныхъ изображеній охотнѣе избираетъ въ Иліадѣ; ибо, кажется, почитаетъ ихъ какъ бы произходящими отъ того же источника; то есть, отъ способности выражать сильно. Никто сему предпочтенію не удивляется, зная, что Гомеръ въ семъ родѣ обильнѣе всѣхъ стихотворцевъ, особливо для разумѣющихъ языкъ его; ибо должно согласиться, что самъ Боало, хотя многія изъ него мѣста, въ стихи имъ переведенныя, составляютъ достойнѣйшую уваженія часть его произведенія, нѣсколько ослабляетъ Гомера въ переводѣ. Я намѣренъ однакожъ показать вамъ здѣсь его преложеніе: кто бы осмѣлился преложить еще лучше? но напередъ представлю точный переводъ съ Греческихъ стиховъ, дабы лучше можно было сравнить оный съ его стихами.

То мѣсто, о которомъ упоминается въ Лонгинѣ, взято изъ начала двадцатой книги Иліады. Въ немъ означается время, въ которое Юпитеръ позволилъ богамъ вмѣшаться въ раздоръ Грѣковъ съ Троянами, и сойти на поле битвъ. Онъ самъ подаетъ къ

„могутъ производить возвышенныя рѣчи; а „особливо великимъ людямъ свойственно „сказать иногда нѣчто чрезвычайное.

тому знакъ ударами грома, раздавшимися въ высотѣ небесъ, и Нептунъ трезубцемъ своимъ ударя въ землю, потрясаетъ вершины горы Иды и башни Иліона. Вотъ точный переводъ Гомеровыхъ стиховъ: на Греческомъ оныхъ пять; а Боало сдѣлалъ изъ нихъ восемь.

„Самъ ада царь Плутонъ ужасается въ „подземномъ жилищѣ семъ; стремится со „престола своего и вопіетъ отъ страха, „дабы Нептунъ, разсѣкающій ударами свои„ми землю, не сокрушилъ оныя, и дабы „страны мертвыхъ гнусныя и смрадныя, „самихъ боговъ ужасающія, не открылись „предъ очами смертныхъ и безсмертныхъ.

Не забудемъ, что во всякомъ величественномъ изображеніи, во всякомъ описаніи, содержащемъ важное какое нибудь дѣйствіе, главнѣйшимъ дѣломъ почитается, чтобъ не было въ ономъ никакого обстоятельства пустаго, но всякое находилось бы въ своемъ мѣстѣ; ибо все то, что не принадлежитъ къ самому дѣйствію, ослабляетъ оное. По сему ни мало не льзя опорочить стиховъ Гомеровыхъ: нѣтъ въ нихъ ни одного пустаго или слабаго выраженія; все поразительно, все увеличивается постепенно. Разсмотримъ теперь стихи Боаловы.

L'enfer s'émeut au bruit de Neptune en furie;
Pluton *sort* de son trône, *il pâlit, il s'écrie*;
Il a peur que le dieu dans cet affreux séjour,
D'un coup de son trident, ne faſse entrer le jour;
Et *par le centre ouvert* de la terre ébranlée,
Ne faſse voir du Stix la rive désolée,

Ne découvre aux vivans cet empire odieux,
Abhorré des mortels et craint même des dieux.

Содрогся адъ, внявъ шумъ разгнѣванна Нептуна;
Плутонъ съ престола *сшелъ, блѣднѣетъ, вопіетъ*;
Страшится, чтобъ сей богъ въ ужасное жилище
Входъ свѣту не открылъ ударами трезубца,
И двигнутой земли *отверзтою срединой*
Плачевныхъ Стиксовыхъ бреговъ не показалъ,
Чтобъ не открылъ живымъ страны той ненавистной,
Для смертныхъ мерзостной, ужасной и богамъ.

Первый стихъ очень красивъ. *Шумъ Нептуна* есть одинъ изъ тѣхъ витіеватыхъ оборотовъ, коими весьма удачно отличается стихотвореніе отъ прозы. Въ оной слово *шумъ* относится только къ вещамъ, а не къ лицамъ. Въ нарѣчіи обыкновенномъ не льзя сказать *шумъ разгнѣваннаго царя*, а шумъ гнѣва царскаго. Всѣ таковыя извитія въ слововыраженіи не всегда замѣчаются, хотя онѣ придаютъ ему истинную красоту стихотворческую. Но во второмъ стихѣ, *Плутонъ со престола сшелъ*, не есть ли выраженіе весьма слабое въ сравненіи съ Греческимъ словомъ, означающимъ точно, — *стремится*? Сіе слово изображаетъ смятенное отъ ужаса движеніе, а то ничего не изображаетъ: разность сія очень велика; а ежели присовокупить къ тому, что на Греческомъ слова, *стремится со престола своего и вопіетъ*, пресѣкаютъ стихъ въ срединѣ и дѣлаютъ нѣкую остановку подражательную, сіе же полустишіе, *блѣднѣетъ*

вопіетъ, однообразно; то не должно ли извинить чувствующихъ подлинныя таковыя красоты, что они съ лишкомъ разборчивы въ переводахъ, которые ихъ ослабляютъ? Впрочемъ стихотворецъ Французскій очень поправился слѣдующими двумя стихами:

Страшится, чтобъ сей богъ въ ужасное жилище
Входъ свѣту не открылъ ударами трезубца.

Сей послѣдній стихъ удивителенъ. Въ Гомерѣ нѣтъ онаго. Онъ сдѣланъ въ подраженіе Виргиліеву стиху (*); и сіе самое Боало справедливо называетъ борьбою съ наставникомъ своимъ; жаль, что въ слѣдующемъ стихѣ не соблюлъ онъ одинакой силы. Выраженіе —

И двигнутой земли *отверзтой срединой*

есть наборъ словъ, весьма противный высокому слогу.

Плачевныхъ Стиксовыхъ береговъ *не показалъ*.

Не показалъ, не открылъ, почти одно и то же повторено въ трехъ стихахъ; сіе означаетъ нерадѣніе въ такомъ важномъ мѣстѣ: но *показать плачевныя брега Стикса* такъ ли же сильно изображаетъ мысль, какъ *разсѣкать землю ударами*? и плавное сіе полустишіе, *плачевныхъ Стиксовыхъ*, представляетъ ли воображенію *ѣдкія и смрадныя страны*? Усугубленіе таковыхъ живописующихъ прилагательныхъ

(*) Trepidentque immisso lumine manes

имѣетъ вѣрное свое дѣйствіе, а Гомеръ и Виргилій ими преисполнены. Два послѣдніе стиха прекрасны и сладкозвучны; но вообще кажется мнѣ, картина Гомерова не вся изображена въ стихахъ переводчика.

„Видишь ли (говоритъ Лонгинъ, замѣ-
„чая величественное сіе изображеніе), ви-
„дишь ли ты, какъ земля въ основаніяхъ
„своихъ поколебалася, тартаръ отверзся,
„громада вселенныя обрушилась; небеса, адъ,
„смертные, и безсмертные всѣ купно срази-
„лись и всѣ въ опасности?

Сей великій почитатель Иліады не такъ много уважаетъ Одиссею, весьма разнствуя въ ономъ отъ многихъ новѣйшихъ любителей словесности, поставляющихъ наравнѣ или и предпочитающихъ ее Иліадѣ. Здѣсь не мѣсто сравнивать двѣ сіи поэмы, нижѐ объяснять, почему мнѣніе мое совершенно согласно съ мнѣніемъ Лонгина; но сказанное имъ о семъ предложеніи есть весьма достойная замѣчанія мысль, которая послужитъ намъ доказательствомъ онаго.

„Одиссея показываетъ паденіе великаго
„ума въ томъ человѣкѣ, который старѣя,
„начинаетъ любить сказки. Иліада, сочинен-
„ная имъ въ молодыхъ лѣтахъ, исполнена
„силы и дѣйствія; Одиссея почти вся сос-
„тоитъ изъ разсказовъ, означающихъ склон-
„ность старости. Гомера, въ семъ послѣд-
„немъ твореніи, можно сравнить съ заходя-
„щимъ солнцемъ, которое зрится еще вели-
„чественнымъ, но ужѐ не сообщаетъ тепло-
„ты своей. Нѣтъ уже въ Одиссеѣ того огня,

„который оживляетъ всю Иліаду, той высо-
„кости ума, которая никогда не унижается,
„той дѣятельности, которая не успокое-
„вается; того стремительнаго потока стра-
„стей, который тебя увлекаетъ, того мно-
„жества вымысловъ удачныхъ и истинныхъ,
„какіе въ Иліадѣ. Но какъ океанъ даже во
„время своего отлива, и когда уже онъ отъ
„береговъ своихъ отступаетъ, все еще есть
„океанъ; такъ и та старость, о которой я
„говорю, есть еще старость Гомерова.

Лонгинъ желая показать другой примѣръ живыхъ изображеній, хотя оный по собственному его признанію ниже всего того, что приведено имъ изъ Гомера, избралъ его изъ одной трагедіи Еврипидовой *Фаэтонтъ*, которая потеряна, такъ какъ и многія другія. Онъ признается, что Еврипидъ, который превозходенъ былъ въ страстномъ и котораго всѣ древніе критики, начиная съ Аристотеля, въ разсужденіи слога поставили гораздо ниже Софокла, не можетъ равняться съ Гомеромъ. Но (присовокупляетъ къ тому), хотя даръ его и не достигаетъ величественнаго, однакожъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оживляется и надѣляетъ его изображеніями довольно смѣлыми. Приведенное имъ мѣсто Боало перевелъ въ стихи, и очень примѣтно, что уже не съ Гомеромъ борется: сколь онъ былъ ниже сего, столь выше теперь Еврипида. Солнце говоритъ своему сыну:

„Prends garde qu' une ardeur trop funeste a ta vie
„Ne t'emporte au-deſſus de l'aride Lybie.
„Là jamais d'aucune eau le ſillon arroſé
„Ne rafraîchit mon char dans ſa courſe embraſé.

. . . . . .

„Auſsitôt devant toi s'offriront ſept etoiles.
„Dreſse pra-là ta courſe, et ſuis le droit chemin.“
Phaëton à ces mots prend les rênes en main.
De ses chevaux ailés il bat les flancs agiles;
Les courſiers du Soleil à ſa voix ſont dociles.
Ils vont: le char s'éloigne, et plus prompt que l'éclair,
Pénetre en un moment les vaſtes champs de l'air.
Le pere cependant, plein d'un trouble funeste,
Le voit rouler de loin sur la plaine céleste,
Lui montre encor ſa route, et du plus haut des cieux
Le ſuit, autant qu'il peut, de la voix et des yeux.
„Va par-là, lui dit-il, reviens, détourne, arrête etc.

„Брегися въ бѣдственной ты пылкости своей
„Превыше знойныя Ливіи занестися:
„Въ неорошаемыхъ водою тамъ броздахъ
„Пылаешъ слѣдъ моей парящей колесницы.

И нѣсколько ниже:

„Немедлѣнно семь звѣздъ увидишь предъ собою.
„Ты къ нимъ направь свой путь, держись стези прямой.
При сихъ словахъ бразды взявъ въ руки фаэтонтъ,
По гибкимъ ими бьетъ бедрамъ коней крылатыхъ;
И кони Солнцевы покорствуютъ. — Летятъ:
Быстрѣе молніи несяся колесница,
Полей воздушныхъ вмигъ пространство пробѣжитъ.
Межъ пѣмъ въ смущеніи зря издали отецъ
Стремленіе его по равнинѣ небесной,
Всё кажетъ путь ему, и съ выспренныхъ небесъ
Послѣдуетъ за нимъ и гласомъ, и очами.
Правь путь, речетъ; назадъ, поворотись, постой,
и прочъ.

„Не скажешь ли, продолжаетъ Лонгинъ, „что душа стихотворца возходитъ на коле- „сницу вмѣстѣ съ Фаетономъ, раздѣляетъ „съ нимъ всѣ опасности, и паритъ съ его „конямя по высотамъ воздушнымъ?

Сему толь живому изображенію противуполагаетъ онъ другое различнаго свойства, изъ трагедіи Эсхила *Семь полководцево* при Θивахъ, которое Боало перевелъ очень хорото.

Sur un bouclier noir, fept chefs impitoyables
Epouvantent les dieux de fermens effroyables.
Pres d'un taureau mourant qu'ils viennent d'égorger,
Tous, la main dans le sang, jurent de fe venger.
Ils en jurent la Peur, le dieu Mars et Bellone.

Вкругъ чернаго щита семь грозныхъ полководцевъ
Ужасной клятвою боговъ приводятъ въ трепетъ.
Близъ умирающа тельца, закланна ими,
Всѣ, кровью обагрясь, кленутся отомстить;
Кленутся Страхомъ въ томъ, и Марсомъ и Белоной.

Всего прекраснѣе въ сихъ стихахъ живописное оное полустишіе: *всѣ, кровью обагрясь*. Переводчикъ превзошелъ сочинителя, употребившаго цѣлый стихъ для сей картины, которую краткость полустишія дѣлаетъ поразительнѣйшею на французскомъ языкѣ, потому что она принуждаетъ умъ остановиться. Вотъ одно изъ таинствъ нашего стихосложенія. (*)

(*) Краткость полустишія или реченія, содержа-

Я замѣчу при томъ, что два отрывка, которые теперь мы слышали, одинъ изъ Еврипида, а другой изъ Софокла, ничего не имѣютъ въ себѣ собственно высокаго; но первый достоинъ примѣчанія по живости, а вторый по силѣ изображеній, и слѣдовательно оба принадлежатъ къ тому возвышенному слогу, о которомъ мы разсуждаемъ.

Въ статьѣ о словоизвитіяхъ риторическихъ приводитъ онъ два славныя мѣста изъ Демосѳена. О нихъ скажу я, когда будемъ разсматривать сего оратора. Но говоря о словоизвитіяхъ, предписываетъ правило благоразумнѣйшее, служащее къ приличному употребленію ихъ и къ здравому объ оныхъ сужденію. „Людямъ свойственно, го„воритъ онъ, не полагаться ни на какое „лукавство: а какъ словоизвитія заключаютъ „въ себѣ обманъ; то лучшее изъ нихъ есть „то, которое такъ хорошо скрыто, что не „льзя его примѣтить. Почему сила мысли

щаго въ себѣ какое либо изображеніе поразительное, которое останавливаетъ на себѣ вниманіе наше, дѣлаетъ конечно великую красоту какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ: но такая сильная краткость не есть таинство одного стихосложенія Французскаго; она свойственна всѣмъ языкамъ, на которыхъ употребительно стихотворство. Вообще краткость, живость и разительность мыслей составляютъ качества онаго превозходныя.

„или чувствія должна быть такова, дабы „она закрывала собою словоизвитіе и не до„пускала помыслить объ ономъ.

Мнѣніе сіе очечь важно, и таковыя украшенія, называемыя фигурами риторическими, подверглись крайнему поношенію не по тому, чтобъ онѣ сами по себѣ не были прекрасны, но по злоупотребленію оныхъ. Надлежитъ помнить, что словоизвитія должны быть всегда соразмѣрны съ чувствіями или мыслями, безъ чего не могутъ онѣ сходствовать съ природою, поелику совсѣмъ не естественно человѣку, безъ сильныхъ ощущеній, употреблять сильныя словоизвитія, въ которыхъ не имѣетъ онъ никакой нужды. Опытомъ дознано, что страсть и чувствительность изобрѣли извитія рѣченій, для выраженія себя съ бо́льшею силою. Когда есть такая соразмѣрность, то дѣйствіе оной вѣрно, ибо тогда, какъ говоритъ Лонгинъ, извитія бываютъ такъ естественны, что о употребленіи оныхъ въ рѣчи не льзя и догадаться. Возмемъ въ примѣръ то обращеніе Аякса къ Юпитеру, о коемъ говорили мы выше. Возбужденіе толь истинно, мысль толь величественна и раждается отъ положенія и свойства толь необходимо, что все сіе само собою видно, и никому не приходитъ на мысль замѣтить тутъ риторическую фигуру, называемую обращеніемъ (apostrophe). Но положимъ, что кто бы нибудь сдѣлалъ обращеніе къ Юпитеру въ положеніи спокойномъ, не сказавъ ему ничего инаго, кромѣ самаго обыкновеннаго

выраженія; тогда всякъ узналъ бы риторa и покусился сказать ему: къ чему служитъ сіе обращеніе? Аяксово обращеніе, по выраженію Лонгина, скрывается въ высокости мысли. Въ Софоклѣ найдемъ мы еще другое, которое означаетъ высокое въ чувствованіи. Оставя все относящееся къ чести переводчика, прошу позволить мнѣ взять оное изъ трагедіи Филоктетъ. Я не знаю примѣра, который бы лучше объяснялъ мысль Лонгина. Оный находится въ томъ явленіи, въ коемъ Филоктетъ, узнавъ наконецъ, что хотятъ вести его къ осадѣ Трои, умоляетъ Пирра, чтобъ онъ отдалъ ему стрѣлы его.

Rends, mon fils, rends ces traits que je t'ai confiés.
Tu ne peux les garder: c'eſt mon bien, c'est ma vie,
Et ma crédulité doit-elle être punie?
Bougis d'en abuser... au nom de tous les dieux...
Tu ne me réponds rien! tu détournes les yeux!
Je ne puis te fléchir!... ô rochers! ô rivages!
Vous, mes ſeuls compagnons, ô vous monſtres ſauvages!
(Car je n'ai plus que vous à qui ma voix, helas!
Puisse adreſser des cris que l'on n'écoute pas)
Témoins accoutumés de ma plainte inutile,
Voyez ce que m'a fait le fils du grand Achille.

Отдай, мой сынъ, отдай мной вѣренныя стрѣлы.
Ты ихъ не сохранишь: въ нихъ счастье, жизнь моя;
Иль хочешь наказать меня за легковѣрность?
Стыдись ей измѣнишь... для имени боговъ....
Ты не отвѣтствуешь! ты взоры отвращаешь!
Я не могу тебя, жестокій, преклонить!...
О горы! о брега! и вы, о звѣри дики,
Единыѣ мои товарищи въ пустынѣ!
Къ кому мнѣ, кромѣ васъ, мой вопль произнести?
Свидѣтели моихъ безплодныхъ жалобъ, зрите,
Что мнѣ содѣлалъ сынъ велиiаго Ахилла.

Сіе обращеніе къ существамъ, не внемлющимъ его, изъ всѣхъ извитій есть самое смѣлое. Но кто подумаетъ когда либо замѣтить извитіе въ семъ движеніи, которое весьма естественно въ положеніи Филоктета? Кому не извѣстно, что человѣкъ въ крайней горести прибѣгнетъ ко всему, къ чему только можетъ? Пирръ его не внимаетъ, къ кому же прибѣгнетъ несчастный, какъ не къ горамъ, не къ берегамъ и звѣрямъ дикимъ, единымъ существамъ, обыкновенно внимающимъ его жалобу? Но начни говорить къ скаламъ безъ всякой въ томъ нужды; тогда скажутъ о тебѣ: вотъ школьникъ, которому натолковали, что обращеніе есть прекрасная риторическая фигура. Что въ разговорѣ обыкновеннѣе вопрошенія? Однакожъ и то называется извитіемъ, когда мы говоримъ къ собравшимся людямъ. Ибо вопрошеніе само въ себѣ предполагаетъ разговоръ. „Но почему, говоритъ Лонгинъ очень „замысловато, извитіе сіе есть самое ви„тійственное, и часто производитъ дѣйст„віе очень сильное? потому что когда насъ „вопрошаютъ, мы весьма естественно побу„ждаемся къ отвѣтствованію, и ораторъ, вмѣ„шѣ вопрошая и отвѣтствуя, нѣкоторымъ „образомъ обольщаетъ слушателе, которымъ „отвѣтъ его, требовавшій размышленія, ка„жется минутнымъ дѣломъ.

Довольно сего разсужденія о словоизвитіяхъ, о которыхъ я, такъ какъ Лонгинъ, долженъ былъ сказать относительно токмо къ ихъ употребленію въ слогѣ высокомъ,

Онѣ могутъ впрочемъ подать поводъ ко многимъ замѣчаніямъ, которыя въ послѣдствіи займутъ свое мѣсто. Сказанное имъ о выборѣ, разпорядкѣ и теченіи словъ совсѣмъ не подлежитъ нашему разсмотрѣнію, кромѣ относящагося къ общему и извѣстному писателямъ на всѣхъ языкахъ правилу, никакъ не оскорблять слуха, и избѣгать равно натянутыхъ выраженій и низкихъ словъ. Боало сказалъ:

Ne préſentez jamais de baſſes circonſtances.
Не представляй того, что низко, подло, гадко.

и Лонгинъ укоряетъ Гезіода, что онъ говоря о богинѣ тьмы, сказалъ:

Une puante humeur lui coulait des narines.
Зловонна изъ ея ноздреи лилася влага.

Изъ сего видно, что на всѣхъ равномѣрно языкахъ есть выраженія низкія, хотя изъ употребленія знаемъ, что много есть такихъ словъ, которыя подлы будучи на одномъ, совсѣмъ не таковы на другомъ языкѣ.

Сочинитель разсужденія о высокомъ укоряетъ также Платона излишнею пышностію въ слогѣ и принужденными его украшеніями; онъ приводитъ то мѣсто, въ которомъ сей философъ говоритъ о винѣ, что оно *кипитъ и шумитъ, но входитъ въ сообщество съ божествомъ трезвымъ, которое исправляетъ его и дѣлаетъ при-*

ятнымъ и вкуснымъ для питія. Названіе воды *божественно трезвымъ* такъ же смѣшно на Французскомъ, какъ и на Греческомъ языкѣ, и сужденіе Лонгина всякой одобритъ. Сей просвѣщенный почитатель великихъ писателей не ослѣпляется, судя о ихъ недостаткахъ. Мы уже видѣли, какъ онъ мыслитъ объ Одиссеѣ, и что находитъ достойнымъ порицанія въ Платонѣ, котораго впрочемъ прекрасный даръ почитаетъ и превозноситъ. Онъ еще болѣе плѣненъ Демосѳеномъ, коего поставляетъ выше всѣхъ ораторовъ, и не скрываетъ однакожъ ни одного въ немъ недостатка. „Демосѳенъ не успѣлъ „въ изображеніи страстей умѣренныхъ, онъ „грубъ; не достаетъ въ немъ гибкости и „великолѣпія; онъ не умѣетъ вести шутки. „Напротивъ того Гиперидъ (другой весьма „знаменитый ораторъ, современникъ и со„перникъ Демосѳеновъ), Гиперидъ всѣ тѣ „имѣетъ качества, которыхъ не достаетъ „въ Демосѳенѣ; но никогда не достигаетъ „высокаго. Демосѳенъ родился для высокаго. „Природа и наука даровали ему все то, что „можетъ его къ оному руководствовать. Въ „немъ соединено все, что дѣлаетъ оратора „превозходнымъ, примѣтное величіе, пыл„кость въ изображеніи страстей, обиліе въ „доказательствахъ, ловкость, быстрота и „сила въ высочайшей степени.

Въ другомъ мѣстѣ сравниваетъ его съ Цицерономъ. „Онъ великъ своимъ изоби„ліемъ, какъ Демосѳенъ великъ своею крат„костію. Сего сравню я съ изтребительною

„молніею, съ опустошительною бурею; а „того съ великимъ пожаромъ, все пожира„щимъ, и усиливающимся безпрестанно.

Лонгинъ въ сочиненіи своемъ употребилъ одну главу на разсужденіе о слѣдующемъ вопросѣ, который возобновляемъ былъ иногда послѣ него, и котораго, говоря собственно, не льзя принять за вопросъ: что предпочтительнѣе, посредственное ли, неимѣющее недостатковъ, или высокое съ недостатками? На сіе можно тотчасъ отвѣтствовать, что тутъ есть нѣкое въ словахъ противурѣчіе; ибо самый по существенный недостатокъ, когда нѣтъ великихъ красотъ въ такомъ предметѣ, который можетъ имѣть оныя. Потомъ, прежде нежели поступлю далѣе, сошлюсь на сію статью Лонгинову какъ на послѣднее и самое явное доказательство, что онъ не намѣренъ говорить о тѣхъ высокихъ реченіяхъ, въ которыхъ понятіе не предполагаетъ никакого недостатка, но о такихъ сочиненіяхъ, коихъ содержаніе и качество принадлежатъ къ роду высокому. Сіе, кажется мнѣ, довольно доказано; и я не скажу болѣе объ ономъ ничего. И такъ сочиненія, въ посредственности своей почти безпорочныя, противуполагаетъ онъ тѣмъ, которыя имѣютъ пороки и неравности въ обыкновенномъ своемъ возвышеніи. И всякъ видитъ, что въ семъ нѣтъ ничего сомнительнаго. „Должно извинять тѣхъ, говоритъ онъ, „кои при высочайшетъ своемъ парѣніи иног„да низпадаютъ, и тѣхъ, которые при

„величайшемъ богатствѣ о нѣкоторой ча„сти онаго небрегутъ. Неимѣющаго по„роковъ никто не укоритъ; а производяще„му великія красоты всякъ будетъ удивляться. Кшо не возвышается, никогда не у„падаетъ; но мы естественно удивляемся великому, и одного какого либо прекраснаго мѣста въ сочиненіяхъ превозходныхъ на„шихъ писателей довольно къ заглажденію всѣхъ ихъ пороковъ.

Сихъ немногихъ словъ довольно также къ разрѣшенію предложеннаго вопроса. Но есть такіе неосновательные умы, которые съ лишкомъ увеличивая правило истинное, дѣлаютъ изъ онаго правило заблужденія, и есть такіе люди, кои хотятъ насъ увѣрить, что для одного какого нибудь удачнаго мѣста можно извинить всѣ погрѣшности худаго сочиненія. Кажется, Лонгинъ предузналъ ихъ мысли, и почелъ себя обязаннымъ напередъ имъ отвѣтствовать. Ибо присовокупляетъ онъ къ тому: „Собери всѣ „Гомеровы и Демосѳеновы погрѣшности, ты „увидишь, что онѣ составляютъ прокмо „самую малую часть ихъ произведеній. „ Симъ довольно ясно сказано, что онъ извиняетъ погрѣшности только тамъ, гдѣ несравненно больше красотъ: что самое сказалъ уже Горацій, и что могло быть только ложно разполковано единственно тѣми, кои въ семъ имѣли нужду.

Другую главу Лонгинъ опредѣлилъ на разсмотрѣніе могущества сладкогласія, рождающагося отъ разпорядка словъ, и состра-

вляетаго самую существенную часть поэзіи и красноѣчія у такого народа, который по привычкѣ къ языку, такъ сказать, мусикійскому содѣлался въ семъ родѣ весьма разборчивымъ и чувствительнымъ. *Сужденіе слуха есть наилучшее изъ всѣхъ сужденій*, сказалъ уже Квинтиліанъ. И хотя нашъ языкъ не составленъ изъ частей толь же сладкогласныхъ, какъ языкъ Греческій, нижѐ какъ Латинскій, но искуственное сладкогласіе, произходящее отъ разпорядка словъ, тѣмъ не менѣе для насъ ощутительно, и тѣмъ самымъ, чего не достаетъ въ языкѣ, трудъ сей дѣлается необходимѣе, и достоинство онаго увеличивается. Да и кто не изпыталъ, что непріятный звукъ и грубый составъ словъ можетъ изказить превозходнѣйшія мѣста въ сочиненіи? И такъ Лонгинъ имѣлъ довольную причину къ разсужденію о сей части, какъ о самой существенной въ высокомъ, и всѣмъ извѣстно, до какой степени древніе въ разсужденіи сего простирали свою разборчивость. „Сладкогласіе „въ рѣчи, говоритъ онъ, не только пора„жаетъ слухъ, но и разумъ: оно возбуждаетъ „въ немъ множество мыслей, чувствій, „представленій, и сообразностію звуковъ „съ мыслями сливается въ нашу душу.... „Красоту тѣла составляетъ совокупность „и соразмѣрность его членовъ; раздѣли ихъ, „красота сія ужѐ изчезнетъ: то же самое „можетъ быть и съ частьми сладкогласныхъ речений: разстрой ихъ порядокъ, пре„ви соединяющія ихъ узы, и все производи-

„мое ими дѣйствіе уничтожится.„ Сравне-
„ніе сіе очень вѣрно.

Лонгинъ совѣтуетъ также не разпро-
странять съ лишкомъ періодовъ, и съ лиш-
комъ не стѣснять оныхъ. Сей послѣдній не-
достатокъ наипаче пропивенъ прямо высо-
кому слогу, не высокому въ какомъ либо сло-
вѣ, но свойству величія, соотвѣтственнаго
предметамъ важнымъ. Гомеровъ слогъ мѣренъ,
плавенъ, постепененъ въ возвышеніи; нѣкій
порядокъ въ связи и возбужденіи страстей
теченіе онаго дѣлаетъ пріятнымъ. Перево-
дитъ его слогомъ отрывистымъ, какъ сіе
сдѣлано въ наше время, потому что такъ
перевести было легче, нежели дать почув-
ствовать въ преложеніи хотя отъ части
сладкогласіе подлинника, значитъ отнимать
у него одно изъ главныхъ его свойствъ. Въ
семъ однакожъ правилѣ о необходимомъ
сладкогласіи для высокаго слога есть нѣкото-
рыя изключенія; но вообще оно хорошо. Цице-
ронъ, Демосѳенъ и Боссюетъ истину онаго
доказываютъ.

Лонгинъ въ началѣ разсужденія своего
говоритъ о порокахъ слога самыхъ проти-
поположныхъ высокому, а я почелъ за дол-
жное въ семъ разсмотрѣніи слѣдовать со-
всѣмъ инымъ путемъ, потому что, кажется
мнѣ, во всякомъ родѣ сочиненія потребно
тотчасъ утвердить то, что надлежитъ дѣ-
лать, прежде нежели будетъ сказано, чего
надобно избѣгать. Онъ замѣчаетъ три глав-
ные порока, надутость, принужденныя или
натянутыя украшенія, называемыя имъ сло-

гомъ холоднымъ и ребяческимъ, и ложную пылкость. Въ семъ почно состоятъ три господствующіе порока нашего вѣка; и многіе писатели, почитающіе себя *великими*, *пылкими*, оказались бы холодными и мѣлкими въ судилищѣ зраваго разсудка, который и послѣ его не измѣнился. „Всего труднѣе, говоритъ „онъ, избѣжать надутости; писатели не„примѣтно впадаютъ въ нее, стараясь о „высокомъ и желая избѣгнуть слабости и „сухости. Они основываются на слѣдую„щемъ опасномъ изреченіи :

Dans un noble projet on tombe noblement.

Въ высокихъ замыслахъ паденье благородно.

„однакожъ обманываются: надутость не „менѣе порочна въ рѣчи, сколько и въ „мѣлъ; она имѣетъ нѣкую наружность, а въ „нутри пуста и, какъ говоряшъ, ничего „нѣтъ суше одержимаго водяною болѣзнію. „Сравненіе сіе взято изъ Квинтиліана. Холод„ный и ребяческій слогъ есть злоупотребленіе фигуръ, которымъ научаются въ „школахъ : онъ показываетъ недостатокъ „тѣхъ, которые хотятъ всегда сказать „нѣчто чрезвычайное и блистательное, ко„торые хотятъ наипаче быть пріятными „и привлекательными, и которые удаляясь „отъ природы, впадаютъ въ смѣшное какое„то жеманство Ложная сія пылкость, ко„торую риторъ по имени Θеодоръ назвалъ „очень хорошо бѣшенствомъ не ко времени, „состоитъ въ разгорячены себя какъ спати,

„въ разпаленіи себя нарочно, когда бы надле-
„жало остаться спокойнымъ. Такіе писате-
„ли похожи на людей пьяныхъ; они стара-
„ются выражать страсти, коихъ сами не
„чувствуютъ, и нѣтъ ничего холоднѣе и
„смѣшнѣе, какъ сильно поражаться одному
„только, когда никто не поражается.

Сей превозходный критикъ оканчиваетъ свое сочиненіе сожалѣніемъ о утратѣ того великаго витійства, которое процвѣтало въ славныя времена Аѳинъ и Рима. Онъ приписываетъ ее потерѣ свободы. „Не возмож-
„но, говоритъ онъ, чтобы рабъ былъ вы-
„сокимъ ораторомъ. Мы теперь не иное что
„уже стали, какъ пышные ласкатели. „
Ежели у насъ послѣдуетъ такой же упадокъ въ наукахъ, какъ у Грековъ и Римлянъ, то-гда увидимъ, что Лонгинъ сказалъ правду, и что то же развращеніе нравовъ, за коимъ неминуемо послѣдовало паденіе древняго правленія, долженствовало также причинить паденіе и свободныхъ наукъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сравненіе Французскаго языка съ древними языками.

Отъ высокаго до грамматики разстояніе очень велико; но для благомысленныхъ всякое полезное наставленіе всегда любопытно. Въ томъ начертаніи, которому вознамѣрился я слѣдовать, бо́льшую часть сего круга словесности опредѣливъ на внушеніе познанія и разумѣнія древнихъ писателей столько, сколько возможно, за нужное считаю предувѣдомить о неминуемыхъ трудностяхъ, кои мнѣ вспрѣтятся, и о тѣсныхъ и скучныхъ предѣлахъ, поставляемыхъ мнѣ необходимостію, не показывать сихъ писателей на собственномъ ихъ языкѣ, изъ уваженія къ тѣмъ, кои онаго не знаютъ; и поелику не льзя ихъ иначе здѣсь разумѣть, какъ на нашемъ языкѣ, то равно справедливость и необходимость требуютъ, прежде всего доказать то, что они теряютъ отъ разности языка, предполагая даже величайшую въ ономъ рѣдкость, то есть, самый лучшій переводъ, какой только быть можетъ. Знаменитость оныхъ писателей въ семъ случаѣ есть опасность для нихъ, и для меня камень преткновенія; ибо хотя достоинство ихъ таково, что можно еще видѣть его на какомъ либо другомъ, не только на ихъ языкѣ, однакожъ трудно достигнуть того, чтобъ изъ онаго не утратилось что ни-

будь, наипаче въ стихотворствѣ; и ежели по сей несоразмѣрности будемъ о нихъ судить ниже того понятія, какое о нихъ имѣемъ, то окажемся въ разсужденіи ихъ несправедливыми, и я считаю себя обязаннымъ предупредить сію несправедливость. И такъ самый удобный теперь случай дать напередъ нѣкоторыя понятія, нѣкоторыя правила о самой существенной разности между языками древними и нашимъ, разсмотрѣть сказанное другими о семъ предметѣ, и утвердить истины, часто затмѣваемыя какъ бы съ намѣренія, по недостатку просвѣщенія или искренности. Подробность сія будетъ иногда единственно грамматическая: надобно конечно рѣшиться на оную, и тѣмъ болѣе, что грамматика должна также войти въ сіе начертаніе наставленія. Впрочемъ она имѣетъ общее съ геометріею то, что сухость предмета вознаграждаетъ чистотою понятій.

Не безполезно замѣтить, что въ древности слово γραμματική, отъ Грековъ перешедшее къ Латинамъ, изъ котораго составили мы слово grammaire, имѣло значеніе гораздо обширнѣе нежели у насъ. Молодые люди, прежде нежели ввѣряемы были ритору и философу препоручались грамматикамъ; и Квинтиліанъ, сдѣлавшій самое полное начертаніе о древнемъ воспитаніи, даетъ намъ знать, что свѣденія и обязанности грамматиковъ относились къ тѣмъ предметамъ, которые нынѣ кажутся непринадлежащими къ ихъ званію. Грамматикъ не

только долженъ былъ возпитывающихся у него обучать правильно писать и говорить, и внушать познаніе о правилахъ стихосложенія, что составляетъ нынѣ почти единственное дѣло, принадлежащее къ грамматикѣ; но онъ долженствовалъ быть еще тѣмъ, который между людьми учеными собственно называется критикомъ; каковое названіе не означало тогда, какъ въ наше время, такого человѣка, который въ какихъ нибудь печатныхъ листкахъ или объявленіяхъ выдаетъ себя судіею всякихъ новыхъ произведеній, не обязываясь знать ни слова о томъ, что говоритъ, нижѐ знать своего языка. Критикъ, грамматикъ, филологъ или любословъ (сіи три слова значатъ почти одно и тоже) особенно занимался изученіемъ языковъ, чтеніемъ стихотворцевъ, и точнымъ познаніемъ въ рукописяхъ, бывшихъ до печатанія единственными книгами; онъ обязанъ былъ молодымъ людямъ представлять текстъ оныхъ исправленный, наставлять ихъ въ разныхъ способахъ стихосложенія и гармоніи: и какъ тогда лирическая поэзія всегда сопровождалась мусикійскими орудіями, а драматическая смѣшиваема была съ пѣніемъ; то онъ и не могъ показать, что такое есть риѳмъ или мѣрность, самая сущность поэзіи, не имѣя тогдашняго знанія въ музыкѣ. Онъ долженъ былъ учениковъ своихъ учить чтенію наизусть стиховъ, безъ нарушенія количества и мѣры. Тогда постыдно было для всякаго человѣка, хорошо возпитаннаго, произнести неправиль-

но какой либо Греческій или Латинскій стихъ; сіе было бы доказательствомъ худаго воспитанія: и какъ такое упражненіе несравненно легче для насъ, у которыхъ правила стихосложенія весьма ограниченны и не трудны; то намъ всего удобнѣе дать почувствовать, сколь не пристойно людямъ благорожденнымъ коверкать стихи на собственномъ своемъ языкѣ, не знать ихъ мѣры и паденія, и тѣмъ, которые по званію обязаны будучи произносить ихъ въ большихъ собраніяхъ, весьма часто и грубо изкажаютъ то, что повторяютъ они ежедневно.

Вотъ какое даетъ намъ Квинтиліанъ о грамматикахъ Римскихъ и Аѳинскихъ понятіе, приводящее намъ на мысль ту важность, какую въ древнихъ республикахъ необходимо имѣло все относившееся къ искусству хорошо говорить. Такая разборчивость слуха способствовала усовершенію гармоніи ихъ языка, а привычка, въ свою очередь, требовала непремѣнно сей разборчивости. Но желая показать здѣсь кратко нѣкоторую часть преимуществъ Греческаго и Латинскаго языковъ (ибо изъ глубокаго оныхъ изслѣдованія вышло бы такое разсужденіе, которое относилось бы до людей ученыхъ), я уже́ слышу, кажется, неосновательныя укоризны отъ тѣхъ, которые худо понимая силу сего предложенія, думаютъ, что я хочу унизить и опорочить языкъ Французскій. Конечно, весьма было бы неловко и смѣшно, когда бы кто захотѣлъ унизить тотъ языкъ, на которомъ онъ всю свою жизнь

мыслилъ, говорилъ и писалъ: такое желаніе можно предполагать только въ педантахъ, ничѣмъ инымъ не занимающихся, кромѣ толкованія Греческихъ и Латинскихъ писателей. Легкій способъ, писать ругательства вмѣсто доводовъ, заставилъ также пристрастныхъ защитниковъ нашего языка сказать, что почитавшіе оный нижшимъ языковъ древнихъ были невѣжды, не умѣвшіе употреблять онаго; а что удивительнѣе, сію весьма неосновательную брань употребляли люди умные и достойные, увѣрены бывъ по видимому, что превознося свой языкъ, поселятъ они въ другихъ высокое мнѣніе о собственныхъ своихъ сочиненіяхъ. Я приведу изъ нихъ одного только, котораго, по обыкновенію моему, выберу изъ умершихъ, дабы менѣе было ссоры съ живыми, а именно де Беллоа, писавшаго *заключенія о Французскомъ языкѣ и стихотворствѣ*. Цѣль сего произведенія, котораго сочинитель не имѣлъ времени кончить, состоитъ въ показаніи, что нашъ языкъ не только не ниже языковъ древнихъ и чужестранныхъ, но и преимущественнѣе всѣхъ. Сочинитель сей, обрекшій перо свое ласкательству, думалъ, можетъ быть, симъ мнѣніемъ польстишь также своимъ единоземцамъ. Но можно быть очень хорошимъ Французомъ и не почитая своего языка за первый въ свѣтѣ. Онъ конечно надъ всѣми Европейскими языками имѣетъ то преимущество, что сдѣлался всеобщимъ; но не входя здѣсь въ изслѣдованіе разныхъ причинъ все-

общаго его употребленія, главною изъ оныхъ почитаю неоспоримо великое множество превозходныхъ сочиненій, произведенныхъ имъ во всякомъ родѣ знаній, а наипаче превозходство нашего театра. И такъ предложеніе мое относится только къ сравненію Греческаго и Латинскаго языковъ съ Французскимъ. Де Беллоа въ началѣ возстаетъ противъ *Парижанъ худо пишущихъ*, и противъ вздорнаго крика *негодныхъ сочинителей*, хотящихъ увѣрить всѣхъ вообще, что языкъ Расина и Боссюэта не стоитъ языка Виргиліева и Демосѳенова. Изъ сего начала видно уже великое его своенравіе и недобродушіе. Сіи *Парижане*, сіи *негодные сочинители* суть Фенелонъ по разговорамъ его о краснорѣчіи, Расинъ и Депрео, которые, вознамѣрясь перевести Иліаду, отказались отъ сего, какъ это всѣмъ извѣстно, потому что ощчаявались найти въ своемъ языкѣ то, въ чемъ могли бы они спорить съ Гомеромъ; лирикъ Руссо, который не худо употреблялъ свой языкъ, и наконецъ Волтеръ, который не былъ ни суевѣрнымъ поклонникомъ древнихъ писателей, ниже имѣлъ предубѣжденія недавнихъ. Сей послѣдній часто жаловался на недостатки въ нашемъ языкѣ и стихосложеніи: можно бы привесть изъ него многія о семъ мѣста. Для меня довольно одного стиха изъ посланія его къ Горацію:

Notre langue un peu ſeche et ſans inverſions
Peut-elle ſubjuguer les autres nations?

Языкъ нашъ частью сухъ, и безъ разставки словъ;
Льзяль быть ему другихъ сильнѣе языковъ?

На сіе отвѣтствую, можно, поелику это уже сдѣлалось, и мы видѣли, почему. Но въ семъ мѣстѣ посланія своего сочинитель далъ разумѣть, что онъ не надѣется, чтобъ на томъ языкѣ, на коемъ онъ писалъ, творенія его существовали также долговременно, какъ существуютъ творенія Горація на его языкѣ. Я думаю, что онъ напрасно сомнѣвается въ семъ; но не о томъ дѣло. Онъ присовокупляетъ слѣдующее:

Nous avons l'agrément, la clarté, la juſteſse;
Mais égalerons-nous l'Jtalie et la Gréce?

Есть точность, ясность въ немъ, приятность,
согласимся;
Но какъ съ Италіей и Греціей сравнимся? *и проч.*

Здѣсь очень понятно сказано объ Италіи древней.

Eſt-ce aſsez en effet d'une heureuſe clarté?
Et ne pêchons-nous pas par l'uniformité?

Довольноль точности и ясности одной?
Однообразіе порокъ его прямой.

Мы увидимъ вскорѣ, что это очень справедливо. Но какъ не согласиться на такое замѣчаніе, которое и при обидныхъ выраженіяхъ, употребляемыхъ де Беллоа, довольно сильно и еще болѣе поразительно? Я никакъ не хочу отнять что либо у такого

человѣка, коего успѣхи въ театральныхъ произведеніяхъ доказываютъ его дарованіе, достойное по многимъ причинамъ уваженія; но весьма извѣстно, что не слогъ составляетъ превосходнѣйшую часть его произведеній: однакожъ сочинитель трагедіи *Взятіе Кале* не можетъ того снести, чтобъ было что нибудь превосходнѣе его языка; а сочинитель Меропы и Генріады признаётся, что языкъ его ниже другихъ. Что слѣдуетъ изъ сего противуположенія и приведенныхъ мною мнѣній важныхъ писателей? То, что для хорошаго сужденія о языкахъ надлежитъ знать, какое можно сдѣлать изъ оныхъ употребленіе, родиться быть писателемъ, а наипаче имѣть чувствительный слухъ. Де Беллоа и многіе другіе множество приводятъ ссылокъ для доказанія, что хорошіе наши писатели умѣли изъ своего языка извлечь такія красоты, кои могутъ равняться съ красотами древнихъ: ктожъ въ этомъ сомнѣвается? Кто сомнѣвается, чтобъ высокій даръ не умѣлъ употребить, сколько возможно, наилучшимъ образомъ вѣреннаго ему орудія? Дѣло идетъ о томъ, чтобъ знать, есть ли еще лучшее онаго употребленіе? Всѣ наши сужденія о вкусѣ, какъ уже сказано, не иное что суть и не иное что быть могутъ, какъ однѣ только сравненія. Человѣкъ съ лучшимъ умомъ, не знающій другихъ языковъ кромѣ своего, и читающій только нашихъ хорошихъ писателей, не можетъ ничего вообразить лучшаго, потому что они извлекли изъ своего языка все

то, что только можно было извлечь изъ него. По крайней мѣрѣ въ семъ равняются они съ древними: я сказалъ, по крайней мѣрѣ; ибо чѣмъ болѣе преодолѣли они трудностей, тѣмъ болѣе достоинство ихъ увеличилось. Но что принадлежитъ до того, какъ они управляли языкомъ своимъ, о семъ можно судить не по отдѣльнымъ чертамъ, но по всегдашнему его шествію. Чтобъ рѣшить наше предложеніе, должно бы знающимъ и опытнымъ людямъ, взявъ сто стиховъ изъ Гомера и Виргилія, сличить ихъ съ толикимъ же числомъ стиховъ Расиновыхъ или Волтеровыхъ, а по сличеніи стиха со стихомъ сравнить качества, какими языкъ надѣлилъ тѣхъ и другихъ, и сверьхъ сего утвердившись въ томъ, какое производитъ онъ вообще дѣйствіе въ слухъ нѣжномъ и изощренномъ. Пусть они такимъ образомъ изслѣдуютъ ихъ, тогда увидятъ, что де Беллоа во мнѣніи своемъ также далекъ отъ истины, какъ далекъ отъ предложенія. Впрочемъ давно уже объ ономъ идетъ сужденіе, и теперь остается по крайней мѣрѣ внушить къ умствованію его подозрѣніе и въ тѣхъ, которые разумѣютъ только по Французски.

Въ семъ сравнительномъ изслѣдованіи языковъ необходимо должно обратиться къ самымъ началамъ, должно говорить объ именахъ, глаголахъ, членахъ, предлогахъ и частицахъ, ибо всѣ они составляютъ сочиненіе, выраженіе и сладкогласіе словъ, то есть, три главныя свойства, изъ коихъ состоитъ хорошая рѣчь. Не устыдимся войти

въ такую подробность, которая можетъ казаться маловажною потому только, что весьма безполезно разсказываютъ о ней дѣтямъ, не могущимъ понимать оной: но когда размышляетъ философъ, какія надлежало употребить средства къ достиженію того, дабы языкъ былъ правиленъ и основателенъ, не взирая на его несовершенства; то составленіе языковъ кажется такимъ ума человѣческаго чудомъ, которое дѣлаютъ постижимымъ два способа, время и необходимость.

Одно изъ первыхъ качествъ языка состоитъ въ самомъ, колико возможно скоромъ и ясномъ представленіи уму тѣхъ соотношеній, какія слова имѣютъ одне съ другими, въ составѣ какого либо періода. Такъ, напримѣръ, соотношенія именъ между собою или съ глаголами означаются падежами. Въ букварѣ латинскомъ считается шесть падежей; но о нихъ прилично разсказывать дѣтямъ: сіи падежи принадлежатъ Грекамъ и Римлянамъ, а мы ихъ не имѣемъ. Падежи разпознаются по различнымъ окончаніямъ самаго слова, которое показываетъ, въ какомъ оно соотношеніи съ предыдущимъ или послѣдующимъ. Мы во всякомъ падежѣ говоримъ *homme*, *dieu*, *livre*, и принуждены различать ихъ какимъ нибудь членомъ или частицею *l'homme*, *de l'homme*, *à l'homme*, *par l'homme*. Ученыя женщины Молїеровы сказали бы: *вотъ какъ слова склоняются*: отнюдь нѣтъ; вотъ что дѣлается, когда не-

лъзя склонять; ибо слово, непремѣняющееся въ окончанїи, называется несклоняемымъ. Склонять, значитъ говорить какъ Латины, *homo, hominis, homini, hominem, homine, (человѣкъ, человѣка, человѣку, человѣка, человѣколи)*; и какъ Греки *ανθρωπος, ανθρωπου, ανθ-ωπω, ανθρωπον*, и проч. По чему? потому что слово, какъ скоро оное произнесено, показываетъ мнѣ, въ какомъ оно соотношенїи съ другими словами. Можетъ быть подумаетъ кто, что сей недостатокъ въ склоненїяхъ, который награждаемъ мы членами и частицами, не весьма важенъ; но сїе потому, что съ начала не видно слѣдствїя онаго, и сей первый примѣръ того, чего мы не имѣемъ, показываетъ, сколько важна въ языкахъ всякая малость. Недостатокъ оный, въ собственно такъ называемыхъ падежахъ, есть одна изъ главныхъ причинъ, производящихъ то, что переставка словъ нашему языку не свойственна, и слѣдовательно лишающихъ насъ драгоцѣннаго преимущества языковъ древнихъ. Почему намъ противно слышать выраженїе: *la vie conserver je voudrais, жизнь сохранить я желалъ бы?* Потому что слово *la vie* не представляетъ уму никакого такого отношенїя, на которомъ можно было бы остановиться. Ты слыша его, не знаешь, въ именительномъ ли оно падежѣ или управляетъ ли другимъ словомъ, то есть, требуетъ ли глагола или управляетъ ли имъ. Ты поймешь не прежде, какъ уже

кончится перїодъ, что слово *la vie* управляется глаголомъ *conserver*. И такъ во всякомъ человѣкѣ есть тайная нѣкая логика, по которой желаешь ты придать какое нибудь отношенїе къ каждому слышимому тобою слову; а держась естественной нити сихъ отношенїй, непремѣнно должно сказать на нашемъ языкѣ: *je voudrais conserver la vie, я желалъ бы сохранить жизнь*, что ни мало не затмѣваетъ мысли. Но ежели я начну свой перїодъ по Латинѣ словомъ *vitam*, то тотчасъ узнаю по его окончанїю, поражающему слухъ мой, что я слышу винительный падежъ, то есть, словоуправленїе, обѣщающее мнѣ глаголъ. Я знаю, откуда и куда иду, и что Французу кажется словопреложенїемъ принужденнымъ, для него противнымъ, по мнѣ Латину кажется естественнымъ въ мыслѣхъ порядкомъ. Но, можетъ быть, спросятъ, есть ли какая отмѣнная выгода въ томъ, когда бы можно было сказать лучше *la vie conſerver je voudrais*, нежели *je voudrais conſerver la vie?* Нѣтъ, весьма немного выгоды для сего и подобнаго сему реченїя, которое выбралъ бы я изъ нарѣчїя обыкновеннаго. Но спроси у стихотворцевъ, у историковъ и ораторовъ, все ли для нихъ равно, быть принуждеенными ставить всегда слова на одномъ мѣстѣ, или размѣщать ихъ гдѣ угодно; изъ отвѣта ихъ узнаешь, что по тому же самому основанїю, по которому одно какое нибудь изъ двухъ реченїй для насъ не возможно,

а древнимъ свойственно, съ одной стороны предстоитъ множество неудобствъ, а съ другой множество красотъ. Я опять буду говорить о семъ, когда дѣло дойдетъ до перестановки словъ. Мы и не подумали бы, что склоненія такъ важны; а по сему кажется мнѣ, нѣкоторымъ образомъ и справедливо будемъ мы порицать частицы, члены, мѣстоименія, кои безпрерывно одни за другими слѣдуютъ и затрудняютъ, и безъ которыхъ мы не могли бы ступить. *A, de, des, du, je, moi, il, vous, nous, elle, le, la, les,* и безпрестанное *que,* которое къ несчастію въ Латинскихъ только грамматикахъ можно назвать усѣченнымъ. Вотъ чѣмъ безпрестанно наполняются наши реченія. Мы конечно, по привычкѣ къ своему и незнанію другихъ языковъ, отъ сего не ошерегаемся. Но кто повѣритъ, чтобъ Греку или Латину не наскучило крайне, видѣть насъ безпрестанно таскающихъ этотъ наборъ односложныхъ словъ, изъ коихъ древніе ни въ одномъ не имѣли нужды, и кои употребляли они единственно по своему выбору. Вотъ что между прочимъ причиняетъ намъ великую трудность въ переводѣ ихъ стихотвореній. Нашъ стихъ, такъ какъ и ихъ, имѣетъ только шесть стопъ, и при переводѣ съ ихъ языка на нашъ не встрѣчается почти ни одного реченія, которое для точности въ преложеніи не требовало бы гораздо бо́льшаго количества словъ, потому что способы ихъ словорасположенія очень про-

сты, а нашего многосложны. Возмемъ для примѣра первый стихъ изъ Энеиды; ибо доказапельсиво наше должно быть всѣмъ ощутительно, и я прошу позволенія привесть одинъ Латинскій стихъ, безъ послѣдующихъ за нимъ.

Arma virumque cano, Trojae qui primus ab ōris.. Пою оружіе и мужа, который первый отъ странъ Трои....

Разсмотримъ на время междуспрочный переводъ по способу Гна Дюмарсе, который Французское слово ставитъ подъ словомъ Латинскимъ. Въ Виргиліевомъ стихѣ находится девять словъ слѣдующихъ:

Combats et heros chante, Troye qui premier des bords....

для насъ это чепуха. Сіи же самыя слова по Латинѣ ясны какъ день, потому что смыслъ каждаго показанъ внятно тѣми окончательными слогами, о которыхъ я говорилъ; такъ что ученикъ Гна Дюмарсе разобралъ бы ихъ слѣдующимъ образомъ: въ Латинскомъ языкѣ нѣтъ членовъ; *Arma* непремѣнно стоитъ либо въ именительномъ, либо въ винительномъ падежѣ: здѣсь слово сіе въ винительномъ, поелику тотчасъ слѣдуетъ глаголъ, имъ управляющій. *Virum* также въ винительномъ падежѣ. Поставимъ же *les combats et le heros, сраженія и героя. Cano* означаетъ первое лице настоящаго времени изъявительнаго наклоненія; ибо все сіе заключается въ одномъ

окончаніи: *Je chante, я пою,* и въ первомъ ономъ членѣ рѣченія французскаго нѣтъ перестановки словъ: *Je chante les combats et le heros.* Тутъ уже семь словъ, коихъ миновать не льзя, для перевода четырехъ только словъ, и при окончаніи стиха такимъ же образомъ *qui le premier, des bords de Troye* выходитъ еще семь словъ для перевода только пяти, такъ что противу девяти оказывается четырнадцать, хотя нѣтъ въ нихъ ни одного слога ненужнаго, и хотя никакой не приобщено къ нимъ посторонней мысли. Какъ же въ Латинскомъ одномъ стихѣ вмѣщено то, что кажется намъ очень разтянутымъ въ разсужденіи нашихъ стиховъ *je chante les combats et le heros, qui le premier, des bords de Troye?* Отъ чего такая несоразмѣрность въ двухъ рѣченіяхъ, изъ коихъ одно выражаетъ точно то же, что и другое? Отъ видимаго во Французскомъ языкѣ излишка, произходящаго отъ членовъ и частицъ, мною показанныхъ выше, *je, les, des, de,* въ Латинскомъ языкѣ ни къ чему не служащихъ. Въ прозѣ имѣемъ мы по крайней мѣрѣ полную свободу разпространяться; а въ стихахъ, занимающихъ мѣсто опредѣленной мѣры, какимъ не должно употребить усилій для соразмѣренія такого неравенства? Какъ же писатели достигаютъ до сего, ежели не тѣмъ, что очень часто дѣлаютъ нѣкоторыя пожертвованія? Потому и Буало, переведшій въ Наукѣ о стихотворствѣ начало Энеиды, поставилъ вмѣсто двухъ стиховъ три:

Je chante les combats et cet homme pieux,
Qui des bords d'Ilion couduit dans l'Auſonie,
Le premier aborda les champs de Lavinie.

онъ еще опустилъ одно обстоятельство, весьма важное, сказанное въ двухъ словахъ Латинскихъ *fato profugus*, *изгнанъ бывъ судьбою*, необходимо нужныхъ въ намѣреніи стихотворца (*).

(*) Оно удержано де-Лиллемъ въ стихѣ:
Qui, banni par le sort des champs de ses ayeux...
и Петровымъ, съ разностію однакожъ въ мысли:
Судьбой гонимъ, достигъ Италіи береговъ.
Виргилій говоритъ... *Trojae qui primus ab oris Italiam, fato profugus, Lavinia venit Littora.* — т. е. слово въ слово:
.....который первый изъ странъ Трои въ Италію, изгнанъ бывъ судьбою, присталъ къ Лавинскимъ берегамъ. — Реченіе *судьбой гонимъ* означаетъ уже всѣ Энеевы бѣдствія, а *изгнанъ бывъ судьбою изъ странъ Трои* одинъ только случай изгнанія изъ отечества. Ни де Лилль, ни Петровъ не приближились къ подлиннику такъ, чтобъ съ точностію удержаны были въ ихъ переводахъ однѣ только мысли Виргилія. Каждый изъ нихъ иное удержалъ, другое опустилъ, третьяго не выразилъ, а индѣ и свое прибавилъ. Причина такого несовершенства во Французскомъ переводѣ ясно выведена здѣсь Лагарпомъ, а въ Рускомъ, при всемъ знаніи языковъ и стихотворства, часто непреодолимая встрѣчается трудность въ вы-

Я могу показать примѣръ ближайшій къ намъ, который объяснитъ удобнѣе нежели всякой другой не только трудность, но и случающуюся иногда невозможность въ преложеніи изъ стиха въ стихъ, когда такая точность бываетъ очень нужна, какъ то въ надписи. Извѣстна надпись, сочиненная Тюргутомъ къ изображенію Франклина:

раженіи краткихъ словъ и реченій Латинскихъ длинными словами и реченіями Рускими, при бо́льшомъ числѣ слоговъ въ стихахъ подлинника. Такая трудность, утомляющая стихотворца, заставляетъ его часто прибѣгать къ излишней въ переводѣ вольности, удаляющей отъ изящества, какъ мы сіе увидимъ изъ сличенія переводовъ съ подлинникомъ, показавъ оный въ преложеніи прозою. Виргилій продолжаетъ:

. . . . Multum ille et terris jactatus et alto,
Vi superûm, ſaevae memorem Junonis ob iram.
Multa quoque et bello passus, dum conderet urbem,
Inferretque deos Latio: genus unde Latinum,
Albanique patres, atque altae moenia Romae.

„Много бѣдствовалъ онъ на землѣ и морѣ,
„силою всевышнихъ, отъ неумолимаго гнѣва
„жестокой Юноны. Много пострадалъ такъ-
„же на брани, доколѣ не воздвигъ града, и не
„внесъ въ Латію боговъ: откуду произшелъ
„Латинскій родъ, Албанскіе отцы, и высокія
„стѣны Рима.

Естьли бы де Лилль и Петровъ удержали только сіи мысли для точнаго показанія

она состоитъ изъ одного превозходнаго Латинскаго стиха, приводящаго на мысль вдругъ и составленную Франклиномъ въ Америкѣ перемѣну въ правленіи, и открытія его объ Электрической силѣ:
Eripuit coelo fulmen sceptrumque tyrannis.

Il ravit la foudre aux cieux et le sceptre aux tyrans. Отбрось мѣстоименіе *il*, и выйдетъ прекрасный Французскій стихъ въ не-

---

подлинника, выразивъ оныя реченіями приличными ихъ стихотворству; то переводъ былъ бы исправный и изящный. Но стихотворцы, особливо тѣ, кои чувствуютъ высокій свой даръ, не хотя преодолѣвать величайшихъ трудностей, лишающихъ свободы и терпѣнія, дѣлаютъ нерѣдко отступленія, свои перемѣны и прибавленія, по которымъ иногда не льзя узнать подлинника. Мы не опіося послѣдней оной мысли къ симъ писателямъ, покажемъ только, въ чемъ переводы ихъ разнятся отъ Виргилія. Де Лилль начало его поэмы, состоящее изъ семи стиховъ, перевелъ въ двѣнадцати: вотъ точное преложеніе съ оныхъ.

„Пою сраженія и того благочестиваго во-
„ина, который судьбою бывъ изгнанъ изъ се-
„леній своихъ предковъ, и изъ предѣловъ
„Фригійскихъ провожденъ въ Авзонію, пер-
„вый присталъ къ полямъ Лавиніи. Стран-
„ствуя по многимъ землямъ, жалкое играли-
„ще водъ, сей герой долго былъ гонимъ лю-
„тою судьбою, въ угодность неутолимой не-
„нависти Юноны. Чего не вымыслила тогда
„неумолимая богиня, когда онъ со многими на-
„родами славными спорилъ о неизвѣстномъ у-
„бѣжищѣ, обѣщанномъ вѣрно богамъ его, и из-

реводѣ стиха Латинскаго: но къ несчастію это мѣстоименіе необходимо, и трудности одолѣть не возможно. (*)

„далека готовилъ родъ Авзонскій, владычест-
„во Албанцовъ и величіе Римское

Не ясно ли видны тутъ многія прибавленія, перемѣны, повторенія, разтяжки и отступленія? Отъ сего самаго нѣтъ въ переводѣ де Лилля ни краткости, ни точности, а слѣдовательно и великихъ достоинствъ древняго Римскаго стихотворца. Петровъ ближе подошелъ къ подлиннику, и заслужилъ бы преимущество предъ де Лиллемъ, естьли бы слогъ свой обработалъ чище, не вмѣшивая въ оный вышедшихъ уже изъ употребленія старинныхъ словъ и реченій, или по крайней мѣрѣ иныя, выразительныя, употребляя къ стати. Прочтемъ стихи его перекода:

„Пою оружій звукъ и подвиги героя,
„*Что* первый, *какъ легла во прахъ отъ*
Грековъ Троя,
„Судьбой *гонимъ* достигъ Италіи береговъ;
„*Отъ ополченныхъ нань Юноною боговъ*
„По морю и земли былъ верженъ *безпре-*
станно,
„И много пострадалъ во кроволитной брани,
„Желанный дондеже въ Лаціи градъ воздвигъ,
„И въ оный внесъ боговъ, по странствіи,
своихъ;
„Ошколь возникла мощь Латинъ необорима,
„Албанскіе отцы и горды стѣны Рима. (**)

(*) По Русски выходитъ удачный стихъ:
Изторгъ у неба громъ и скипетръ у
тирановъ.

(**) Есть и тутъ прибавленія, перемѣны и

Сіе ведетъ насъ къ спряженіямъ, кои въ Латинскомъ и Греческомъ языкахъ обходятся безъ личнаго мѣстоименія, а у насъ безъ онаго не бываютъ. *Je, tu, il, nous, vous, ils.* Мы не можемъ спрягать иначе-но сего не довольно: величайшая бѣдность наша оказывается въ томъ, что наши глаголы спрягаются въ нѣсколькихъ токмо вре; менахъ; а Латинскіе и Греческіе во всѣхъ. Сіи спрягаются въ залогахъ дѣйствительномъ и страдательномъ, а наши только въ дѣйствительномъ; сверьхъ того въ прошедшемъ неопредѣленномъ и въ мимошедшемъ каждаго наклоненія, и въ будущемъ сослагательнаго мы принуждены прибѣгать ко вспомогательному глаголу *avoir*, *имѣть*, и говорить: *j'ai aimé, j'avais aimé, j'aurais aimé, que j'eusse aimé, que j'aye aimé* etc. Что принадлежитъ до залога страдательнаго, у насъ онаго нѣтъ: мы весьма просто употребляемъ глаголъ существительный *je suis*, *я есмь*, и присоединяемъ къ нему причастіе во всѣхъ накло-

---

разтяжки; однакожъ въ семъ переводѣ Виргилій видѣнъ больше, нежели въ переводѣ де Лилля. Когда дѣло идетъ о представленіи въ истинномъ видѣ какого либо древняго стихотворца; то нѣтъ надобности ни въ перемѣнахъ, ни въ прибавленіяхъ, ни въ отступленіяхъ, позволительныхъ только тогда, когда нужно одно сходство или нѣкоторыя черты, означающія его свойство, а именно въ содержаніи.

неніяхъ, во всѣхъ временахъ и при каждомъ лицѣ.Ботъ самое бѣдное пособіе, и естьли бы Грекъ, открывъ любую нашу грамматику, увидѣлъ одно и то же слово повторяемое четыре страницы сряду для спряженія всякаго глагола, онъ не могъ бы не пожалѣть о насъ. Я говорю, Грекъ, потому что Латины, которые спряженіемъ глаголовъ богаты въ сравненіи съ нами, бѣдны въ сравненіи съ Греками. Первые имѣютъ также необходимую нужду въ глаголѣ вспомогательномъ, по крайней мѣрѣ въ разныхъ временахъ залога страдательнаго. Греки не приемлютъ онаго почти никогда, и *средній* ихъ глаголъ означаетъ еще новое обиліе. Наши наклоненія скудны, Латинскія не полны, а Греческія преизбыточны. Имъ довольно одного слова для означенія какого бы то ни было времени; а намъ надобно четыре слова, то есть, глаголъ вспомогательный *avoir*, существительный *être*, и мѣстоименія: *tu as été aimé, ils ont été aimés.* Греки выражаютъ сіе однимъ словомъ, и четырью способами. У насъ два только причастія, причастія настоящаго времени, *aimant, aimé:* два прошедшаго и будущаго въ залогѣ дѣйствительномъ *ayant aimé, devant aimé*, и два въ страдательномъ, *ayant été aimé, devant être aimé*; мы сочиняемъ оныя, какъ сіе видно, съ глаголомъ вспомогательнымъ *avoir* и существительнымъ *être.* У Латинъ не достаетъ причастій прошедшаго времени, а въ будущемъ они ихъ имѣютъ; Греки имѣютъ оныя во всѣхъ временахъ и при томъ тройныя,

то есть, каждое причастіе съ тремя различными окончаніями: — но къ чему служитъ такое излишество? Ежели есть нужныхъ только шесть причастій, начто имѣть оныхъ осьмнадцать? Вотъ вопросъ грубыхъ народовъ, сказали бы на то Греки. Можетъ ли быть какое излишество въ перемѣнѣ звуковъ, когда кто хочетъ усладить слухъ, и досадуютъ ли на выборъ оныхъ стихотворцы и ораторы? — Но сколько потребно времени на то, чтобы вмѣстить въ голову свою такое невѣроятное количество окончаній одного слова! — Въ самомъ дѣлѣ это кажется нелегко; однакожъ въ Римѣ всякой хорошо воспитанный человѣкъ говорилъ по Гречески также свободно, какъ по Латинѣ; самыя женщины знали по Гречески, потому что Римъ наполненъ былъ Греками, и можно всегда скоро научиться тому языку, на которомъ всѣ говорятъ. Но ежели какой языкъ, также богатый какъ сей, сдѣлается, какъ мы называемъ, языкомъ ученымъ, языкомъ мертвымъ; тогда надобно учиться оному во всю свою жизнь.

Кто теперь не понимаетъ, сколько необходимость, присоединять ко всякому времени глагола одинъ или два другихъ глагола съ придачею мѣстоименія, должна произвести единогласія, медлѣнности и затрудненія въ словоразположеніи? А сіе самое есть еще одна изъ причинъ, по которымъ разставка словъ для насъ не возможна. Ясность въ правильномъ теченіи нашего сло-

ва, коею мы хвалимся, хотя она конечно не ясѣе свободнаго, быстраго и разнообразнаго теченія слова древнихъ, есть только неминуемое слѣдствіе препонъ въ нашемъ языкѣ: кто носитъ оковы, принужденъ ступать осторожно; и мы, какъ говорятъ, изъ нужды сдѣлали себѣ законъ. Но какое множество неоцѣненныхъ выгодъ произошло отъ полной свободы въ разставкѣ словъ! Какая удивительная разнообразность дѣйствій и соображеній родилась отъ вольнаго разположенія словъ, разпредѣленныхъ такимъ образомъ, чтобъ всѣ части речения имѣли надлежащую силу, чтобъ онѣ прерывали, останавливали, противуполагали, соединяли, привлекали всегда слухъ и воображеніе, и чтобъ весь искуственный оный составъ рѣчи не оставлялъ по себѣ ни малѣйшаго недоумѣнія въ понятіи. Дабы сіе чувствовать, непремѣнно должно читать древнихъ писателей на ихъ языкѣ: къ такому познанію не льзя ничего прибавишь. Я желаю однакожь дать нѣкоторое понятіе, хотя весьма несовершенное, о томъ, сколь можетъ превозходенъ быть такой разпорядокъ словъ; и извлеку оное не изъ важнаго какого либо предмета краснорѣчія или стихотворства, а изъ притчи, взятой изъ одного письма Горацієва, коей подражалъ ла Фонтенъ. Къ несчастію, она заключается въ небольшомъ числѣ такихъ басенъ, которые не достойны пера его. Въ притчѣ сей представлены мышь городская и мышь деревенская; у Горація починается она лучшимъ произведеніемъ при-

ятности и выраженія. Вотъ точный переводъ съ двухъ первыхъ стиховъ *) *On raconte que le rat des champs reçu le rat de ville dans son trou indigent; c'était un vieil hôte d'un vieil ami. Сказываютъ, что деревенская мышь приняла городскую мышь въ бѣдную свою нору; она была старинная гостья старинной приятельницы.* Сіи два Латинскіе стиха прекрасны. Почему? потому что слова́, независимо отъ сладкогласія, разположены такимъ образомъ, что *деревенская* противуполагается *городской, мышь мыши, старинная старинной, гостья приятельницѣ.* И такъ въ соображеніи четырехъ мыслей, заключающихся въ двухъ оныхъ стихахъ, все показываетъ или противуположность, или сближеніе. Изъ сего явствуетъ, что подобное искуство въ слогѣ (а таковыхъ искусныхъ оборотовъ есть великое множество) должно быть непремѣнно чуждо для языка, не имѣющаго разставки словъ.

Квинтъ Курцій, краснорѣчивый повѣствователь, четвертую свою книгу начинаетъ такимъ образомъ: (я напередъ соблюду разпорядокъ реченія Латинскаго, дабы лучше можно было понять намѣреніе сочинителя изъ слова, коимъ оно оканчивается: время его повѣствованія начинается послѣ сраженія, бывшаго при Иссѣ). „Darius, un peu aupa-

---

*) *Rusticus urbanum murem mus paupere fertur*
Accepisse cavo, veterem vetus hospes amicum.

„ravant maître d'une puiſsante armée, et qui „s'était avancé au combat, élevé ſur un char, „dans l'appareil d'un triomphateur plutôt que „d'un général, alors au travers des campagnes „qu'il avait remplies de ces innombrables ba„taillons, et qui n'offraient plus qu'une vaſte ſolitude, *fuyait*.“ То есть: „Дарій, бывшій „нѣсколько прежде повелителемъ сильнаго „воинства, и выѣхавшій къ сраженію на вы„сокой колесницѣ, въ великолѣпномъ видѣ „паче побѣдоносца, нежели предводителя, „тогда чрезъ поля, многочисленными пол„ками наполненныя, и представлявшія взо„ру одну уже пространную пустыню, *бѣ„жалъ*.“ Такое словоразположеніе на Французскомъ языкѣ очень дурно, и реченіе весьма худо оканчивается словомъ *fuyait*, такъ далеко отставленнымъ и дѣлающимъ какое то заключеніе сухое и непріятное. На Латинскомъ такое окончаніе удивительно (*) Легко можно примѣтить искуство сочинителя, даже и не понимая языка его. Въ самомъ дѣлѣ не льзя угадать, чтобъ слово *fugiebat*, *бѣжалъ*, состоящее изъ двухъ краткихъ и двухъ длинныхъ слоговъ, очень хорошо повершило согласный періодъ; напротивъ *fuyait* есть слово беззвучное и сухое; однакожъ ясно видно, что все реченіе составлено такимъ образомъ, что оно до самаго конца заставляетъ ожидать слова *fugiebat*, что въ немъ то заключается важное дѣйствіе, которое повѣствователь произвесть желаетъ; что онъ

(*) Оно и на Русскомъ прекрасно.

сперва представляетъ уму величествéнное изображеніе всего Дарíева могущества, дабы потомъ въ одномъ словѣ *fugiebat* показать противуположеніе толикаго величія превратности счастія; такъ что реченіе существенно раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ въ одной высказано все то, что былъ великій государь до сраженія при Иссѣ, а въ другой, состоящей изъ одного слова, изображено то, что онъ сталъ послѣ бѣдственнаго сего сраженія. Живописное разположеніе реченій Греческихъ и Латинскихъ не всегда бываетъ также поразительно, какъ въ семъ мѣстѣ; но и одинъ такой примѣръ довольно показываетъ, что можетъ произвесть толь удачный составъ словъ, и съ какимъ удовольствіемъ всякой читаетъ сочиненія, писанныя такимъ слогомъ.

Теперь естьлибъ надлежало перевести сіе реченіе такъ, какъ оно должно быть переведено, по свойству Французскаго языка, то надобно, какъ уже и доказано, переставить слово *fugiebat*, сколь ни выгодно само по себѣ то мѣсто, на которомъ оно поставлено; и разположить такимъ образомъ Французскій періодъ: „Darius, un „peu auparavant maître d'une ſi puissante ar„mée, et qui s'était avancé au combat, élevé „sur un char, dans l'appareil d'un triompha„teur plutôt que d'un général, fuyait alors au „travers de ces mêmes campagne qu il avait „remplies de ces innombrables bataillons, et qui „n'offraient plus qu'une triſte et vaſte ſolitude„. То есть: „Дарій, бывшій нѣсколько прежъ

„де повелителемъ пресильнаго воинства, и „выѣхавшій къ сраженію на высокой колес„ницѣ въ великолѣпномъ видѣ паче побѣдо„носца, нежели предводителя, бѣжалъ тогда „чрезъ тѣ самыя поля, которыя наполнялъ „онъ многочисленными полками, и которыя „предетавляли взору одну уже плачевную и „пространную пустыню.

Искуство заставишь ожидать до самаго конца періода такого слова, коимъ оканчивается смыслъ и довершается сладкогласіе, почиталось однимъ изъ важныхъ средствъ, бывшихъ въ употребленіи у ораторовъ Римскихъ и Аѳинскихъ; и хотя бы Цицеронъ и Квинтиліанъ не привели намъ особенныхъ сего искуства примѣровъ, мы находили бы оное непрерывно, читая древнихъ писателей. Они знали, сколь удобно обольщаются люди удовольствіемъ слуха, и сладкогласіе есть конечно такое преимущество, которое менѣе можемъ мы у нихъ оспорить. Кромѣ возможности въ перестановкѣ словъ, дающей имъ полную власть помѣщать, гдѣбъ ни пожелали, слова, представляющія или изображенія или мысли, въ языкѣ ихъ есть сладкогласіе первоначальное, произходящее наипаче отъ слоговъ, почти всегда звучныхъ, и отъ весьма яснаго словоударенія. Самые ревностные защитники Французскаго языка не могутъ не согласиться въ томъ, чтобъ онъ не имѣлъ превеликаго множества слоговъ беззвучныхъ и сухихъ, или даже и жосткихъ, и чтобъ словоударение онаго не было означено весьма слабо. Бо́льшая часть сло-

говъ его имѣетъ въ себѣ какую то мѣру непостоянную, и силу неопредѣленную: слоги же древнихъ языковъ почти всѣ рѣшительно либо долгіе, либо короткіе; словоударенiе ихъ состоитъ изъ безпрерывнаго смѣшенiя дактилей и спондеевъ, ямбовъ, трохеевъ и анапестовъ, что самое, сказать яснѣе, равно различнымъ музыкальнымъ мѣрамъ, составленнымъ изъ нотъ такъ называемыхъ круглыхъ, бѣлыхъ, черныхъ и съ простымъ крючкомъ, или иначе, полныхъ, половинныхъ, четвертныхъ и осьмыхъ. И такъ слухъ у древнихъ былъ судiею разборчивымъ и строгимъ, которому надлежало угодить прежде всего: поелику всѣ ихъ слова имѣли произношенiе опредѣлительное; то различность въ звукахъ изъ ихъ поэзiи дѣлала какую то музыку, и стихотворцы ихъ не безъ причины гогаривали, *тожо.* Удобность въ произведенiи такого порядка словъ, какой только имъ нравился, позволяла имъ множество словоразположенiй, особенно поэзiи свойственныхъ, изъ чего выходилъ языкъ толь различный отъ прозы, что и по разбивкѣ стиховъ Виргилiевыхъ или Гомеровыхъ можно еще найти, по выраженiю Горацiя, *члены стихотворца раздробленнаго на части;* напротивъ того у насъ величайшее достоинство стиховъ состоитъ въ томъ, что ежели они хороши и въ прозѣ. Очевиднымъ сему доказательствомъ служитъ опытъ, сдѣланный Ламоттомъ надъ первымъ явленiемъ трагедiи *Митридатъ.* Расиновы стихи въ ней не иное что суть,

какъ прекрасно вырабопанная проза, потому что самое отличное достоинство нашихъ стиховъ состоитъ въ томъ, естьли не примѣтно, что они принужденно писаны по правиламъ, и кажутся свободны отъ оковъ мѣры и риѳмы. Отыми риѳму, тогда не возможно будетъ назначить точныхъ предѣловъ разности стиховъ отъ прозы, потому что краснорѣчивая проза очень сходствуетъ со стихотвореніемъ, а преложенное стихотвореніе съ превозходною прозою.

И такъ древніе наипаче въ стихахъ помрачаютъ насъ своимъ преимуществомъ. Вспомоществуемые природою дѣти сіи имѣютъ крылья, а мы влачимся въ оковахъ. Разнообразное до безконечности ихъ сладкогласіе есть плѣнительный нѣкій припѣвъ, который поддерживаетъ ихъ мысли, когда онѣ слабы, оживляетъ неважныя сами по себѣ подробности, и забавляетъ еще слухъ, когда уже сердце и разумъ покоятся. Мы, нынѣшнихъ временъ писатели, ежели не достаетъ у насъ мысли, или чувствія, мы имѣемъ мало пособій для возбужденія къ себѣ вниманія. Но человѣкъ, одаренный слухомъ чувствительнымъ, охотно скажетъ Виргилію и Гомеру: пойте, пойте всегда; вамъ не должно бы ничего говорить: я плѣняюсь вашимъ голосомъ, когда рѣчи ваши меня не занимаютъ.

По сему тѣ изъ нихъ, кои почитая нужными однѣ только мысли, и опасаясь показаться иногда пустословами, захотѣли, чтобъ всѣ ихъ стихи имѣли свою силу, или чтобъ

всѣ ихъ реченія были поразительны, сдѣлались принужденны и жестки. Напротивъ Расинъ, Волтеръ, Фенелонъ, Массильонъ и тѣ, кои подобно имъ ощутивъ *приятную новость* древнихъ, служащую, какъ говоритъ прекрасно Волтеръ, къ возбужденію высокаго, ввели оную въ свои сочиненія; а люди, не имѣющіе вкуса, назвали ее слабостію.

Послѣдствіе изъ всѣхъ оныхъ истинъ ни мало не уменьшаетъ славы хорошихъ нашихъ писателей: напротивъ мы обязаны снискивать то, что древнимъ попадалось само собою. Наше сладкогласіе не есть даръ языка; оно есть произведеніе дарованія: оно можетъ родиться отъ великаго искуства въ выборѣ и разпорядкѣ нѣкотораго числа словъ, и въ разумномъ изключеніи другихъ премногихъ словъ. У насъ гораздо меньше припасовъ къ сооруженію зданія, да и тѣ прочностію гораздо ниже: тѣмъ больше чести для зодчаго. *Мы строимъ изъ кирпича*, сказалъ Волтеръ, *а древніе сооружали изъ мрамора.* Наипаче Греки, столь же превозходящіе Латинъ, сколько сіи превозходятъ новѣйшихъ писателей, Греки имѣли языкъ совершенно піитическій. Бо́льшая часть ихъ словъ изображаетъ предметы для слуха и воображенія, а звукъ выражаетъ мысль. Они могутъ совокупить многія слова въ одно, и включить многія изображенія и многія мысли въ одно выраженіе. Они изображаютъ однимъ словомъ шлемъ, *бросающій лучи сіянія вовсѣ стороны*, ратника *въ шишакѣ, покрытомъ разноцвѣт-*

ными перьями, и тысячу другихъ предметовъ, кои долго было бы изчислить подробно. Поэтому то ученыя слова наши, коими выражаются мысли сложныя, всѣ заимствованы изъ Греческаго языка, Географія, Астрономія, Миѳологія (*geographie*, *astronomie*, *mythologie*) и другія симъ подобныя. Они столько жертвовали эвфоніи (*euphonie*, вотъ еще одно ихъ сложное слово, которое значитъ сладкозвучіе), что позволяли себѣ, наипаче въ стихахъ, приставлять или изключать одну или многія буквы въ одномъ и томъ же словѣ, смотря по нуждѣ, какую имѣли они въ томъ для мѣры и для слуха. Свѣрьхъ сего разные народы Греціи, любя разные окончательные слоги, вводили въ имена и глаголы перемѣны, названныя наречіями (*dialectes*), которыя стихотворецъ могъ употреблять всѣ. Такъ неуже ли не справедливо стихотворство ихъ почитается за превосходнѣйшее и сладкогласнѣйшее всѣхъ языковъ?

Правда, у насъ какъ и у древнихъ, есть такъ называемыя простыя и сложныя, то есть, слова коренныя, измѣняемыя предлогами. Напримѣръ *mettre* есть корень, а произшедшія отъ онаго суть admettre, soumettre, démettre. (приставить, подставить, отставить,) и проч: но мы не имѣемъ многихъ сего рода необходимо нужныхъ словъ, и такое словосоставленіе у насъ ограниченнѣе и малозначущѣе, нежели у древнихъ. Ихъ предлоги при глаголахъ сильнѣе и въ знаменованіи обширнѣе. Разсмотримъ слово *regarder*. Если

ы хотимъ выразить различныя знаменованія глагола *regarder*, то должны прибѣгнуть къ реченіямъ, соединяемымъ съ нарѣчіями *en haut*, *en bas* и проч: напротивъ того Латинское слово *aſpicere*, измѣненное предлогомъ, одно само сбою означаетъ всѣ возможныя отличія. Смотрѣть издали, *proſpicere*, смотрѣть во что, *inſpicere*, смотрѣть чрезъ или сквозь, *perſpicere*, смотрѣть внутрь, *introſpicere*, смотрѣть назадъ, *reſpicere*, смотрѣть въ верьхъ, *ſuſpicere*, смотрѣть въ низъ, *deſpicere*, смотрѣть различая одинъ предметъ отъ многихъ другихъ, (вотъ мысль самая сложная, выражаемая однимъ словомъ) *dispicere*, смотрѣть вокругъ себя, *circumſpicere*. Изъ сего видно, что Латинскій языкъ вдругъ начертаваетъ въ умѣ то, что Французскій даетъ ему узнавать постепенно: это означаетъ противуположеніе быстроты медлѣнію, и кто хотя мало подумаетъ о свойствѣ воображенія, тотъ узнаетъ, что разумъ не можетъ понимать очень скоро, и что одно изъ великихъ преимуществъ языка состоитъ въ томъ, когда къ одному слову присоединено какое либо изображеніе. Впрочемъ ежели кто желаетъ увѣриться примѣрами въ той выгодѣ, какая бываетъ отъ приобрѣтенія такихъ словъ, и въ случающейся отъ неимѣнія оныхъ трудности; то вотъ примѣры убѣдительныя. При чтеніи Латинскихъ повѣствователей часто вспрѣчаются, въ то самое время, когда войско приходитъ въ замѣшательство и по видимому скоро ужѣ будетъ раз-

бито, сіи два слова *fugam circumſpiciebant*, которыхъ не льзя иначе перевести точно, какъ такимъ образомъ: *ils regardaient autour d'eux de quel cotè ils fuiraient, они смотрѣли вокругъ себя, въ которую бы имъ сторону бѣжать.* Вотъ сколько словъ. Я свидѣтельствуюсь всѣми, знающими нѣсколько Латинскій языкъ, что мысль Французскаго онаго реченія, которое кажется очень длиннымъ, совершенно выражена сими двумя словами: *fugam circumſpiciebant.* Какая выгода, естьли можно представить воображенію полную картину двумя только словами!

Другой примѣръ докажетъ чувствуемую лучшими переводчиками древнихъ писателей невозможность, всегда равняться съ ними какъ должно, потому что не льзя найти въ своемъ языкѣ того, чего въ немъ нѣтъ, и когда уже такой писатель, каковъ нашъ де Лилль, не могъ до сего достигнуть, то надобно думать, что такая трудность не преодолима. Я разумѣю здѣсь славное введеніе объ Орфеѣ, и то время, въ которое онъ обратясь назадъ, чтобъ взглянуть на Евридику, лишился ея невозвратно.

Здѣсь то наипаче можно почувствовать, сколь нужно было бы выразить однимъ словомъ дѣйствіе воззрѣнія назадъ; ибо отъ единаго движенія головы зависитъ вся участь любовниковъ, и вся сила незапной перемѣны. Виргилій безъ затрудненія сіе выразилъ; у него было слово *reſpicere*. Надлежало только удачно помѣстить оное, что онъ и могъ сдѣлать. Онъ въ срединѣ прер-

вавъ пятую стопу, останавливаетъ слухъ и воображеніе на ужасномъ словѣ *reſpexit*, *оглянулся*. Сего слова, коимъ сказано все, переводчикъ не имѣлъ. Не льзя вмѣстить въ стихъ реченія *il regarde derriere lui*, *онъ смотритъ позадъ себя*. Де Лилль перевелъ:

„Preſque aux portes du jour, hors de lui même,
„Il s'arrete, il *se tourne*, . . . il *revoit* ce qu'il aime,
„C'en est fait, . . . То есть:

Близъ свѣта бывъ уже, встревоженъ, внѣ себя,
Онъ сталъ, и *обратясь*... *узрѣлъ* свою любезну,
Свершилось, и проч.

Весьма ясно, что *ſe tourne* не точно изображаетъ въ умѣ бѣдственное движеніе, и хотя бы стихотворецъ поставилъ *il ſe retourne*, то не лучше бы выразилъ существенную мысль, послѣдній взглядъ Орфея, устремленный имъ на свою супругу: на семъ то остановился Виргилій; и вскорѣ потомъ продолжаетъ: (*) *и весь его трудъ погибъ*. Переводчикъ для риѳмы принужденъ былъ поставить il revoit ce qu'il aime. Напротивъ того Виргилій главною мыслію представляетъ, и очень къ стати, что Орфей не видитъ уже болѣе Евридики. Всѣ таковыя разности зависятъ единственно отъ какого либо слова, которое въ одномъ языкѣ есть, а въ другомъ онаго нѣтъ, и вотъ все, что можетъ послѣдовать изъ сего примѣ-

---

(*) *Ibi omnis effuſus labor.*

чанія, которое отважился я сдѣлать на лучшій изъ всѣхъ нашихъ переводовъ, на такой, который непрерывная красота въ стихосложеніи и чистота вкуса включили въ число образцовыхъ произведеній.

Сдѣлано возраженіе, которое показалось благовиднымъ; а именно, что мы не можемъ надлежащимъ образомъ судить о языкахъ мертвыхъ. Сіе, какъ и многое другое, справедливо, только и многимъ подлежитъ изъятіямъ. Въ языкѣ безъ сомнѣнія есть многія тонкости, въ произношеніи многія пріятности, а слѣдовательно есть и противные тому недостатки, которые ощутительны только единоземцамъ. Но не менѣе того доказано, что новѣйшіе словесники отъ времени до времени столько приобрѣли вѣрныхъ познаній о языкахъ древнихъ, что они могутъ ощущать достоинство писателей Греческихъ и Латинскихъ, не только въ понятіяхъ и чувствованіяхъ, принадлежащихъ всѣмъ народамъ, но даже до нѣкоторой степени въ слововыраженіи и сладкогласіи. Всякой разъ, когда многіе предметы сравниваемъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ, многія находимъ средства къ познанію онаго. Философы, ораторы, стихотворцы, повѣствователи, критики и всѣ оставшіяся намъ произведенія древности способствовали разпространенію нашихъ понятій и усовершенію нашего сужденія. Приключенія, бывшія съ Латинскимъ языкомъ, намъ ощутительны, и какой знающій въ наукахъ человѣкъ не различитъ наречія Эннієва отъ Плавтова,

наречія Виргиліева отъ Терепціева? Многочисленныя на древнихъ памятникахъ надписи довлѣютъ къ познанію нашему о перемѣнахъ и успѣхахъ языка Римлянъ. Надобно вовсе не имѣть слуха, чтобъ не плѣняться сладкогласіемъ Горація и Виргилія, и не оскорбляться грубою надутостію Лукана и однозвучнымъ напряженіемъ Клавдіана. Слогъ Тита-Ливія и слогъ Тацита, слогъ Ксенофонта и слогъ Ѳукидида, слогъ Демосѳена и слогъ Исократа для насъ также различны, какъ Боссюэтъ и Флешіеръ, Волтеръ и Монтескію, Фонтенель и Бюффонъ. И такъ мы, кажется мнѣ, можемъ удивляться великимъ въ древности писателямъ, не опасаясь, чтобъ удивленіе наше было слѣпо; и сіе возраженіе де Ламотта, часто послѣ него повторяемое, есть одно изъ тѣхъ возраженій, кой Госпожа Дасье опровергла весьма основательно; это есть одно изъ такихъ мѣстъ, въ которыхъ она предъ нимъ очень права, права, разумѣется, въ существѣ дѣла; ибо въ разсужденіи правилъ она всегда виновата.

Имѣя достаточное свѣденіе о сдѣланномъ мною въ началѣ предложеніи, можно теперь сказать рѣшительно: доказано, что мы склоненій не имѣемъ, что наши спряженія весьма не полны и недостаточны, что въ нашемъ словосоставленіи очень много глаголовъ вспомогательныхъ, частицъ, членовъ и мѣстоименій; что мало у насъ словоударенія и мало также мѣрности, что употребленіе въ переставкѣ словъ весьма

ограниченно, что нѣтъ у насъ словъ составныхъ и не довольно сложныхъ; что наконецъ существенное нашего стихосложенія свойство изображается только риѳмою. Не менѣе доказано, что у древнихъ болѣе или менѣе есть все то, чего у насъ нѣтъ. Вотъ что я намѣренъ былъ сказать: что жъ изъ сего слѣдуетъ? Хвала и честь тѣмъ великимъ мужамъ, кои высокимъ своимъ даромъ возбудили въ насъ соперничество, языку нашему бывшее чуждымъ, которые бѣдность нашу облекли своимъ богатствомъ, которые на томъ же поприщѣ, на коемъ древніе торжествовали многіе вѣки, хотя съ неравнымъ явились оружіемъ, но побѣда осталась сомнительна и потомство въ нерѣшимости; которые наконецъ, подобно Гомеровымъ витязямъ, сражалися съ богами и не были побѣждены.

Я не стану изъяснять подробно рѣшеннаго также мнѣнія о дѣланномъ часто сравненіи чужестранныхъ языковъ съ Французскимъ. Вѣрное въ семъ случаѣ сравненіе можетъ сдѣлать только тотъ, кто умѣетъ говорить по Нѣмецки, по Гишпански, по Италіянски и Англински также совершенно, какъ на своемъ собственномъ языкѣ. Спроситъ кто нибудь, почему я требую для сего знаній обширнѣйшихъ, нежели какія мы имѣемъ для изслѣдованія древнихъ писателей? Причина сему ощутительна. Намъ не нужно знать по Гречески и по Латинѣ также хорошо, какъ Демосѳенъ и Цицеронъ, дабы видѣть превозходство ихъ язы-

ка, которое еще чувствуемъ съ того времени, какъ уже и говоритъ на ономъ перестали. (Ибо я Латинью называю не тотъ языкъ, коимъ говорятъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Нѣмецкой земли, и Греческій, употребляемый невольниками Оттоманской порты, не есть тотъ языкъ, коимъ говорили побѣдители Мораѳонскіе). Сверьхъ того новѣйшіе языки Гишпанскій, Италіянскій, Англинскій и Французскій, всѣ одинакаго порожденія: всѣ они произходятъ отъ Латинскаго, и намъ очень свойственно имѣть уваженіе къ общему отцу новѣйшихъ языковъ. Но когда хотимъ знать, кому принадлежитъ лучшая часть наслѣдія, то выходитъ тяжба и спорящіяся стороны равноподозрительны. И такъ естьли бы кто отважился быть въ семъ дѣлѣ общимъ спряничимъ, тотъ долженъ знать обстоятельно не только всѣ принадлежащія къ тяжбѣ доказательства, но и твердо быть увѣренъ въ совершенномъ своемъ безпристрастіи. А чтобы предохранить себя отъ весьма свойственнаго намъ пристрастія къ собственному своему языку, котораго всѣ тонкости и красоты чувствуемъ безпрестанно, я знаю одно только средство, а именно, навыкъ говорить на другихъ языкахъ свободно. Приобрѣтенное мною знаніе въ языкахъ Англинскомъ и Италіянскомъ ограничивается тѣмъ, что я могу разумѣть писателей; а чтобъ судить рѣшительно о какомъ либо живомъ языкѣ, надобно умѣть говорить на ономъ. И такъ разсужденіе мое о семъ кончится

нѣкоторыми токмо общими примѣчаніями, нѣкоторыми обстоятельствами, въ коихъ почти всѣ согласны. Я представляю искуснѣйшимъ входить далѣе въ сіе трудное изслѣдываніе.

Италіянскій, подходящій къ Латинскому языку ближе нежели нашъ, взялъ изъ него нѣкоторую часть своихъ спряженій. Заняль изъ него переставку словъ, хотя никогда не употребляетъ оной какъ только въ стихахъ, и съ меньшею несравненно вольностію и разнообразностію, нежели древніе. Онъ обиленъ, сладкозвученъ и гибокъ, а наипаче отличается весьма примѣтнымъ свойствомъ пріятности. Словоударение имѣетъ твердое и самое мусикійское. Охуждаютъ его въ однозвучіи окончаній всегда почти гласныхъ; и та удобность, съ какою Италіянцы часто отъемлютъ окончательные слоги отъ своихъ словъ, а въ другихъ опираются на предпослѣднимъ слогомъ, такъ что послѣдній походитъ на безгласное наше *е*, кажется мнѣ не можетъ изтребить совершенно однозвучія, удобно разпознаваемаго слухомъ, когда они сами стихи свои произносятъ. Говорятъ также, что ихъ пріятность преражается иногда въ изнѣженность, а обиліе во многорѣчіе. Не утверждая сихъ укоризнъ, и не изслѣдывая того, къ писателямъ, или къ языку относить должно многословіе и жеманство слога, замѣчу только, что изъ новѣйшихъ писателей я не знаю другаго, кто бъ короче и точнѣе писалъ Метастазія, нижѐ такого стихотворца, который былъ

бы выразительнѣе Аріоста. Описаніе бури въ поэмѣ *Orlando Furioso* (Неистовый Роландъ), и приступъ Алжирскаго бея къ Парижскимъ воротамъ показались мнѣ двумя въ новѣйшемъ стихотворствѣ толь превозходными картинами, что онѣ могутъ равняться съ картинами Гомера, и вотъ величайшая, какая только быть можетъ, похвала Италіянскимъ писателямъ.

Англинскій языкъ, который почти въ половину походилъ бы на Французскій, естьли бы непонятнымъ своимъ произношеніемъ не разнился отъ всѣхъ языковъ въ свѣтѣ и не доказывалъ, что можно примѣнить къ нему слѣдующій стихъ, коимъ нѣкогда Виргилій изобразилъ Географическое положеніе Англіи,

Et penitus toto divisos orbe Britannos . . .

то есть,

И Британцевъ, отдѣленныхъ отъ всего свѣта . . . . (*) Англинскій, говорю, еще болѣе нашего имѣетъ въ себѣ глаголовъ вспомогательныхъ, частицъ, членовъ и мѣстоименій. Въ ономъ еще меньше спряженій, нежели въ нашемъ; наклоненія его весьма ограничены. Условнаго времени въ глаголахъ не имѣетъ. По Англински не льзя сказать *je ferais, j'irais*, и проч. Въ такомъ случаѣ надобно по-

---

(*) Les Bretons séparés du reste de la terre.

ставить предъ глаголомъ знакъ соотвѣтственный которому нибудь изъ четырехъ оныхъ словъ, *je voudrais, je dévrais, je pourrais* ou *j'aurais à.* Не льзя отрицать, чтобъ часто повторяемые и двусмыслію подверженные знаки сіи не были крайне скудны и не походили на языкъ варварскій. Но такое свойство выраженія для всѣхъ, кромѣ Англичанъ, весьма ощутительное, есть главный порокъ изъ произношенія, которое, кажется, противно орудіямъ человѣческаго выговора. Симъ выговоромъ должно всегда опредѣлять, назначать свойство звуковъ, и на сей то конецъ изобрѣтены гласные буквы, которыя никакъ уже не могутъ быть для слуха еще внятнѣе. Чтожъ сказать о такомъ языкѣ, въ коемъ гласныя даже буквы, начала всякаго произношенія, весьма часто бываютъ неопредѣленны, въ коемъ многіе слоги до половины между зубовъ пресѣкаются, или изчезаютъ свистя на краю губъ? Волтеръ говоритъ, что *Англичанинъ имѣетъ два часа въ день предъ нами лишнихъ, сѣвдая половину своихъ словъ.* Я не думаю, чтобъ онъ весьма уважалъ такія укоризны, потому что всякой языкъ всегда очень пріятенъ для тѣхъ, которые говорятъ на ономъ съ младенчества; но вы найдете тысячу Англичанъ, говорящихъ по Французски сносно, противъ одного Француза, могущаго говорить хорошо по Англински; а главною причиною такой несоразмѣрности между двумя народами, имѣющими нынѣ связь по торговлѣ непрерыв-

ной и близкой, есть конечно странная дикость произношенія.

Не взирая на неопредѣленность гласныхъ и большой наборъ согласныхъ ихъ буквъ, они думаютъ, что ихъ языкъ также точно сладкозвученъ какъ и другіе, и въ семъ должно имъ повѣрить, только пусть и они въ свою очередь согласятся съ нами, что имъ однимъ и можно чувствовать сіе сладкозвучіе. Впрочемъ они имѣютъ такія выгоды, коихъ, кажется мнѣ, не льзя у нихъ оспорить. Въ стихотворствѣ ихъ позволяется перестановка словъ почти до такой же степени, какъ у Италіянцовъ, то есть, гораздо менѣе нежели у Латиновъ и Грековъ. Словосоставленіе и піитическія правила ихъ вольнѣе и удобнѣе, нежели наши. Они могутъ употреблять риѳмы, или безъ нихъ обойтись, и отваживаться гораздо болѣе, нежели мы, въ изобрѣтеніи новыхъ словъ. Попе ихъ стихамъ далъ болѣе краткости, а Мильтонъ болѣе силы.

Сіи разсужденія о разности языковъ даютъ мнѣ поводъ поговорить о способахъ въ переводѣ, который между ими есть средство къ сообщенію и предметъ соперничества. Многія были о семъ пренія; одни требовали крайней вѣрности, другіе полной свободы. Ибо бо́льшая часть людей, кажется, во всякомъ искуствѣ смотритъ на одну какую либо часть, къ которой они до того бываютъ пристрастны, что о всемъ прочемъ для нее не брегутъ. На противъ сего здравый разсудокъ требуетъ, чтобъ мы всѣ

часши одну съ другой соразмѣряли, не жертвуя изъ нихъ ни одною, и за главное поставляли правило, направлять ихъ къ одной цѣли, а именно, чтобъ нравиться. Мы видѣли, что когда надлежало переводить древнихъ писателей, съ лишкомъ строгіе критики не хотѣли, чтобъ одно слово изъ подлинника потеряно было въ переводѣ, ни словосоставленіе нарушено, ни иносказанія выражены другими равносильными, нижѐ какое либо реченіе было короче или длиннѣе въ переводѣ, нежели въ подлинникѣ. Такому правилу, достойному преемниковъ Мамурры и Бобинета, другіе противуполагали неограниченную вольность, и думали, что имъ позволительно паче изъяснять, нежели переводить сочинителей. Отвѣтомъ на обѣ такія крайности служитъ совѣтъ, данный въ баснѣ Фебомъ безплодно Фаэтонту: *inter utrumque tene, держися средины.* Я знаю два только необходимыя правила для всякаго перевода: чтобъ хорошо былъ выраженъ смыслъ сочинителя и соблюдено его свойство. Цицерона не должно переводить слогомъ Сенеки, а Сенеки слогомъ Цицерона. Все прочее зависитъ непремѣнно отъ дарованія и вкуса того, кто переводитъ; а способы въ томъ успѣть столь многочисленны и произвольны, что не возможно всѣхъ ихъ подвести подъ общія правил. Кто пожелаетъ обратить вниманіе на разность языковъ, тотъ увидитъ, что по обстоятельствамъ позволительно исключить такое выраженіе, которое весьма не свойственно языку нашему, и замѣнить

оное другимъ приличнѣйшимъ, сокращать то, что для насъ было бы съ лишкомъ растянуто, и разпространить то, что показалось бы намъ очень сжатымъ; въ концѣ какого либо реченїя Французскаго поставить то, что помѣщено въ началѣ перїода Латинскаго или Греческаго, ежели отъ сего могутъ произойти плавность и сладкогласїе, безъ нарушенїя сходства. Разумный Роллень, помѣстивший многїе отрывки изъ древнихъ писателей въ своихъ сочиненїяхъ, всегда поступалъ по сказаннымъ мною правиламъ. Боало весьма забавно шутитъ надъ однимъ изъ бывшихъ его учителей, который хотѣлъ, чтобы непремѣнно выражена была мысль каждаго слова, и который изъясняя одно Цицероново реченїе (*) слѣдующаго содержанїя: *la republique avait contracté une ſorte d'inſenſibilité et d'endurciſſement*, то есть, *республика впала въ какую то нечувствительность и ожесточенїе*, весьма негодовалъ на то, что трудно выразить хорошо всю силу подлинника, и презря всѣхъ переводчиковъ прежнихъ, настоящихъ и будущихъ, наконецъ надумался и съ важностїю произнесъ: *la république s'était endurcie et avait contracté un durillon*, то есть, *республика отвердѣла и получила мозоль*. Правда, что въ Латинскомъ выраженїи, взятомъ въ собственномъ смыслѣ, *durillon* заключается словопроизводно; но кто не

(*) *Obduruerat et percalluerat respublica.*

видитъ, что такая низкая мысль никакъ не свойственна языку витіи? Я не удивился бы однакожъ, естьлибъ даже и нынѣ нашлись такіе люди, которые пожалѣли бы о *мозоли*.

При семъ случаѣ вспомнилъ я объ одномъ странномъ положеніи, сдѣланномъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, которое такъ какъ и другія многія заблужденія, есть только нелѣпое разпространеніе всѣмъ извѣстной истины. Нѣкто напечаталъ, что нѣтъ такого слова въ нашемъ языкѣ, котораго стихотворецъ не могъ бы употребить въ благородномъ слогѣ, ежели только умѣетъ помѣстить оное. Конечно это весьма несправедливо. Дарованіе превозмогаетъ трудности, но не хочетъ даже покуситься на невозможное. Я предлагаю напримѣръ тому, кто такъ много на себя надѣется, употребить *мозоль* въ поэмъ эпической. Стóитъ только разкрыть риѳменный словарь, чтобъ увидѣть, сколько есть такихъ словъ, которыя у насъ исключены навсегда изъ важнаго слога. Онъ приводитъ слово *ventre*, *пузо*, употребленное въ поэмѣ Налой и даже очень удачно.

La cruche au large ventre eſt vuide en un inſtant.
Въ минуту опустѣлъ кувшинъ *со широкимъ пузомъ*.

Но какъ онъ не примѣтилъ, что его примѣръ не соотвѣтствуетъ предложенію, что героической поэмѣ *Налой* свойственно

простое и шуточное, и что сія самая смѣсь слоговъ, веденная искусно, составляетъ особенную между прочими красотами приятность сего сочиненія? Какъ онъ не видѣлъ, что слово *кувшинъ*, о коемъ онъ ничего не говоритъ, влекло за собою слово *пузо*? Но то, что Депрео счелъ весьма приличнымъ помѣстить на пиру монаховъ, употребилъ ли бы на пиршествахъ боговъ Гомеровыхъ? И такъ чтобъ ссылка на него имѣла какой нибудь толкъ, надлежало бы ему показать слова *кувшинъ* и *пузо*, или другія симъ подобныя, въ предметѣ благородномъ; сомнительно однакожъ, чтобъ онѣ когда либо въ ономъ встрѣтились.

Но какое есть сокровенное намѣреніе всѣхъ таковыхъ положеній неправильныхъ? Одно только, чтобъ оправдать худое. Знатоки должны выставлять въ стихахъ выраженія недостойныя поэзіи: никто не покусится защищать оныхъ, это было бы трудно; что жъ дѣлаютъ другіе? Полагаютъ за правило введеніе всякихъ словъ во всякое содержаніе сочиненій, и порицаютъ трусостію *тѣхъ, кои не сливаютъ быть безразсудными:* а какъ такія положенія очень выгодны, поелику онѣ разрѣшаютъ всякія трудности; то можно себѣ представить, сколько есть людей участвующихъ въ принятіи оныхъ. Впрочемъ сія строгость въ выборѣ словъ, свойственныхъ тому или другому роду писанія, не есть суевѣріе нашего языка; она была закономъ языковъ древнихъ, хотя въ нихъ отважности видимъ больше, нежели

въ нашемъ. Всѣ критики согласны въ томъ; Лонгинъ приводитъ многіе тому примѣры: онъ даже укоряетъ Иродота въ выраженіяхъ, почитаемыхъ имъ ниже достоинства исторіи: пусть кто хочетъ судитъ, меньше ли онъ долженъ быть строгъ въ поэзіи.

Ежели въ каждомъ языкѣ есть слова низкія, ежели называемое такъ на одномъ иное значитъ на другомъ языкѣ; то переводчикъ долженъ побѣдить величайшую трудность, и приобрѣтетъ величайшее достоинство, когда оную преодолѣетъ. Извѣстно, что дарованіе достигаетъ до сего, умѣя возвысить и облагородить такія слова подборомъ другихъ съ оными смежныхъ; но сіе, какъ и всякое другое искусство, имѣетъ предѣлы, и по тому то самому оно есть искусство, что ихъ имѣетъ: естьлибъ это всегда было возможно, мы не вмѣнили бы уже въ достоинство видимаго иногда въ онемъ успѣха; такое разсужденіе ни кому не пришло на умъ. Есть другое не менѣе сего важное разсужденіе, а именно, во всѣхъ примѣрахъ, какіе только можно привести, найдешь всегда, что первое извиненіе въ употребленіи слова, которое умѣлъ кто нибудь облагородить, происходитъ отъ дѣйствительной сообразности съ первоначальными о предметѣ понятіями и всемъ тѣмъ, что было прежде. Расина хвалили за то, что онъ включилъ въ одну трагедію слово *chiens, псы*:

Les *chiens* à qui son bras a livré Jesabel.
Псы, коимъ предалъ онъ Іезавель своей рукою.

Но гдѣ находится слово сіе? Въ сочиненіи, коего содержаніе взято изъ священныхъ книгъ, въ такомъ сочиненіи, въ которомъ съ первыхъ стиховъ привыкли мы къ языку Св: писанія, гдѣ все приводитъ намъ на память преждебывшія произшествія, о коихъ мы узнали въ нашемъ младенчествѣ, и съ того времени живо представляемъ въ умѣ повѣствованіе о Іезавелѣ разтерзанной *псами*, возвышенное благоговѣйною мыслію о мщеніи небесномъ. Такимъ образомъ воображеніе приуготовило слухъ къ сему слову и предупредило отвращеніе отъ онаго. Равно въ сихъ стихахъ, замѣченныхъ мною въ другомъ мѣстѣ,

Quelquefois à l'autel
Je présente au grand prêtre et l'encens, et *le sel*,

то есть,

Иногда къ жертвеннику
приношу я великому жрецу и ладонъ и *соль*,

слово ладонъ, которое даетъ понятіе о священномъ обрядѣ, не только ввело съ собою слово *соль*; но дѣйствіе происходитъ во храмѣ Іудеевъ, и всякъ напередъ уже привыкъ къ языку Левитовъ. Сею по сокровенною сообразностію руководствуется всегда великій писатель, такъ что то выраженіе, которое кажется намъ дерзостію высокаго дара его, показываетъ быстрое проницаніе разума его.

Мнѣ кажется, я опустилъ бы одну изъ важнѣйшихъ частей предмета моего разсужденія, естьлибъ не кончилъ онаго слѣдованіемъ

сего другаго вопроса, часто бывшаго въ разсмотрѣнїи, прилично ли переводить стихотворцевъ въ стихи: признаюсь, что я доселѣ говорилъ утвердительно, и противныя сему доказательства не перемѣнили моего мнѣнїя. Твердо увѣренъ въ томъ, что кто унижаетъ стихотворца, заставляя говорить его языкомъ общенароднымъ, тотъ лишаетъ его всего величїя. Самая лучшая проза не можетъ вознаградить ему жалостнѣйшей и безцѣнной траты сладкогласїя. Ежели ты свѣдущь въ стихахъ, не чувствуешь ли, что они плѣняютъ слухъ и сердце? Не чувствуешь ли, какую неизъяснимую прелесть производятъ удачный разпорядокъ словъ, стеченїе мѣрныхъ звуковъ, то медлѣнныхъ, то быстрыхъ, продолжаемыхъ нѣжно или прерываемыхъ громко, сладкогласные перїоды, коихъ плавность чувствительна слуху, искусное соображенїе оборота словъ и риѳмы съ чувствїемъ и мыслїю; и не испыталъ ли ты, что сїе непрерывное согласїе, которое при всѣхъ трудностяхъ искусства никогда не обманываетъ ни твоего слуха, ни души твоей, есть точная причина удовольствїя, доставляемаго тебѣ прекрасными стихами? — Вотъ истинно языкъ стихотворца: онъ избираетъ предметы болѣе или менѣе важные, присовокупляетъ къ онымъ болѣе или менѣе мыслей, воображаетъ какой либо предметъ съ большею или меньшею силою, и выборъ его болѣе или менѣе бываетъ удаченъ; а па-

кимъ образомъ учреждаются степени и превозходство: но должно, чтобъ онъ прежде всего умѣлъ владѣть своимъ орудіемъ; ибо сіе орудіе суть стихи. Какія ни заключались бы въ нихъ мысли, ежели писатель кажется принужденнымъ и связаннымъ, ежели мѣра, служащая къ подкрѣпленію и украшенію мысли, нѣчто отъ нея отъемлетъ, естьли риѳма, долженствующая плѣняшь, оскорбляетъ слухъ, онъ уже́ не стихотворецъ: пустъ онъ говоритъ, а не поетъ; пустъ оставитъ свое орудіе, для него прудное и пягостное: онъ страдаетъ, силясь управлять онымъ, и я стражду, видя, что оно его обременяетъ, такъ точно, какъ бы обыкновенный человѣкъ мучился въ латахъ какого либо исполина.

Изъ сего явствуетъ, что переводъ въ прозѣ при самомъ началѣ уничтожаетъ искуство стихотворца и отъемлетъ у него естественный языкъ его. Ты уже́ не слышишь пѣнія Сирены, а читаешь мысли писателя. Усматриваешь въ немъ разумъ, но не видишь дарованія. Ты не можешь знать, почему онъ плѣнялъ своихъ современниковъ, и часто находишь его посредственнымъ въ томъ, въ чемъ онъ казался удивительнымъ, и можетъ быть иногда удивляешся въ немъ тому, въ чемъ почитали его посредственнымъ. Сколько еще должно ему перенести другихъ ущербовъ отъ рукъ прозаика, который совлекаетъ съ него такимъ образомъ стихотворческое одѣяніе! Такая то мысль чрезвычайно

была приятна отъ соединенїя съ такимъ то изображенїемъ, но проза не могла для нея сохранить онаго; такое-то реченїе по стихотворной своей краткости казалось прекраснымъ; но сила его потеряна, потому что для выраженїя оной надлежало прибавить одно или два слова, а кому не извѣстно, какую дѣлаетъ разность прибавка или убавка одного слова? такое-то полустишїе, такое-то пресѣченїе имѣло весма сильное дѣйствїе, и сїе дѣйствїе довершала риѳма, а риѳма изчезла. Въ стихахъ по крайней мѣрѣ переводъ выражаетъ поэзїю, и ежели дарованїе переводчика равняется съ дарованїемъ подлинника, то понятїе, какое онъ дастъ о немъ своимъ читателямъ, не можетъ ихъ обмануть, потому что онъ сладкогласїе замѣнитъ сладкогласїемъ, словоизвитїя другими словоизвитїями, стихотворческїя приятности другими приятностями стихотворческими, смѣлыя и сильныя выраженїя другими смѣлыми и сообразными со свойствомъ языка его выраженїями: это такъ музыка, сыгранная на другомъ орудїи; а по удовольствїю, производимому тѣмъ, кто оную повторяетъ, можно судить и объ удовольствїи, произведенномъ тѣмъ, кто первый ее сыгралъ.

Но вопреки сему говорятъ (и это есть одно, какое только быть можетъ, благовиднѣйшее возраженїе), что переводъ въ прозѣ, свободный отъ всякаго принужденїя, будетъ вѣрнѣе. Какъ! ты почитаешь вѣрнымъ списокъ, въ которомъ должна непре-

мѣнно утратиться половина достоинства и силы подлинника! Увѣренъ ли ты, чтобъ то, что ты называешь вѣрностію, не была невѣрность. Симъ не хочу я, нижѐ когда либо хотѣлъ умалить достоинство и пользу хорошихъ переводовъ въ прозѣ: они по крайней мѣрѣ, сколько можно, награждаютъ недостатокъ у насъ переводовъ стихами: они внушаютъ познаніе, хотя и несовершенное, о хорошихъ произведеніяхъ древнихъ стихотворцевъ, и это есть дѣйствительная услуга тѣмъ, кои не могли бы ихъ читать иначе. Впрочемъ заставить прочитать длинное какое либо сочиненіе въ стихахъ на нашемъ языкѣ весьма трудно и безуспѣшно. Достоинство и древняго такого произведенія толь много зависитъ отъ свойства языка его, такъ приличествуетъ тому роду, въ какомъ оно писано, столико сходствуетъ со нравами различными отъ нашихъ, что можно попытаться перевести съ успѣхомъ нѣкоторые только отрывки, а все сочиненіе не могло бы намъ понравиться. Таковъ, напримѣръ, Пиндаръ, котораго у насъ по причинѣ непрерывнаго сходства въ его предметахъ и частыхъ отступленій, нравившихся только соотечественникамъ, никакъ перевести не возможно. И такъ надобно ободрять полезный и достойный уваженія трудъ хорошихъ переводчиковъ въ прозѣ: но ежели хотимъ, чтобы Французская поэзія прославилась нѣкогда присвоеніемъ знаменитыхъ памятниковъ поэзіи древней, що не почи-

маю за излишнее побуждать людей съ великими дарованіями къ благородному честолюбію пріобрѣсть вѣнецъ побѣды въ своей землѣ; должно вовсе отвергнуть тѣ завистливыя и пустыя отличія, по которымъ честь высокаго дара приписывается единственно изобрѣтенію, какъ будто не доказано, что прекрасный переводъ въ стихахъ есть второе твореніе; какъ будто въ семъ случаѣ вторая степень послѣ такого человѣка, каковъ Гомеръ или Виргилій, не есть уже степень превозходная, и какъ будто можетъ кто нибудь показать въ переводѣ стихами даръ великаго писателя, не имѣя дара самъ.

Но думать, что стихотворецъ, который переводитъ въ стихи другаго стихотворца, долженъ рабски держаться всякаго слова, и въ одинакомъ пространствѣ вмѣстить тѣ же мысли въ томъ же порядкѣ, есть смѣшное предубѣжденіе скудоумнаго педанта, который къ несчастію столько знаетъ по Латинѣ, что очень худо судитъ о французскомъ языкѣ, и который гораздо болѣе имѣетъ причины завидовать новѣйшимъ писателямъ, нежели удивляться древнимъ. Всякъ, кто переводитъ въ стихи, занимаетъ мѣсто образца своего, и прежде всего долженъ мыслить о томъ, чтобъ на своемъ языкѣ понравиться также, какъ подлинникъ нравился на своемъ. Въ семъ состоитъ важнѣйшая услуга, какую только можетъ онъ ему оказать, поелику отъ дѣйствія, какое произведетъ переводъ его, зависитъ

мѣніе, какое о подлинникѣ возъимѣютъ тѣ, которые безъ перевода не могутъ его понимать. И такъ онъ напередъ долженъ стараться о томъ, чтобъ цѣлое произвело совершенное дѣйствіе. Ежели переводъ его вѣренъ, но скученъ, то не выйдетъ ли изъ онаго хорошее образцовое произведеніе? Для живости его сочиненія нужно, чтобъ оно было писано свободно, чтобъ онъ нѣсколько времени употребилъ на размышленіе о томъ мѣстѣ, которое перевести намѣренъ, и, сколько можно болѣе напитался тѣмъ жаромъ и охотою, какія чувствовалъ бы онъ, трудясь надъ собственнымъ своимъ произведеніемъ. Тогда пускай стязуется съ сочинителемъ, котораго говоритъ заставляетъ; пускай считаетъ не слова, а красоты, и кончитъ свое дѣло такъ, чтобъ на повѣрку не остаться въ большомъ накладѣ; онъ преодолѣетъ великій трудъ, и читатель его, ежели онъ справедливъ, будетъ доволенъ. Такимъ то образомъ Депрео и Волперъ переводили нѣкоторые отрывки изъ древнихъ писателей. Достоинство переводчика безъ сомнѣнія тѣмъ болѣе увеличится, чѣмъ болѣе сохранены имъ будутъ особенныя и отличительныя черты подлинника, и чѣмъ онъ болѣе наблюдаетъ съ нимъ сходство, не показывая себя съ лишкомъ принужденнымъ и невольнымъ; но для рѣшительнаго сужденія о томъ, въ какихъ мѣстахъ переводчикъ неправо отступилъ отъ подлинника, потребенъ вкусъ очень вѣрный. Надобно тогда доказать, что можно перевести иначе; надобно разчесть,

что въ предыдущемъ стихѣ и что въ цѣломъ реченіи поперяно. Одинъ только искусный человѣкъ можетъ сдѣлать такое изслѣдованіе, имѣя достаточное въ томъ свѣденіе; и когда уже положено прежде, что переводъ самъ по себѣ есть хорошее произведеніе, ежели кто желаетъ послѣ того доказать, что онъ долженъ быть еще вѣрнѣе; то для сего есть одно только средство, а именно, сдѣлать самому еще лучшее преложеніе.

Надобно вразумиться: тѣ, кои требуютъ толь строгой вѣрности, думаю, смѣшиваютъ два дѣла, весьма различныя и сами по себѣ и по своему предмету, изъясненіе и переводъ. Изъясненіе дѣлается для того, чтобъ ученикъ, обучающійся какому либо языку, имѣлъ полное понятіе о каждомъ словѣ; что принадлежитъ до перевода, ежели хотимъ знать точно, что онъ такое значитъ, разберемъ словопроизводный смыслъ Латинскаго глагола *traducere*, изъ котораго мы составили *traduire*: оный собственно значитъ, переводить съ одного мѣста на другое. Слово *переводить*, когда говорится о сочинителѣ, значитъ переводить писателя съ собственнаго его на нашъ языкъ, и тогда самый лучшій переводъ будетъ конечно тотъ, который представитъ его намъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ, то есть со всемъ его дарованіемъ. Кончимъ разсужденіе примѣрами. Вотъ одинъ изъ нихъ, заслуживающій по многимъ обстоятельствамъ особенное замѣчаніе. Сей примѣръ есть одно сра-

вненіе, первоначально принадлежащее Гомеру;оному на Латинскомъ языкѣ сдѣланы два подражанія, одно Виргиліемъ въ Энеидѣ, другое Цицерономъ въ поэмѣ его *Marii*. Цицеронъ никогда не былъ признаваемъ и нижѐ хотѣлъ выдавать себя за стихотворца; однакожъ упражнялся въ поэзіи, имѣющей права свои ва всякаго человѣка, котораго природа одарила сильнымъ воображеніемъ. У насъ осталось нѣсколько отрывковъ изъ сей поэмы, въ коей довольно хорошими стихами подражалъ онъ сказанному мною сравненію, заимствованному изъ Иліады. Прочтемъ наперед изъясненіе.

„Ainsi l'on voit le satellite aîlé de Jupiter „qui tonne du haut des cieux, l'aigle, blessé „de la morsure d'un serpent, qui du tronc „d'un arbre s'est élancé sur lui: il s'en empa„re avec ses serres cruelles, et perce le rep„tile, qui succombe en menaçant encore par „les mouvemens de sa tête; l'aigle le déchire „tandis qu'il se replie; il l'ensanglante à „coups de bec, et assouvi enfin et satisfait „d'avoir vengé ses cuisantes douleurs, il le „rejette expirant, en disperse les tronçons „dans les eaux du fleuve, et s'envole vers le soleil. „

„Таковъ зрится крылатый спутникъ „Юпитера, гремящаго съ высоты небесъ, „Орелъ, угрызенный зміею, бросившеюся „на него изъ древеснаго пня: онъ хватаетъ „ее жестокими своими когтями, и прон-

„заетъ гадину, которая изнемогаетъ, угро-
„жая еще движеніемъ головы своей; орелъ
„терзаетъ ее тогда какъ она изгибается;
„клювомъ своимъ источаетъ изъ нея кровь:
„наконецъ насытивъ и удовольствовавъ свое
„мщеніе за мучительную боль, бросаетъ ее
„умирающую, разметываетъ куски ея по
рѣкѣ, и возпаряетъ къ солнцу.

Вотъ какъ изъясняетъ проза. Посмотримъ, какъ переводитъ или подражаетъ стихотворецъ.

Comme on voit cet oiseau qui porte le tonnerre,
Blessé par un serpent élancé de la terre:
Il s'envole, il emporte au séjour azuré
L'ennemi tortueux dont il est entouré.
Le sang tombe des airs: il déchire, il dévore
Le reptile acharné qui le combat encore.
Il le presse, il le tient sous ses ongles vainqueurs;
Par cent coups redoublés il venge ses douleurs.
Le monstre en expirant se débat, se replie;
Il exhale en poisons les restes de sa vie,
Et l'aigle tout sanglant, fier et victorieux,
Le rejette en fureur, et plane au haut des cieux.

Пернатыхъ тако царь (*), перуномъ воруженный,
Скокнувшей изъ земли змiею угрызенный,
Схвативъ ее, къ странѣ лазуревой паритъ
Съ изгибистымъ врагомъ, которымъ онъ обвитъ.
Кровь капле тъ съ облаковъ: онъ гадину терзаетъ,
Которая съ нимъ брань, озлившись, продолжаетъ.
Когтями сильными язвитъ ее и жметъ;
За боль жестоку мстя, смертельно клювомъ бьетъ.

(*) *Или:* Такъ стражъ Юпитера *и проч.*
Зевесовъ тако стражъ....

Та утомляется, и умирая вьется;
Послѣднее ея дыханье ядомъ льется. —
Въ крови, и гордъ своей побѣдою орелъ,
Отбросивъ гадину, на небо возлетѣлъ.

Замѣтимъ, что писатель, который для преложенія осьми стиховъ сдѣлалъ двѣнадцать, не сталъ бы вводить сей несоразмѣрности въ продолженіе цѣлаго какого либо сочиненія; ибо такое преложеніе болѣе походило бы на толкованіе, нежели на переводъ. Но въ ономъ весьма краткомъ отрывкѣ Волтеръ взиралъ только на картину, начертанную тремя знаменитыми древними писателями, и кажется, нѣкое стихотворческое честолюбіе побудило его присовокупить къ оной новыя черты: *Съ изгибистымъ врагомъ... кровь каплетъ съ облаковъ.* . . . . . .

Послѣднее ея дыханье ядомъ льется.

Всѣ сіи черты, а наипаче послѣдняя, которая превозходна, принадлежатъ Французскому подражателю. Онъ какъ бы сражается съ подлинникомъ; но для такого предпріятія надобно быть совершенно увѣреннымъ въ крѣпости своего оружія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

О ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗІИ У ДРЕВНИХЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О Эпопеѣ Греческой.

Чѣмъ болѣе какое искуство имѣетъ памятниковъ, почитаемыхъ за образцы, и разныхъ писателей, включенныхъ въ число классическихъ, тѣмъ болѣе открываетъ оно пространное поле для наблюденій критики. Таково есть искуство трагическое, которое у всѣхъ народ въ, упражнявшихся въ немъ, возприяло различныя правила и разныя степени совершенства. Эпопея не имѣла такихъ перемѣнъ. Древніе предали намъ въ семъ родѣ три только произведенія, одобренныя потомствомъ, хотя оно и замѣтило въ нихъ многія несовершенства, и симъ тремъ поэмамъ, Иліадѣ, Одиссеѣ и Энеидѣ болѣе или менѣе подражали новѣйшіе стихотворцы. Многое было писано о семъ стихотвореніи; но при всемъ тщаніи привести оное въ правила существенныя и доказанныя, оно имѣетъ небольшое токмо число извѣстныхъ основаній, все же прочее зависитъ отъ разположенія, высокаго дара. Сіе произошло не отъ того, что будто ни-

кто не хотѣлъ подвести оное также подъ великое число правилъ; но онѣ, какъ и правила трагедіи, не всѣ утверждены опытомъ и приняты съ общаго согласія всѣхъ мужей просвѣщенныхъ. И такъ позволительно изслѣдовать ихъ вообще, а нѣкоторую часть изъ оныхъ отвергнуть. Сіе самое сдѣлано уже прежде меня; думаю, что и я могу сдѣлать тоже.

Сей предметъ, по многимъ отношеніямъ, достоинъ вниманія. Поэзія, какъ сіе замѣчено, есть такое искуство, въ которомъ всякій просвѣщенный народъ прежде всего упражнялся, и первый родъ поэзіи, въ которомъ писать начали, была Эпопея. Послѣ священныхъ нашихъ книгъ и книгъ Индійскихъ и Китайскихъ философовъ, самыя древнія, до насъ дошедшія, суть Гомеровы поэмы; ибо изъ сочиненій Орфея, бывшаго прежде его, остались нѣкоторые токмо отрывки. Гимны одного и поэмы другаго доказываютъ истину сказаннаго Аристотелемъ, что поэзія первоначально посвящена была на прославленіе Боговъ и Героевъ, и сіе тотчасъ показываетъ намъ два существенныя свойства древней эпопеи: она была героическая и священная. Но какъ боги древнихъ не суть уже наши; то изъ двухъ ея свойствъ одно для насъ сохранилось. И такъ я считаю ее существенно героическою; но не думаю, чтобъ нужно было еще ввести въ нее святыню. Это не значитъ также, будто я хочу оную изключить: смѣло отступаю въ семъ отъ

мнѣнія Депреева, и примѣръ Тассовъ, подтвержденный успѣхомъ, кажется мнѣ, опровергаетъ мнѣніе сего важнаго критика.

И такъ эпопея, по моему опредѣленію, есть повѣствованіе въ стихахъ о дѣяніи вѣроподобномъ, героическомъ и привлекательномъ. Вѣроподобномъ говорю, по тому что эпическій стихотворецъ не обязанъ сообразоваться съ истиною историческою, а только съ вѣроподобіемъ нравственнымъ, и что властенъ онъ прибавлять или убавлять, и, по выраженію Аристотеля, держаться возможнаго. Героическомъ говорю, потому что эпопея первоначально посвящена была предметамъ важнымъ, что такое назначеніе сообщило ей свойство отличное, и кто бы что ни говорилъ о семъ, никакой не можетъ быть пользы отъ смѣшенія и униженія родовъ поэзіи, поелику дарованіе властно писать во всякомъ родѣ, оставляя каждый въ своемъ мѣстѣ. Привлекательномъ говорю, потому что эпопея, такъ какъ и трагедія должна плѣнять душу и воображеніе, и что есть такіе предметы, которые могутъ быть важны, но не привлекательны, какъ напримѣръ, завоеваніе области Перу Пизарромъ. Трудности дальняго и безвѣстнаго мореплаванія его являютъ свойство величія; но побѣдители были лютѣйшіе мучители, а Перуанцы такія жертвы, которыя давали закалать себя безъ обороны. Тутъ нѣтъ ничего привлекательнаго; напротивъ сего въ завоеваніи Мексики Кортецомъ можетъ быть привлекательное, ибо онъ имѣлъ

дѣло съ народами воинственными, былъ подверженъ величайшимъ опасностямъ, избавился отъ оныхъ чудесными только дѣйствіями мужества, постоянства и благоразумія, и былъ жестокъ токмо единожды.

Многіе предлежатъ вопросы о эпопеѣ. 1-й. Нужно ли въ оной единство дѣйствія? Нужно, и правило сіе основано на природѣ и здравомъ разсудкѣ. Во всѣхъ искусствахъ, коихъ предметъ есть нравиться и плѣнять, человѣку свойственно желать, чтобы его занималъ одинъ какой либо предметъ опредѣленный и велъ къ предположенной цѣли. Вотъ средство, которымъ насъ привлечь можно. Аристотель справедливо отнялъ названіе эпическихъ поэмъ отъ такихъ сочиненій, каковы Тезеида и Гераклеида, содержащія въ себѣ цѣлое житіе Геркулеса и Тезея. Предметъ поэзіи не въ томъ состоитъ, чтобъ преложить въ стихи какую нибудь повѣсть. Въ искусствѣ стихотворца всегда предполагается какое либо твореніе, какъ то ясно показуетъ произхожденіе слова *поэзія*, значащее по Гречески произведеніе, образованіе, взятое отъ глагола *творить*. И такъ стихотворецъ долженъ сдѣлать нѣчто цѣлое, соорудить нѣкое зданіе. Сіе то самое и означаетъ искусника, а стихъ есть орудіе его искуства. Не умѣетъ онъ употреблять его, когда прелагаетъ въ стихи исторію: не сіе отъ него требуется; ибо никто того не желаетъ, чтобъ исторія написана была стихами: но всѣ очень охотно читаютъ прекрасную по-

эму такого или такого содержанія, взятаго изъ исторіи, и примѣчаютъ, что изъ оной извлекло воображеніе стихотворца. Нѣкоторые новѣйшіе писатели отвергаютъ сію истину; но тѣмъ доказываютъ только, что нѣтъ ничего толь обыкновеннаго и вѣроятнаго, какъ то, что нѣкоторые странные умы находятъ удовольствіе въ отрицаніи.

Ламоттъ въ разсужденіи своемъ о Гомерѣ, утвердивъ самъ правило сіе о единствѣ предмета, вдругъ потомъ въ странное приходитъ сомнѣніе. „Не знаю, говоритъ „онъ, почему я ограничилъ поэму сказані„емъ объ одномъ дѣяніи. Можетъ быть цѣ„лое житіе какого либо героя, описанное съ „искуствомъ и обогащенное стихотворче„скими красотами, составило бы не непри„личное ея содержаніе. Почему бы можно „было опорочить такое сочиненіе, которое „служило бы образцемъ цѣлой человѣческой „жизни, наставленіемъ для всякаго возраста „и всякаго состоянія?„ Тутъ есть небольшая риторская хитрость, которую не худо замѣтить, потому что она весьма часто случается во время пренія, и по видимому очень трудно избѣжать ея, поелику изобличается въ ней самъ Ламоттъ, который при всемъ томъ, что ошибается въ основаніи вещей, обыкновенно разбираетъ дѣло съ наблюденіемъ порядка и благонамѣренно. По правиламъ логики никакъ не должно отступать отъ точнаго содержанія вопроса, ни перемѣнять главныхъ въ предложеніи словъ. О чемъ же идетъ дѣло? Должно ли

называть эпическою поэмою жизнь какого либо героя, описанную стихами? Вмѣсто того, чтобъ держаться сего вопроса, относящагося къ критикѣ и вкусу, онъ предлагаетъ нравственный. „Почему-бы можно было о-„порочить такое сочиненіе, которое слу-„жило бы образцемъ цѣлой жизни человѣческой и проч?„ А читатель, естьли только онъ не очень вникаетъ, тотчасъ и готовъ признать правымъ сочинителя, представляющаго ему искусно то, что вдругъ покажется противнымъ здравому разсудку, *осужденіе такого сочиненія, которое есть образецъ жизни*, и проч. Но выразимъ вопросъ собственными его словами, тогда и увидимъ, что реченіе Ламоттово никакой не имѣетъ съ онымъ связи. Мы скажемъ ему: нѣтъ, милостивый государь, мы не осуждаемъ того, что служитъ образцемъ житія и нравоученіемъ для всякаго возраста. А какъ есть много другихъ сочиненій, о которыхъ вы тожъ самое могли бы сказать; то, дабы предложеніе ваше было основательно, и должно всѣмъ онымъ сочиненіямъ непремѣнно быть эпическими поэмами? Вы совсѣмъ того не думаете, не правда ли? Слѣдовательно вы не сказали ничего принадлежащаго къ вопросу. И такъ не *осуждая* того, что вы называете *образцемъ жизни*, скажемъ, что это не есть эпическая поэма.

Естьлибъ можно было какимъ ни есть способомъ принудить людей никакъ не отступать отъ предложенія, три четверти споровъ кончились бы скоро. Но кажется,

они какъ будто поклялись не разумѣть другъ друга, чтобъ только имѣть удовольствіе всегда спорить.

Ламоттъ также легко разсуждаетъ и о свойствѣ приличномъ эпопеѣ, какъ о единствѣ дѣйствія, и равно не основателенъ въ обѣихъ сихъ статьяхъ. Всякое содержаніе кажется ему годнымъ для эпопеи. Фарсальская битва и Налой въ глазахъ его суть такія же точно эпическія поэмы, какъ Иліада, и ему кажется, что сіе мнѣніе его не имѣетъ нужды ни въ какомъ доказательствѣ; ибо онъ только прибавляетъ къ тому: „впрочемъ всѣ вещи въ сихъ сочиненіяхъ „равны, и всякъ имѣетъ право находить въ „одномъ удовольствія больше, нежели въ дру„гомъ.„ Вотъ еще вещи, ничего не значащія. Конечно всѣ *имѣютъ право находить* болѣе или менѣе *удовольствія* въ такихъ или такихъ сочиненіяхъ. Слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ сіи сочиненія были одинакаго рода? какой странный способъ разсужденія! Я никакъ не удивился бы, естьли бы кто съ бо́льшимъ удовольствіемъ читалъ Налой, нежели Фарсальскую битву; ибо одна изъ сихъ поэмъ столь же въ своемъ родѣ хороша, сколько другая въ своемъ недостаточна. Доказываетъ ли сіе, чтобъ драка пѣвцовъ и монаховъ у Барбина была тожъ самое для эпопеи, что и сраженіе Цезаря съ Помпеемъ на долинахъ Фарсальскихъ? Признаюсь, что я совсѣмъ иначе думаю. Что сказалъ бы Ламоттъ, естьли бы кто сталъ ему доказывать, по его же правилу, что Аг-

неса Шальотова такая же точно трагедія, какъ и его Инеса де Кастро, и что онѣ, по словамъ его, суть только *два различные вида одного рода*? Онъ отвѣчалъ бы конечно, что одна есть смѣхотворная поддѣлка подъ другую. Точно такъ; а Налой чтожъ иное значитъ, какъ не такая же поддѣлка подъ героическое дѣяніе? Какое упрямство, не хотѣть въ сихъ подражательныхъ произведеніяхъ признать той же разности, какая бываетъ въ вещахъ подражаемыхъ! Это уже не раздѣленія произвольныя, введенныя прихотію, а предѣлы положенные природою и разсудкомъ, и всѣ людскія мудрованія не увѣрятъ меня, что должно поставить на одной чертѣ Генріаду и Вервертa.

Сказанное мною выше о единствѣ предмета довольно доказываетъ, что сравненіе Фарсальской битвы съ Иліадою также не основательно; и я никакъ не могу назвать одинакимъ именемъ того, кто составилъ баснь Иліады, единственно ему принадлежащую, которой не нахожу у другихъ писателей, и того, кто преложилъ въ стихи все повѣствованіе о междуусобной войнѣ, бывшей у Цезаря съ Помпеемъ, которое найду я вездѣ.

2-й. Сколько времени должно продолжаться дѣйствіе въ эпической поэмѣ? Мы знаемъ, что не льзя найти лучшаго на сіе правила, какъ правило предписанное благоразумно Аристотелемъ, не предлагать разуму болѣе, нежели сколько можетъ онъ обнять. Когда уже опредѣлено, что дѣйствіе должно быть

единo, оно необходимо должно имѣть и предѣлы. Дѣйствіе въ Иліадѣ и Одиссеѣ продолжается менѣе двухъ мѣсяцовъ, въ Энеидѣ почти одинъ годъ, такъ какъ и дѣйствіе въ Освобожденномъ Іерусалимѣ. Такіе предѣлы можно и преступить, или въ нихъ остаться, смотря по нуждѣ и приличію. Нужно замѣтить наиболѣе, что между чертою, гдѣ начинается, и предѣломъ, гдѣ кончить должно, полагается пространство времени, разпредѣленное такимъ образомъ, чтобъ не ослабить дѣйствія и не охладить читателя.

3-й. Эпическая поэма должна ли писана быть стихами? Такой вопросъ, кажется мнѣ, корыстуетъ только тѣхъ, которые не умѣютъ ихъ сочинять. Правда, Аристотель сказалъ, что Иліада хотя бы написана была прозою, все была бы поэма; потому что онъ находитъ въ ней, независимо отъ стихосложенія, изобрѣтеніе такой басни, которая составляетъ сущность эпопеи; но у новѣйшихъ писателей не льзя, кажется, стихосложенія отдѣлить отъ поэзіи, и хотя Франція имѣетъ Телемака, мы до Генріады не похвалились бы тѣмъ, что есть у насъ эпическая поэма, которая можетъ равняться съ Тассовою, Камоэнсовою и Мильтоновою. Не рѣша строго сего вопроса, можно увѣрить, что тотъ, кто написалъ бы эпопею замысловато и сильно въ прозѣ, заставилъ бы еще желать существенной въ нашей поэзіи части, красоты стихосложенія, и слѣдовательно меньше и-

мѣлъ бы достоинства предъ другими. Да и что было бы пользы, естьлибъ эпическому стихотворцу позволено было писать и не стихами? Гораздо важнѣе, нежели кто думаетъ, не разрушать преградъ, охраняющихъ святилище искуствъ. Трудность, которую преодолѣть надлежитъ, представляетъ сугубую выгоду; она отличный разумъ возвышаетъ, а посредственный удерживаетъ. И какое добро принесло намъ изобрѣтеніе драмы въ прозѣ, о которомъ тридцать лѣтъ назадъ возвѣщено съ великою пышностію, какъ о новомъ нѣкоемъ для дарованія подвигѣ? Отъ него произошли два или три сочиненія изрядныя, которыя во всемъ гораздо ниже хорошихъ сочиненій въ стихахъ, и множество скучныхъ драмъ, забытыхъ при самомъ ихъ появленіи.

4-й. Чудесное должно ли входить непремѣнно въ эпопею? Конечно, развѣ только ея содержанія не льзя приспособить къ оному. Ибо нелѣпо было бы требовать введенія древнихъ языческихъ боговъ въ какое либо нозое содержаніе поэмы. Тассъ и Мильтонъ замѣнили ихъ тѣми посредниками, коихъ допускаетъ наша вѣра. Мы увидимъ впрочемъ, какое дѣлаютъ они неудобство въ поэмѣ Мильтоновой. Что принадлежитъ до Тассовой, признаюсь, сдѣланной ему укоризны въ употребленіи чародѣйства я никогда не считалъ основательною. Наше вѣровніе не отвергаетъ онаго, и въ какое еще содержаніе поэмы могло бы оно введено быть приличнѣе? Христіане несутъ войну

къ народамъ Магомеданскимъ: не подаетъ ли сіе случая представить адъ, ополчающій всѣ владычества противу тѣхъ, кои слѣдуютъ за знаменами Іисуса Христа? Сарацыны Палестинскіе не были ли почитаемы за раболѣпствующихъ подъ игомъ демонскимъ? Демоны же исполняютъ свою обязанность защищеніемъ своихъ подданыхъ, которыхъ хотятъ у нихъ отнять? Сверьхъ того, все Армидино чародѣйство уже ли не приводитъ въ движеніе душу? Мнѣ безъ сомнѣнія гораздо болѣе нравится Дидона Виргиліева; ибо что можно сравнить съ Дидоною? Но Тассъ не могши сдѣлать лучше того, что было сдѣлано превозходнѣйшимъ образомъ, представилъ намъ Армиду; и можно ли за то остаться предъ нимъ неблагодарными? Не съ великимъ ли искуствомъ изобразилъ онъ сію волшебницу, отдавшуюся по страсти въ полную власть любимаго ею человѣка, въ то самое время, когда свышеестественная нѣкая сила дѣлаетъ ее совершенною обладательницею жизни Ренальда? Не означаетъ ли сіе знанія говорить воображенію и сердцу? И осмѣлится ли кто подумать, чтобъ сей очарованный лѣсъ, о коемъ суждено было многократно, не производилъ сильнаго дѣйствія и не былъ источникомъ многихъ красотъ. Я спросилъ бы даже у критиковъ, не чувствовали ли они въ себѣ волненія въ то время, когда неустрашимый Танкредъ входитъ въ этотъ лѣсъ, когда онъ выходитъ изъ него медлѣнными стопами какъ человѣкъ превысшій страха, одна-

ко признающій чудесную нѣкую силу, превозходящую его твердость и мужество? Стенящій гласъ Клоринды и Армиды, изшедшій изъ чувствительныхъ пней, и поразившій слухъ Танкреда и Ренальда, уже ли не такъ умилителенъ, какъ то мѣсто въ Энеидѣ, въ которомъ Эней хотя сорвать вѣтьви съ мирты, увидѣлъ истекшія изъ нея кровавыя капли, иуслышалъ жалобный гласъ, укорявшій его въ люотости? Сей гласъ, сія кровь, сіи миртовыя вѣтьви, осѣняющія могилу юнаго Полидора и бывшія прежде, какъ онъ говорилъ Энею, стрѣлами, коими закидалъ его Полимнесторъ, и подъ которыми онъ погребенъ, составляютъ ли вымыслъ основательнѣйшій, нежели очарованныя древа у Тасса? Все сіе не относится ли равномѣрно къ предположеніямъ, на преданіяхъ основаннымъ? И слѣдовательно стихотворецъ можетъ употреблять ихъ, не будучи порицаемъ въ нелѣпости и несообразности. Такія предположенія можетъ оспоривать философія; но сія философія должна ли быть философіею стихотворцевъ? Пусть она опровергаетъ, сколько ей угодно, басни всѣхъ древнихъ народовъ, это ея должность; должность же стихотворцевъ, ими пользоваться. Часто и самые философы не огорчаются за то, когда ихъ по крайней мѣрѣ на часъ займутъ такимъ мечтаніемъ. Какой человѣкъ чуждъ онаго совершенно? Кто можетъ быть доволенъ одною истиною, тою истиною, которая весьма немногому

насъ научаетъ, и которая во многомъ намъ опказываетъ.

Не будемъ такъ скоры въ порицаніи чудеснаго: намъ оное чрезвычайно нравится, и для насъ очень нужно! мы и безъ того многаго не знаемъ; такъ должно ли еще лишать насъ пособій отъ воображенія? Стихотворцы съ сей стороны узнали человѣка гораздо лучше, нежели философы. Въ насъ есть неизмѣримый и неизчерпаемый источникъ чувствительности, требующей только разпространенія, не могущей удовольствоваться тѣмъ, что есть, и старающейся ухватиться за все, что только быть можетъ, хотящей все изслѣдовать, все оживить, ко всему имѣть отношеніе, и чтобы все ей отвѣчало; она не можетъ терпѣть, чтобы надгробный камень былъ безгласенъ, или какой памятникъ безчувственъ; у нея ко всякому предмету присоединено какое нибудь возпоминаніе, соболѣзнованіе, надежда. Отъ сего произходитъ то неодолимое впечатлѣніе, которое водитъ наши мысли въ другомъ какомъ то порядкѣ вещей, не въ состояніи будучи открыть намъ того, что онъ такое есть; отъ сего великое оное множество нестройныхъ, однако нѣжныхъ чувствованій, которыя суть мечты воображенія, страстію возпаленнаго, въ коихъ душа наша любитъ покоиться, даже обманывая себя, такъ какъ покоятся наши чувства во время пріятныхъ сновидѣній.

Вотъ почему, безъ сомнѣнія, въ глазахъ людей чувствительныхъ показались толико превозходными вымыслы древняго баснословія, которые всему давали душу и жизнь, сообщали человѣка со всѣми существами существующими и возможными, и заставляли его жить въ прошедшемъ и будущемъ. Мы недавно сказали, что языкъ древнихъ былъ совершенно поэтическій; такое же было и богослуженіе ихъ: а наша вѣра, столь же величественная, сколь и истинная, можетъ возвысить разумъ гораздо болѣе, но не позволяетъ ему той же разнообразности въ вымыслахъ. Ламоттъ при холодномъ и спорливомъ умѣ своемъ какъ мало чувствовалъ сіе достоинство древнихъ! Онъ самъ согласенъ на замѣчаніе, сдѣланное ему Фенелономъ въ одномъ изъ его писемъ, что несправедливо укорять Гомера въ томъ, что онъ слѣдовалъ понятіямъ своего вѣка, и изобразилъ боговъ такими, каковыми ихъ всѣ почитали. *Не онъ ихъ сотворилъ*, сказалъ ему очень хорошо Фенелонъ, *надлежало, чтобъ онъ ихъ изобразилъ такими, какими нашелъ.* Да и кто сомнѣвается, чтобъ древнее баснословіе не было преисполнено несообразностей? Но кто можетъ и отвергать, чтобъ не было въ немъ великаго множества такихъ картинъ, кои расписаны бывъ стихотворческими красками, поражаютъ воображеніе всякаго человѣка. И такъ оставимъ несообразности, въ большемъ или меньшемъ количествѣ вмѣшавшіяся во всякое богослуженіе, людьми изобрѣтенное, и

будемъ услаждаться изображеніями всякаго рода, взятыми Гомеромъ изъ богослуженія древнихъ Грековъ.

Ламоттъ не можетъ привыкнуть къ симъ богамъ. Въ философскомъ гнѣвѣ своемъ изъясняется онъ такимъ образомъ: „Надобно „думать, что Греки находились еще въ сла„бости младенческой, когда они довольны „были богами Гомеровыми; ибо какъ бы кто „ни говорилъ о семъ, онъ ввелъ боговъ пре„зрительныхъ. Что это за боги, которые „не сотворили человѣка, родились какъ онъ „въ продолженіе вѣковъ, и размножились „отъ браковъ, подобно племенамъ человѣче„скимъ? боги подверженные немощамъ и „скорбямъ, которые бывъ иногда уязвляемы „тѣми же людьми, изпускаютъ вопли, про„ливаютъ слезы, падаютъ въ обмороки, и „которые, скажу болѣе, имѣютъ еще врачей; „боги со всѣми пороками, со всѣми слабо„стями? и проч.“ Отвѣтствую Ламотту: конечно, это не настоящіе философическіе боги; но боги, естьли не обманываюсь, самые поэтическіе. Цицеронъ замѣтилъ уже прежде васъ, что Гомеръ, кажется, находилъ удовольствіе въ возвышеніи своихъ героевъ равно съ богами, и въ униженіи боговъ равно съ человѣкомъ. Но что изъ того вообще заключить должно? То, что не взирая на нѣкоторые въ разсужденіи приличія и достоинства недостатки, всѣми видимые, и одною только Г-жею Дасье отвергаемые, онъ очень часто льстилъ нашей гордости, дая своимъ героямъ то чрезвычаное величіе, ко-

шое приятно намъ почитать возможнымъ, и сдѣлалъ боговъ своихъ удобными къ произведенію той же драматической приятности, какая свойственна его героямъ, давъ имъ такія же страсти. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Юпитеровы ссоры съ Юноною, худые съ нею поступки, угрозы его очень похожи, какъ говорятъ, на ссоры домашнія, и не могутъ намъ нравиться. Но намѣреніе Юноны въ употребленіи пояса Венерина для возбужденія нѣжности въ своемъ супругѣ, ея стараніе усыпить его въ своихъ объятіяхъ, дабы доставить случай Нептуну къ поданію помощи Грекамъ во время Юпитерова сна, не есть ли вымыслъ прекрасный, даже и по вашему признанію? Когда же станете судить объ ономъ какъ и о всемъ прочемъ по философическимъ вашимъ понятіямъ, вы увидите, что естьли бы стихотворецъ не представилъ своихъ боговъ со всѣми слабостями человѣческими, сей вымыслъ изчезъ бы, какъ и всѣ другіе. Ибо, по строгому разсужденію, богъ не долженъ имѣть нужды во снѣ, не долженъ быть обманутъ во время сна, не долженъ не знать того, что жена его хочетъ его обмануть, не должно ему казаться, что она въ одно время прекраснѣе нежели въ другое: тожъ надобно заключать и о прочемъ. И такъ должно Гомеровыхъ боговъ оставить такими, каковы они были, по понятію вѣка его, и судить о немъ не иначе, какъ по употребленію, сдѣланному имъ изъ сего понятія. А употребленіе сіе

очень часто было весьма удачно. Для доказательства приведемъ еще въ примѣръ Марса раненнаго Діомидомъ. Безъ сомнѣнія разсудокъ не позволяетъ думать, чтобъ смертный могъ ранить бога. Но не всякой ли разъ довольны бываемъ стихотворцемъ въ томъ мѣстѣ, когда богъ браней приноситъ жалобу свою Юпитеру, а владыка боговъ и человѣковъ ужаснымъ взоромъ отражаетъ кровожаждущее божество, причиняющее многочисленныя бѣдствія, человѣческому роду, и не только не приемлетъ никакого участія въ его скорби, но укоряетъ его, что онъ весьма заслужилъ ее? Какая картина и какое наставленіе! Можно объ оныхъ получить нѣкоторое понятіе изъ оды Г-на Руссо на миръ, въ которой довольно удачно подражалъ онъ сему прекрасному въ Иліадѣ мѣсту.

5-й. Эпопея должна ли имѣть своею цѣлію нравственность? Сего вопроса не надлежало бы и предлагать. Ибо такъ какъ эпопея есть сочиненіе, называемое въ поэзіи баснею, то она необходимо заключаетъ въ себѣ наставленіе нравственное. Но въ семъ то случаѣ новѣйшіе критики наиболѣе заблуждаютъ, желая найти у древнихъ то, чего въ нихъ не было; и приписывая имъ такія намѣренія, какихъ они, вѣроятно, не имѣли. Отецъ Боссю нѣкоторою частію предлиннаго разсужденія своего о поэмѣ эпической доказываетъ, что она дѣйствительно иносказательная; что стихотворцу прежде всего надлежитъ основать какую либо прав-

сиѣенную истину, ипридумать такое дѣяніе, которое доказывало бы и обнаруживало оную, а потомъ подобрать къ сему дѣяніе историческое и извѣстныя лица. Весьма позволительно усумниться, чтобъ стихотворцы когда нибудь поступали такимъ образомъ. Правда, изъ произшествій Иліады видны всѣ опасности отъ несогласія между повелителями разныхъ народовъ; но вѣрно ли то, что въ семъ и состояло главное намѣреніе Гомера, и что онъ сочинилъ Иліаду единственно для извлеченія сего наставленія, а Одиссею для того только, дабы показать, что Государь не долженъ удаляться изъ своихъ владѣній? Естьлибъ это было такъ, то содержаніе одной изъ сихъ поэмъ опорочило бы содержаніе другой. Ибо въ Иліадѣ множество оказывается государей, оставившихъ свои области для осады Трои; и Гомеръ нигдѣ не изъясняетъ намъ, чтобъ государи сіи виновны были въ томъ, что они соединились для отмщенія за безчестіе сдѣланное Менелаю, за нарушеніе гостепріимства и обиду, нанесенную Греціи. Война сія также справедлива, какъ можетъ справедлива быть всякая война, и Гомеръ конечно не захотѣлъ охуждать оной. И такъ бываютъ основательныя причины отсутствія государя отъ своихъ областей; а чтобы доказать сіе безъ дальнаго изслѣдованія, спрашиваю, худо ли сдѣлалъ Петръ Великій, что оставилъ свои земли? И въ поэмѣ, славѣ его посвященной, каковую предпріялъ написать Томасъ, странствованіе Его не со-

ставило ли бы нѣкоторую часть сея славы. *) Въ семъ случаѣ я лучше повѣрю Горацію, нежели отцу Боссю. Горацій въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ, что Гомеръ показалъ намъ въ Улиссѣ, какой можетъ произойти успѣхъ отъ соединенія мужества съ благоразумiемъ; и въ самомъ дѣлѣ, когда прибылъ въ Итаку, онъ имѣлъ нужду въ томъ и другомъ, дабы избѣгнуть ожидавшихъ его опасностей, и одному обмануть всѣхъ искателей, осаждавшихъ, такъ сказать, жену его и его чертоги. Что принадлежитъ до главнаго намѣренія стихотворца эпическаго, вѣрно полагать можно, что прежде всего заставляютъ его писать величiе и привлекательность предлежащаго ему предмета. Не созерцаніе какой либо истины для открытія оной, но какое нибудь отличное свойство, отличное дѣяніе возпламеняетъ и приводитъ въ движеніе стихотворческія мысли. Грецiя и Малая Азія весьма помнили знаменитую осаду Трои, сіе достопамятнѣйшее приключеніе во времена баснословныя. Послѣдовавшія за сею осадою произшествія толь долгое

*) Антоань-Леонардъ Гомасъ, извѣстный превосходными своими панегириками или похвальными словами писатель, Франц:Академіи и Ученаго общества членъ, написалъ нѣсколько пѣсней поэмы *Петріада*, въ которой воспѣваетъ онъ подвиги Петра Великаго, уже подъ конецъ жизни своей. Пѣвецъ достойный такого героя! Герой, достойный такого пѣвца! — Жаль, что поэма сія не кончена!

время знамениты были, что бо́льшая часть трагическихъ стихотворцевъ заимствовали изъ оныхъ содержанія для своихъ трагедій. Не весьма ли вѣроятно, что Гомеръ всѣ объ оныхъ преданія собралъ для сочиненія Иліады и Одиссеи, и призналъ за полезное возпѣть предъ Греками событія и героевъ, которые равно достопамятны, и о коихъ приятно было имъ возпоминаніе? Стихотворцы во всякое время старались болѣе или менѣе льстить народному тщеславію, и своими мыслями приноровиться къ понятіямъ своихъ современниковъ, весьма къ онымъ привыкшихъ. Вотъ слѣдствіе главнаго ихъ предмета, состоящаго въ томъ, чтобъ нравиться. Однакожъ я не забылъ, что въ грубыя времена, называемыя героическими, когда еще письмо едва было извѣстно, (когда оное по крайней мѣрѣ очень мало употреблялось), стихотворцы почитались за наставниковъ во нравственности, поелику они прославляли тѣхъ мужей, коихъ покровительствовало небо, и всегда въ стихахъ своихъ учили хранить должное къ богамъ уваженіе. Поэзія тогда имѣла въ себѣ нѣчто священное, потому что она, въ началѣ своемъ, вмѣшиваема была во всѣ богослужебные обряды. Самъ Гомеръ повѣствуетъ намъ въ Одиссеѣ, что Агамемнонъ оставилъ при царицѣ Клитемнестрѣ одного изъ такихъ священныхъ пѣвцовъ, который имѣлъ обязанность напоминать ежедневно въ своихъ стихотвореніяхъ о правилахъ добродѣтели и опасностяхъ отъ порока, и

что Эгистъ не прежде развратилъ ее, какъ уже склонивъ ее удалить отъ себя сего надзирателя, котораго онъ боялся, и сослать его на одинъ необитаемый островъ. Но должно также признаться, что въ тѣ отдаленныя времена понятія о нравственности не такъ были возвышенны, какъ оныя возвысились послѣ, и отзывались грубостію нравовъ. Отъ того то въ Гомерѣ есть много противнаго, какъ мы вскорѣ сіе увидимъ, нашимъ понятіямъ о доблести, приобрѣтеннымъ съ того времени, когда успѣхи разума и общежитія научили насъ познавать оную лучше. Теперь время поговорить о самомъ Гомерѣ и его сочиненіяхъ; и изслѣдованіе его красотъ, его недостатковъ и хорошихъ или худыхъ сужденій объ оныхъ, дастъ мнѣ поводъ открыть постепенно то, что остается мнѣ поговорить о древней эпопеѣ.

ГОМЕРЪ и ИЛІАДА.

Нѣтъ такого писателя, сочиненіями котораго столь много занималось бы потомство, и котораго особа столь мало была бы извѣстна, какъ сего стихотворца. Почитатель Гомера могъ бы сказать, что онъ подобенъ божеству, извѣстному только въ своихъ твореніяхъ. Никто не знаетъ точно, гдѣ онъ родился, нижѐ когда жилъ. Догадываются, съ довольною вѣроятностію, что время его рожденія было около тысячи лѣтъ до Рождества Христова, и три ста

лѣтъ послѣ войны Троянской. Разсказываемое о его бѣдности, доводившей его до крайности просить милостыни, основано на однихъ преданіяхъ сомнительныхъ, а можетъ быть и на гостепріимствѣ, коимъ пользовался онъ въ различныхъ мѣстахъ, гдѣ пѣвалъ стихи свои. Свидъ насчитываетъ до девяноста городовъ, споривших о томъ, которому изъ нихъ принадлежитъ честь называться отечествомъ Гомера. Императоръ Адріанъ вопрошалъ о семъ прорицалища, кои отвѣтствовали, что Гомеръ родился на островѣ Ишакѣ. Но какъ прорицалищамъ очень мало уже вѣрили, то мнѣніе ихъ и не рѣшило сего вопроса. Два только мѣста, городъ Смирна и островъ Хіо предъявили весьма многія доказательства въ свою пользу. Ученые написали о томъ огромныя книги, въ коихъ ничего достовѣрнаго не сказано. Да и какая впрочемъ нужда, что та или другая страна можетъ хвалиться произведеніемъ на свѣтъ Гомера? Довольно и того, что человѣчество высокій даръ его поставляетъ себѣ въ честь, и что его писанія принадлежатъ цѣлому свѣту. Повѣствуемое о его произхожденіи и жизни также баснословно, какъ его поэмы. Толкователь Евстафій, полагающій, что онъ родился въ Египтѣ, увѣряетъ, что онъ возкормленъ былъ нѣкою жрицею Изиды, коея грудь вмѣсто млека източала медъ; что въ одну ночь слышанъ былъ дѣтскій его крикъ, походившій на пѣніе разныхъ девяти птицъ, а по утру найдены въ его колыбели девять гор-

лицѣ, кои съ нимъ играли: Геліодоръ почитаетъ его сыномъ Меркурія. Діодоръ Сицилійскій увѣдомляетъ, что Гомеръ нашелъ рукопись извѣстной Дафны, жрицы храма Дельфійскаго, имѣвшей удивительное дарованіе прелагать въ прекрасные стихи прорицанія боговъ, и что изъ сей то рукописи Гомеръ перемѣстилъ ихъ въ свои поэмы. Другіе полагаютъ, что онъ по прямой чертѣ произходитъ отъ Аполлона, отъ Лина и Орфея, и по тѣмъ понятіямъ, кои возобновляютъ въ насъ имена сіи, не льзя отрицать, чтобъ имя Гомерово, съ сими наряду поставленное, не имѣло по крайней мѣрѣ родственнаго сходства. Наконецъ нѣкоторые думаютъ, что задолго до него одна Мемфиская женщина, называвшаяся Фантазіею, сочинила поэму на войну, и замѣтьте, что по гречески слово *φαντασια* изъ коего мы составили *fantaiſie*, значитъ воображеніе. Не трудно понять сіе иносказаніе; а всѣ таковыя баснословныя преданія доказываютъ только всегдашнюю и неодолимую склонность Грековъ къ иносказательнымъ сказкамъ, склонность, коей не покидали они долго и въ послѣдовавшія времена, поелику баснь о медѣ и горлицахъ, преданная Евстаѳіемъ, означаетъ ясно сладость стиховъ Гомера, а баснь Геліодора, почитающаго Меркурія отцемъ его, знаменуетъ изобрѣтеніе искуствъ, приписуемое Меркурію. Что принадлежитъ до стиховъ Сивиллы Дафны, дѣйствительно, когда Гомеровы

стихи всюду разсѣялись, прорицалища часто употребляли оные въ своихъ отвѣтахъ.

Для собранія воедино всѣхъ разныхъ о немъ сужденій надлежало бы списать великое множество книгъ; ибо ему опредѣлено судьбою быть какъ бы причиною несогласія во всѣ времена. Горацій предпочелъ Гомера въ нравоученіи Хрисиппу и Крантору, симъ двумъ начальникамъ училищъ Стоическаго и Академическаго: Порфирій въ послѣдовавшія времена написалъ разсужденіе *о философіи Гомера*. Но съ другой стороны Пиѳагоръ, налагавшій пятилѣтнее на учениковъ своихъ молчаніе, и по видимому неуважавшій дарованія въ краснорѣчіи, низпославъ его въ тартаръ за поданіе ложныхъ понятій о божествѣ. Извѣстно всѣмъ, что Платонъ хотѣлъ изгнать его изъ своей республики; но не всякъ можетъ знать, какимъ образомъ и для чего. Дознаются нѣкоторые, что побудительными причинами изгнанія, къ которому осуждаетъ онъ стихотворцевъ, должны быть отвлеченныя и высокія понятія, но также натянутыя и обманчивыя умозаключенія, а притомъ всякъ можетъ видѣть прекрасное его изобрѣтеніе способа къ произведенію въ дѣйство сего изгнанія. Надобно знать во первыхъ, что Платонъ допускаетъ въ природѣ два только бытія, первоначальное понятіе, и существо, которое есть подобіе сего понятія или списокъ съ образца. Подъ первоначальнымъ понятіемъ разумѣетъ онъ Бога или мысль божескую, а подъ другими

существами тѣ виды, кои сотворилъ Богъ сообразно съ мыслію своею. До сихъ поръ кромѣ великаго и философическаго ничего въ семъ умствованіи не видно; но онъ присовокупляетъ къ тому: „Поелику всѣ пред„меты суть только списки съ перваго „образца, то подражающія онымъ искуства „дѣлаютъ одни списки со списковъ: какая „въ этомъ польза?“ Тутъ философъ есть не иное что какъ софистъ; но слѣдующее за симъ показываетъ, что естьли метафисика его иногда бываетъ принужденна, то вымыслъ его кажется пріятнымъ и забавнымъ. „Итакъ (говоритъ онъ) ежели между „нами (то есть между гражданами республи„ки, въ однѣхъ только книгахъ Платоновыхъ существовавшей) явится такой сти„хотворецъ, который умѣетъ принимать „на себя всякіе виды и всему подражать, и „представитъ намъ свои поэмы, мы изъя„вимъ ему наше уваженіе, какъ мужу свя„щенному, достойному любви и удивленія; „однако скажемъ ему: между нами нѣтъ ни„кого ему подобнаго, да и въ политическомъ „учрежденіи нашемъ не позволено намъ и„мѣть ему подобнаго; потомъ отправимъ „его въ другой городъ, умастивъ его благо„воніями и увѣнчавъ главу его цвѣтами.“ Признаемся, что приговору о изгнаніи не льзя дать оборота пріятнѣйшаго, какъ сіи слова Платона, и естьли бы его республика существовала, всякой стихотворецъ пожелалъ бы вступить въ оную для того только,

чтобъ такимъ же образомъ быть изъ нея высланнымъ.

Впрочемъ, когда онъ касается самаго Гомера, изъявляетъ величайшее удивленіе о высокомъ умѣ его; признаётся, что для осужденія его потребна смѣлость; что уваженіе и любовь, чувствуемыя имъ съ младенчества къ сочиненіямъ Гомера, должны бы связать языкъ его; что онъ почитаетъ его творцемъ всѣхъ бывшихъ послѣ его поэтовъ, а особливо драматическихъ; но что наконецъ истина предпочтительнѣе всего. Тогда уже дѣлаетъ ему укоризны, выведенныя нѣсколько явственнѣе, нежели родъ изгнанія политическаго, выше здѣсь изреченнаго, и очень пространно доказываетъ, что изображеніе боговъ въ Иліадѣ даетъ столь же ложное, сколь и недостойное о Божествѣ понятіе, что самое конечно не трудно было доказать по философіи.

Для оправданія боговъ, представленныхъ Гомеромъ, древніе и новые писатели искали средствъ въ иносказаніи, и по сему положенію мѣшали, такъ какъ и во всемъ прочемъ, истину съ ложью. Нѣтъ сомнѣнія, что иносказанія и инознаменованія изобрѣтены во времена древнѣйшія. Они составляли всюду первую философію и первое богопочитаніе; въ семъ состояло разумѣніе восточныхъ народовъ и знаніе Египтянъ. Гомеръ долго въ ихъ странахъ путешествовалъ, и хотя родился въ самой Греціи или въ одномъ изъ Греческихъ поселеній, лежавшихъ по берегамъ Іонійскимъ, однакожъ съ младенчест-

ва своего напитался понятіями, весьма свойственными народамъ оныхъ странъ. Элевсискія таинства были не иное что, какъ иносказанія нравственныя: доказано, что шестая пѣснь Энеиды есть точное описаніе сихъ таинствъ, и сокращеніе Пиѳагоровой философіи. Многіе вымыслы Гомеровы содержатъ въ себѣ иносказательный смыслъ столь очевидно, что не льзя сего отвергнуть. Извѣстно также, что долгое время послѣ его у стихотворцевъ въ общемъ обыкновеніи было означать воздухъ Юпитеромъ, огонь Вулканомъ, землю Цибелою, море Нептуномъ и проч. Все сіе неоспоримо; но видѣть во всей Иліадѣ одни только нравственныя олицетворенныя существа, означаетъ понятіе столь же въ умозрѣніи ложное, сколь онсе было бы не дѣйствительно въ поэзіи; а что еще хуже, такое принужденное и мечтательное изъясненіе ни мало не извиняетъ, и въ принятіи Юпитера за могущество Бога, Рока за его волю, Юноны за его правосудіе, Венеры за его милосердіе и Минервы за его премудрость, еще болѣе скрывается несообразностей, нежели въ принятіи ихъ за то, что значатъ они въ Иліадѣ, то есть за божества, управляемыя всѣми страстями человѣческими. Не лучше ли оставить ихъ въ своемъ видѣ и признаться, что Гомеръ изобразилъ боговъ точно такими, какими представляло ихъ простонародное вѣрованіе? Для насъ это безъ сомнѣнія великій недостатокъ, и что оный за долго до насъ чувствовали дру-

гіе, сіе доказывается тѣмъ, что Виргилій, представившій тѣже божества, заставляетъ ихъ дѣйствовать разсудительнѣйшимъ и благопристойнѣйшимъ образомъ, поелику онъ жилъ во времена просвѣщеннѣйшія; однакожъ и въ самой Энеидѣ есть много произшествій, также странныхъ въ разсужденіи нашихъ нравовъ и понятій, какъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ. Будемъ же довольны симъ однимъ оправданіемъ, самымъ простымъ и благовидным, что обязанности поэта и философа весьма различны; что ежели отъ одного требуются преимущественныя свѣдѣнія предъ понятіями простонародными, которыя онъ обязанъ усовершать, то отъ другаго требуется только хорошее изображеніе того, что въ самомъ дѣлѣ есть. Поэтъ есть списатель, а не преобразитель природы, и тѣхъ, кои не довольны богами и героями Гомера, можно спросить: что по желанію вашему долженъ бы онъ былъ сдѣлать? могъ ли онъ ввести богопочитаніе иное, нежели какое было въ его странѣ, и изобразить нравы другіе, нежели какіе были ему извѣстны?

Герои его не пощажены также, какъ и боги; но и ихъ очень можно оправдать по тому же правилу. Неоспоримо, что въ его время тѣлесная сила составляла все; и поелику ратники покрыты были съ головы до ногъ желѣзомъ и мѣдью, то кому казалось легко вооруженіе самое твердое и тяжелое, кто наносилъ удары жесточайшіе, пробивалъ съ бо́льшею силою брони и щиты,

тотъ былъ человѣкъ спрашный, тотъ былъ и герой. Такое преимущество, единожды примѣченное, располагало его достоинствомъ, а отъ сего происходитъ, что въ Иліадѣ весьма обыкновенно какой нибудь самый отважный воинъ признаётся, что другой его превозходнѣе, и отступаетъ отъ него. Нынѣ, когда оружіе, всѣми съ равною удобностію управляемое, и правило чести, требующее того, чтобъ одинъ не уступалъ другому, сравнили всѣхъ могущихъ сражаться; то по справедливости оскорбительно было бы видѣть какого-либо воина, бѣгущаго отъ другаго и признающагося въ своей предъ нимъ слабости. Но въ Гомерѣ Эней безъ зазрѣнія говоритъ Ахиллесу, *я знаю, что ты мужественнѣе меня*; сіе значитъ токмо, я знаю, что ты сильнѣе; правда, онъ сказалъ при томъ: *однакожъ съ помощію которагонибудь божества я могу тебя побѣдить*; и вотъ правило, которое вообще разпространено во всей Иліадѣ, то есть, всѣ происходитъ отъ боговъ, сила, успѣхи, благоразуміе. Когда Агамемнонъ хочетъ оправдаться въ нанесенной имъ обидѣ Ахиллесу, онъ говоритъ, что какое то божество помрачило его разумъ. Сіе означаетъ покровительство того или другаго божества, доставляющаго побѣду Греческимъ и Троянскимъ героямъ поперемѣнно, сего дня Гектору, завтра Діомиду. Это такіе боги, которые разпространяютъ въ войскахъ ужасъ, или ободряютъ ихъ къ сраженію, и не должно думать, что-

бы посредство боговъ умаляло славу ратоборцевъ, ибо ясно видно, что по ихъ понятіямъ величайшая слава для смертнаго, наиболѣе возвышающая его предъ очами другихъ человѣковъ, состоитъ въ томъ, чтобы быть покровительствуему небомъ. Ахиллесъ говоритъ Патроклу: *брегись напасть на Гектора; при немъ всегда есть какое нибудь божество, его покровительствующее.* И такъ нѣтъ ни одного въ Иліадѣ героя, изключая Ахиллеса, которому не случилось бы отступить отъ сильнѣйшаго: отличіе храбрѣйшихъ, такихъ, каковъ Аяксъ и Діомидъ, въ томъ и состоитъ, чтобъ отступать сражаясь; и можно замѣтить къ чести стихотворца, что не взирая на таковое могущество боговъ, которые, кажется, должны бы все привесть въ смятеніе, онъ при всякомъ дѣйствующемъ лицѣ сохраняетъ приличное ему величіе и данныя ему свойства. Важнѣйшее изъ его достоинствъ предъ очами каждаго здравомыслящаго судіи состоитъ въ поддержаніи и разнообразіи великаго множества свойствъ, и представленіи каждаго лица въ особенномъ видѣ. Ламоттъ отрицаетъ въ немъ сіе достоинство, въ чемъ онъ также несправедливъ, какъ и въ другомъ. Одинъ только Агамемнонъ, естьли смѣю сказать, кажется мнѣ, представляетъ лице не очень благородное и мало достойное сана его. Я не укоряю его за вражду съ Ахиллесомъ, поелику на ней основана поэма, и сверьхъ того достаточную къ оной причину показываетъ высокомѣрное

данное ему стихотворцемъ свойство; а впрочемъ онъ ни чѣмъ не извиняетъ несправедливостей его, оказанныхъ Ахиллесу, и не оправдываетъ, почему онъ имѣетъ превосходство предъ всѣми Греческими царями. Двукратно созываетъ онъ начальниковъ воинства для того только, чтобы убѣдить ихъ къ бѣгству, и какія ни были бы придуманы хитрости для прикрытія сего поступка, онъ все не извинителенъ. Настоящій образецъ полководца видѣнъ въ Тассовомъ Годофредѣ, да одинъ только Тассъ и можетъ спорить въ томъ съ Гомеромъ по сей части эпопеи, состоящей въ красотѣ вездѣ одинаковой и разнообразности свойствъ привлекательной.

Ахиллесъ въ семъ родѣ есть лучшій образецъ эпопеи, и самъ Ламоттъ, великій Гомера хулитель, въ томъ согласенъ. Говорили нѣкоторые весьма основательно, что его храбрость не возбуждаетъ никакого удивленія, потому что онъ былъ невредимъ. Тѣ, коихъ останавливала извѣстная о пятѣ Ахиллесовой баснь, послѣ Гомера всюду разнесшаяся, не подумали, что онъ не сказалъ о ней ни слова въ Иліадѣ, и естьлибъ они ее читали, то увидѣли бы, что не только не былъ онъ невредимъ, напротивъ однажды раненъ въ руку и видѣлъ текущую изъ нея кровь. Но удивительное искуство стихотворца, какъ сіе очень хорошо замѣтилъ Ламоттъ, оказывается въ томъ, что онъ юнаго сего героя представилъ увѣреннымъ совершенно о погибели своей предъ стѣнами

Трои. А безъ сего весьма было бы легко сравниться съ нимъ въ извѣстномъ превозходствѣ его предъ всѣми прочими ратоборцами. Онъ всюду наноситъ смерть, но можетъ ее найти и самъ на каждомъ шагѣ, и хотя не встрѣчаетъ побѣдителя, однакожъ увѣренъ, что идетъ ко смерти. Юность, красота, произхожденіе его отъ богини, всѣ сіи преимущества, коими пожертвовалъ онъ славѣ, подвергнувъ себя добровольно преждевременной и неизбѣжной кончинѣ, служатъ къ умноженію въ немъ блеска и къ обращенію вниманія, каковое привлекаютъ на себя люди необыкновенные. Почему не удивительно уже, что небо приемлетъ въ его враждѣ толь великое участіе, что Юпитеръ обѣщаетъ Ѳетидѣ за него отмстить и даровать побѣду Троянамъ толь знаменитую, что уничиженные Греки удовлетворятъ за его обиду и съ покорностію будутъ просить у него помощи. Какая величественная и высокая мысль заключается въ томъ, что изъ бездѣйствія героя сдѣлано дѣйствіе поэмы! Одна сія мысль довольно означаетъ человѣка съ отличнымъ умомъ. Всѣ произшествія разположены въ Иліадѣ для увеличенія героя, и все окружающее его великое еще болѣе его возвышаетъ. Когда Греки бѣгутъ отъ Гекпора, вниманіе тотчасъ обращается на Ахиллеса, спокойнаго въ шатрѣ своемъ, сѣтующаго о множествѣ храбрыхъ ратниковъ, закланныхъ въ жертву Агамемновой гордости, и радующагося о уничиженіи сей гордости. Онъ видитъ всю Грецію у ногъ сво-

ихъ, и пребываетъ неумолимъ: но преклоняется на слезы друга, и дозволяетъ Патроклу сразиться въ вооруженіи Ахиллесовомъ. Съ какою нѣжностію совѣтуетъ онъ ему остановиться, когда отразитъ Троянъ, и не искать Гектора! Въ какую глубокую печаль повергаетъ его потеря сего любезнѣйшаго ему друга и сотоварища отъ самаго его младенчества! Мщеніе принудило его оставить оружіе; одно только мщеніе можетъ принудить его возпріять оружіе. Онъ не служитъ хочетъ Греціи, а отмстить за Патрокла. Онъ плачетъ о Патроклѣ и тогда, когда влачитъ трупъ его убійцы, и слезы ярости мѣшаетъ со слезами дружества. Но онъ плачетъ также возвращая престарѣлому Пріаму пѣло несчастнаго сына его; сострадаетъ злополучному сему спарцу, и сострадая еще угрожаетъ. А изъ сего смѣшенія чувствительности съ бѣшенствомъ, жестокости съ жалостію, изъ сего превозходства, которое приятно видѣть въ человѣкѣ надъ другими людьми, и изъ слабостей, замѣчаемыхъ съ удовольствіемъ во всемъ великомъ, вышло свойство самое поэтическое, какое едва ли когда существовало въ воображеніи.

Нравы составляютъ также одну изъ важнѣйшихъ частей эпопеи; но и въ семъ критики не менѣе несправедливы были предъ Гомеромъ. Они сдѣлали двѣ погрѣшности: во первыхъ забыли, что стихотворецъ долженъ былъ изобразить нравы своего времени, и даже не могъ ихъ изобразить инаковыми; во вторыхъ не знали, что

сіи самые нравы хотя весьма не сходствуютъ съ нашими, съ лишкомъ нѣжными нравами, и иногда кажутся сами по себѣ оскорбительны, часто однакожъ являютъ простоту въ нравоученіи и поэзіи равно привлекательную. Ламоттъ, кажется, жалѣетъ, что вѣкъ Гомеровъ не зналъ великолѣпія нашего вѣка. „Вокругъ Государей, говоритъ онъ, не видно „ни сонма чиновниковъ, ни стражи; царскія „дѣти работаютъ въ садахъ, и стрегутъ „стада отца своего. Чертоги не пышны, „столы не роскошны. Агамемнонъ самъ одѣвается, и Ахиллесъ собственными своими „руками снаряжаетъ пиръ для посланниковъ отъ Греческаго войска. Гомера не „должно въ томъ укорять; но вѣкъ его былъ „грубъ, а потому и изображеніе онаго содѣлалось непріятнымъ для вѣковъ болѣе разборчивыхъ.

Когда бы не было ясно доказано въ другомъ мѣстѣ, что Ламоттъ не рожденъ чувствовать поэзіи, къ убѣжденію моему въ ономъ довольно было бы и одного сего мѣста. Тотъ очень мало свѣдущъ въ искуствахъ, кто не знаетъ, что предметы подражанія тѣмъ болѣе сходствуютъ съ первымъ образцемъ, который есть природа, (не показывая однакожъ ничего въ себѣ низкаго и отвратительнаго), тѣмъ они легче для искусника, тѣмъ удобнѣе къ открытію его дарованія и къ произведенію предлагаемаго имъ дѣйствія. Стихотворцу для живости его красокъ также нѣтъ никакой нужды въ нарядѣ и пышно-

сти, какъ изпуканщику, для хорошей отработки его изпукана, въ серебрѣ и золотѣ. Извѣстно всѣмъ сказанное Зевксисомъ одному посредственному живописцу, изобразившему Венеру въ нарядѣ и убранствѣ: *ты правъ, мой другъ, что представилъ ее пышною, не могши представить прекрасною.* Заставте живописца изобразить пословъ какого либо великаго государя, просящихъ въ супружество своему властителю дочь сосѣдственнаго государя, и окруженныхъ всѣмъ нынѣшнимъ великолѣпіемъ, которое Ламотту кажется наилучшимъ дѣломъ, и спросите, удобно ли ему выразить въ сей картинѣ все то нужное, что выражено Грёзомъ въ сговорѣ деревенскомъ. Сдѣлайте то же предложеніе стихотворцу: дайте ему на выборъ оба предмета, и увидите, станетъ ли онъ колебаться. Причина тому самая простая; то есть, одно изъ нихъ можетъ плѣнить только взоръ и воображеніе, а другое легко можетъ плѣнить сердце. Древніе и новѣйшіе стихотворцы преисполнены плѣнительными изображеніями бѣдности, простоты и умѣренности. Такія мѣста приводятся въ примѣръ, ихъ многіе знаютъ наизусть; вся же дворская пышность представляетъ намъ нѣкоторыя токмо блистательныя мѣлочи, едва примѣтныя. Ламоттъ не привыкъ видѣть Ахиллеса, приготовляющаго своими руками пиръ для Агамемноновыхъ посланниковъ; но прочтемъ сіе мѣсто въ Иліадѣ, выслушаемъ

героя, который проситъ друга своего наполнить большой сосудъ чистѣйшимъ виномъ и разставить чаши, поелику, какъ говоритъ Ахиллесъ, принимаетъ онъ въ шатрѣ своемъ любезнѣйшихъ ему людей; наконецъ посмотримъ, какъ онъ вмѣстѣ съ Патрокломъ и Автомедонтомъ печется о приготовленіи пира, ставитъ на огонь мѣдные сосуды, жаритъ на угляхъ барашковъ и козляшъ, готовитъ и раскладываетъ мясо; и спросимъ самихъ себя, болѣе ли понравилось бы намъ, когда бы Ахиллесъ приказалъ своему дворецкому, чтобъ онъ велѣлъ его повару снарядить великолѣпный столъ. Кто не возчувствуетъ, сколько въ сей картинѣ Гомеровой живости и пылкости, сколько сіе простое и искреннее гостеприимство, сіи попеченія, сія заботливость со стороны такого героя, каковъ Ахиллесъ, угощающій Аякса и Улисса, вмѣсто уничиженія предъ ними истиннаго величія, дѣлаютъ оное еще любезнѣйшимъ и привлекательнѣйшимъ, приближая его къ чувствіямъ, каждому человѣку свойственнымъ? Стихотворецъ, который взялъ бы изъ исторіи для описанія то мѣсто, гдѣ представленъ Курій принимающимъ Пирровыхъ посланниковъ, пришедшихъ съ намѣреніемъ подкупить его дарами, сдѣлалъ бы худо, естьли бы изключилъ огородные овощи, приготовляемые самимъ Куріемъ и предлагаемые отъ него посланикамъ, коимъ онъ сказалъ притомъ: „Видите, что тотъ, кто живетъ

„такимъ образомъ, ни въ чемъ не имѣетъ „нужды. Римляне не заботятся о приобрѣ„тенїи золота, а хотятъ повелѣвать тѣ„ми, которые имѣютъ золото. „Признáем„ся, что овощи ни мало не ослабляютъ сего отвѣта. Люди, почитающїе себя разборчивыми, досадовали на то, что навзикая, дочь царя Феакенскаго Алкиноя, сама ходила съ женщинами своими мыть свое и братьевъ своихъ платье. Сїе мѣсто въ Одиссеѣ нравилось Фенелону болѣе прочихъ, и справедливо. Нѣтъ въ ней еще другаго обстоятельства, которое изобразилъ бы Гомеръ съ бóльшею пріятностїю и истиною. Всякъ плѣняется стыдливостїю, чистосердечїемъ, скромностїю, благороднымъ и сострадательнымъ добродушїемъ сей юной царевны, когда Улиссъ, избавившїйся отъ кораблекрушенїя, предстаетъ предъ нее, и молитъ о ея покровительствѣ и помощи. Съ какимъ удовольствїемъ видимъ, что состраданїемъ, толико полу ея свойственнымъ, преодолѣвается страхъ, который долженъ внушенъ быть въ нее видомъ человѣка полуодѣтаго листьемъ, являющаго плачевное состоянїе несчастнаго, спасеннаго отъ волнъ! Она выслушиваетъ его прошенїе, останавливаетъ своихъ сопутницъ, бѣжавшихъ съ великимъ крикомъ, приказываетъ подать ему одѣянїе, обѣщаетъ свою и отъ родныхъ своихъ помощь, и возшедъ на колесницу для возвращенїя своего въ городъ, старается одерживать на ходу лошадей своихъ, дабы утомлен-

ный умѣсѣ съ меньшимъ трудомъ за него слѣдовалъ. Съ такимъ то умѣніемъ описывать точно подробности постигаемъ мы природу и внушаемъ познаніе объ оной другимъ. Сего то искуства весьма часто не достаетъ въ новѣйшихъ писателяхъ. По сему Фенелонъ упрекалъ насъ въ нѣкоей презрительной разборчивости, относящейся равно къ нашимъ нравамъ и языку. „ Многіе, говоритъ онъ, такъ „боятся унизиться въ слогѣ, что обыкно„венно ихъ выраженія бываютъ сухи и „неопредѣлены. Въ насъ есть какая то „неумѣстная вѣжливость, похожая на „вѣжливость нѣкоторыхъ областныхъ жи„телей, кои хвалятся остроумїемъ, и ко„торые вмѣнили бы себѣ въ низость на„званіе вещей своимъ именемъ. „ Сїе Фенелоново замѣчаніе весьма справедливо. Почему истинные знатоки безпредѣльно обязаны тѣмъ изъ нашихъ писателей, тщаніемъ которыхъ съ успѣхомъ исправлены языкъ и слогъ сей худо понимаемой разборчивости, и которые умѣли изображать сильно и пріятно всякое обстоятельство, доставляемое имъ содержаніемъ. (*)

(*) Лафонтенъ есть изъ числа тѣхъ, въ коихъ наиболѣе примѣтно сіе достоинство, слѣдствіе природнаго дара, означающаго свойство его ума. Посмотрите, какъ онъ изображаетъ Филемона и Бавкиду, угощающихъ въ своей хижинѣ Юпитера и Меркурія, переодѣтыхъ

Всего основательнѣе укоряютъ сочинителя Иліады въ непрерывномъ описаніи сраженій, наполняющихъ почти половину оной. Онѣ конечно излишни, и сряду четыре или пять пѣсней, содержащихъ въ себѣ однѣ битвы, непремѣнно должны отзываться единообразіемъ, и показываютъ

въ путешественниковъ, и не нашедшихъ нигдѣ гостепріимства, коего они требовали. Сила и пріятность сего изображенія удержаны въ слѣдующемъ преложеніи Г-на Дмитріева, котораго и другія всѣ стихотворенія избыточны сими качествами.

. . . . . — Отринутые боги
Пошли уже назадъ, какъ влѣвѣ отъ дороги
Надъ свѣтлымъ ручейкомъ, орѣшника въ тѣни
Узрѣли хижину смиренную они,
И повернули къ ней. Меркурій постучался:
Въ минуту на крыльцѣ хозяинъ показался;
„Добро пожаловать! сказалъ имъ Филемонъ:
„Вы утрудилися, дорожнымъ нуженъ сонъ;
„Ночуйте у меня, повечеряя съ нами;
„Спознайтесь съ нашими домашними богами;
„Они скудельные, но къ смертному добры.
„У предковъ былъ и самъ Юпитеръ изъ коры,
„Но менѣель тогда они въ привольи жили?
„Увы! теперь его изъ золота мы слили,
„А онъ уже не такъ доступенъ сталъ для насъ!
„Бавкида! тамъ вода, согрѣй ее тотчасъ;
„Поставимъ хлѣбъ и соль: мы скудны, но усердны;
„Дай все, что боги намъ послали милосердны!„
Бавкида хворосту сухаго набрала,
Потомъ погасшій огнь въ горнушкѣ разгребла,
И силится раздуть. Водз уже вскипаетъ;

дѣйствительный недостатокъ, котораго умѣли избѣгнуть Виргилій и Тассъ. Но видя оный недостатокъ, произшедшій и отъ простоты разположенія и отъ пространства поэмы, осмѣлюсь сказать, что одинъ только Гомеръ могъ загладить такую погрѣшность, и даже показать въ ней, совсѣмъ другимъ образомъ, дѣйствительное

Хозяинъ путниковъ усталыхъ обмываетъ,
Прося за медлѣнность его не осудить.
А чтобъ до ужина имъ время сократить,
Заводитъ съ ними рѣчь не о любимцахъ счастья,
Не о вліяніи и блескѣ самовластья;
Но лишь о томъ, что есть невиннаго въ поляхъ,
Что есть полезнаго и лучшаго въ садахъ.
Бавкида между тѣмъ трапезой посѣщаетъ,
Столъ ветхій черепкомъ сосуда подпираетъ.

Все, что только хотѣлъ сказать Лафонтенъ объ усердномъ угощеніи добрыхъ людей, выражено прекрасно въ семъ преложеніи; опущено одно реченіе въ послѣднемъ стихѣ, *autre injure des ans*, реченіе выразительное. По французски сказано:

Baucis en égala les appuis chancelans
Des debrits d'un vieux vase, autre injure des ans.

По замѣчанію Лагарпа послѣднее сіе полустишіе, которое показываетъ, что все окружающее Филемона и Бавкиду вдругъ состарѣлось, довершаетъ картину, останавливая воображеніе на реченіи *injure des ans*, *суровость лѣтъ*, которой ничто избѣжать не можетъ. — Удержать оное въ переводѣ и-

достоинство, чрезъ удивительный избытокъ воображенїя, коимъ наполнилъ онъ тѣ битвы. Я говорю сїе не отъ безмѣрнаго удивленїя къ древности; но даю вѣрный отчетъ въ томъ впечатлѣнїи, какое почувствовалъ я недавно. Въ теченїе многихъ лѣтъ не случилось мнѣ читать сряду болѣе одной или двухъ пѣсней Илїады. Да и не льзя прочитать болѣе, когда съ великимъ удовольствїемъ разсматриваешь подробно красоты такого слога, каковъ слогъ

наче не льзя, какъ вмѣсто одного послѣдняго стиха Г-на Дмитрїева сдѣлать два, такъ какъ въ подлинникѣ, съ нѣкоторою перемѣною.

Столъ ветхій черепкомъ сосуда подпираетъ,
Сосуда стараго, — другая порча лѣтъ.

Вотъ мѣста неоцѣненныя для душъ чувствительныхъ, продолжаетъ Лагарпъ; въ чемъ же состоитъ прелесть сего изображенія? Въ точномъ описанїи малѣйшихъ признаковъ крайней бѣдности, соединенной съ крайнею добротою сердца, которыя стихотворецъ умѣлъ выразить весьма естественно, и никакъ не ниже стихотворства. Вы все тутъ видите, и все дѣлаетъ вамъ удовольствїе. Видите добрую старушку, раздувающую огонь, нагрѣвающую воду, накрывающую столъ; но какъ! Вездѣ стихотворческая живопись: *усилїе* Бавкиды *раздуть* огонь показываетъ слабость лѣтъ, а сія слабость увеличиваетъ ея заботливость. Поручите обыкновенному стихотворцу изобразить полусо-

Гомеровъ, и такого языка, который тѣмъ паче пріятенъ, чѣмъ лучше оный разумѣешь. Но напослѣдокъ, желая имѣть точное понятіе о всемъ качествѣ поэмы, прочелъ я сряду двѣнадцать первыхъ пѣсней. Меня поразили простое и благородное шествіе сего произведенія, привлекательное изложеніе, порядокъ, съ какимъ первыя движенія обоихъ воинствъ начинаются отъ поединка Менелая съ Парисомъ, сихъ двухъ главныхъ виновниковъ вражды, и искуство стихотворца, являемое имъ введеніемъ боговъ въ посредство для прекращенія битвы, окончаніе которой долженствовало рѣшить войну. Я замѣтилъ то мѣсто, въ которомъ Елена приходитъ къ Троянскимъ старцамъ, взирающимъ на нее со изумленіемъ, и уже не удивляющимся тому, что Европа и Азія за нее вооружились: и разговоръ ея съ Пріамомъ, узнающимъ отъ нее о главныхъ начальникахъ Греціи, которыхъ сей многолѣтный царь, сидящій на высокой башнѣ, видитъ сражающихся подъ стѣнами. Я приведенъ былъ въ удивленіе жалкимъ зрѣлищемъ разлуки Гектора съ Андромахою, когда сей витязь, оставив-

---

гнившій столъ, поддерживаемый черепкомъ (что непремѣнно сказать надобно, сіе самое Лафонтенъ и изображаетъ); онъ не могъ бы никакъ въ томъ успѣть. А отъ того то самаго и родились сіи превозходные два стиха:

Baucis en egala *etc.*

шій мѣсто битвы съ тѣмъ, чтобы приказать въ городѣ принести жертву, возвращается къ сраженію и выходитъ изъ Трои, въ которую никогда уже не возвратится. Однакожъ чѣмъ болѣе нравилось мнѣ сіе мѣсто, тѣмъ болѣе жалѣлъ я, что не чаще встрѣчаются тутъ такія введенія (эпизоды) для премѣны единообразности главнаго дѣйствія, въ которомъ съ четвертой до конца осьмой пѣсни все вижу однѣ сраженія Троянъ съ Греками. Девятая пѣснь показалась мнѣ превозходнѣйшею всѣхъ предыдущихъ; пѣснь самая драматическая, въ коей Гомеръ, столь же великій ораторъ, сколь и великій поэтъ, показалъ образцы краснорѣчія всякаго рода въ рѣчахъ Феникса, Улисса и Аякса, попеременно усиливающихся преклонить неумолимаго Ахиллеса, и въ томъ прекрасномъ отвѣтѣ сего внимя, въ которомъ открываетъ онъ всю свою душу. Послѣ сего пріятнаго зрѣлища показалось мнѣ весьма слабымъ введеніе о Діомидѣ и Улиссѣ, идущихъ ночью похитить Резовыхъ коней, введеніе, которому подражая Виргилій, написалъ свое о Низѣ и Эвріалѣ несравненно лучше. Признаюсь, я жалѣлъ, что послѣ посольства Грековъ опять начались битвы, и говорилъ самъ себѣ: сколь трудно было стихотворцу, писавшему одно и то же, придумать что нибудь другое, дабы не казаться одинаковымъ. Но когда я увидѣлъ, что онъ вдругъ превзошелъ самаго себя въ одиннадцатой пѣсни и послѣдующихъ, вознесся быстрымъ полетомъ до

такой высоты, которая кажется безпрестанно возрастающею, далъ дѣйствію своему нѣкій новый видъ, нѣсколько частныхъ сраженій замѣнилъ страшнымъ ударомъ двухъ огромныхъ толщей, устремившихся одна на другую велѣніемъ героевъ, начальствовавшихъ надъ ними, и боговъ, которые ихъ ободряли, и долгое время съ непоспижимымъ искуствомъ не рѣшилъ побѣды, по опредѣленіямъ Юпитера обѣщанной мужеству Гектора; тогда душу стихотворца, казалось мнѣ, объялъ весь пламень обоихъ воинствъ; то, что я прочелъ до сего мѣста, и то, что читалъ далѣе, изображало въ мысляхъ моихъ пожаръ, который изтребивъ нѣсколько зданій, по недостатку пищи кажется уже потухшимъ, но будучи усиленъ снова ужаснымъ вѣтромъ, цѣлый городъ въ одну минуту объемлетъ пламенемъ. Я слѣдовалъ безъ отдыха за стихотворцемъ, увлекавшимъ меня за собою; былъ я на мѣстѣ сраженія, видѣлъ Грековъ, тѣснимыхъ между окоповъ, ими сдѣланныхъ, видѣлъ и корабли, бывшіе послѣднимъ ихъ убѣжищемъ; видѣлъ Троянъ, устремившихся сонмомъ для одолѣнія сей преграды, Сарпедона, изторгшаго стѣнный зубецъ, Гектора бросившаго преогромный камень въ градскія ворота, раздробившаго ихъ на мѣлкія части, и съ великимъ крикомъ требовавшаго пламенника для сосженія кораблей; видѣлъ почти всѣхъ начальниковъ Греческихъ, Агамемнона, Улисса, Діомида, Эврипила, Махаона раненныхъ и уже не могшихъ сра-

жаться; зрѣлъ одного только Аякса, послѣдній оплотъ Грековъ, Аякса ограждающаго имъ своимъ мужествомъ и щитомъ, упомленнаго, покрытаго пóтомъ, прогоняемаго на свой корабль и всегда прогоняющаго побѣдоносныхъ враговъ; наконецъ видѣлъ пламень, возставшій отъ горящаго флота, а въ сей самый часъ величественный и важный видъ Ахиллеса, стоящаго на кормѣ корабля своего, со спокойною и жестокою радостію взирающаго на сіе знаменіе побѣды, которую обѣщалъ Юпитеръ, и которой ожидало его мщеніе. Я какъ бы невольно останавливался, дабы предаться размышленію о томъ обширномъ умѣ, коимъ сооружена сія громада, и который, когда какъ я считалъ его изтощеннымъ, могъ еще увеличишься въ глазахъ моихъ до такой чрезвычайности; я чувствовалъ неизъяснимый какой то восторгъ; думалъ, что я еще въ первый разъ узналъ Гомера въ полномъ его видѣ: ощущалъ какое то особенное и неизреченное удовольствіе, что мое удивленіе равно великому его разуму и славѣ, что тридцать вѣковъ не всуе благоговѣли къ его имени, и сіе удовольствіе еще удвоилось тѣмъ, что я нашелъ человѣка толь великимъ, а всѣхъ прочихъ людей толико справедливыми.

Но когда послѣ такого восхищенія почувствовалъ я весьма естественное желаніе сообщить произведенное во мнѣ впечатлѣніе тѣмъ, которые должны были меня разумѣть, не понимая Гомера, то съ горе-

стію помыслилъ, что ни одинъ изъ лучшихъ нашихъ переводовъ, коихъ достоинства я ни сколько умалить не намѣренъ, не могъ оправдать предъ вами, ни произвести въ васъ одинакаго съ моимъ чувствованія, и я желалъ отъ всего сердца, чтобъ нѣкогда явился такой стихотворецъ, который былъ бы въ состояніи показать вамъ Гомера такъ, какъ показанъ Виргилій.

Другое во мнѣ чувствіе, котораго не скрою, и которое весьма свойственно истиннымъ любителямъ искусствъ, есть то, что я въ возхитительной моей благодарности (ибо мы можемъ имѣть оную къ тому, кто доставляетъ намъ пріятнѣйшее провожденіе времени) укоряль я себя и стыдился, что осмѣлился до показаннаго мѣста замѣтить нѣкоторыя погрѣшности и слабости: онѣ всѣ изчезли отъ множества красотъ. Мнѣ нужно было, къ собственному моему извиненію, вспомнить, что самые просвѣщенные и самые разборчивые любители искусствъ, каковъ Роллень, нашли въ Иліадѣ (говоря словами сего разумнаго критика) „мѣста слабыя, недостаточныя, прошяжныя, „рѣчи весьма длинныя или неумѣстныя, „описанія съ лишкомъ подробныя, повторе„нія непріятныя, сравненія очень едино„образныя, весьма частыя или нещочныя.„ О сихъ то подробностяхъ Ламоттъ судилъ справедливо. Онъ во всемъ оспоренъ и обвиненъ. Надлежало во всемъ признаться и ограничить себя слѣдующимъ отвѣтомъ: лучшая критика не уничтожаетъ достоин-

ства сочиненія, показывая недостатки онаго; но нѣтъ конечно такой опасной критики, какъ та, которая показываетъ, что нѣтъ красотъ. Гомеровы красоты видны во первыхъ въ его начертаніи и общемъ разпорядкѣ. Не льзя оныхъ отрицать безъ оказанія несправедливости, и можно безъ труда показать ихъ ясно. Есть въ немъ еще другія красоты, могущія всякое сочиненіе еще сильнѣе впечатлѣть навсегда въ памяти человѣковъ, поелику онѣ болѣе всего заставляютъ перечитывать оное; сіи красоты заключаются въ слогѣ: мы частію вовсе ихъ не чувствуемъ въ принадлежащемъ до слововыраженія, которое одни только Греки и могли цѣнить какъ должно; но въ принадлежащемъ до мыслей, изображеній, согласія, движенія страстей и мы чувствовать оныя можемъ. Ламоттъ! научись по Гречески, прочти Гомера на его языкѣ, и ежели не будешь удивленъ красотами его столько, чтобъ извинить его въ недостаткахъ, берегись судить о немъ; ибо ты одинъ будешь противурѣчить гремящей о немъ три тысячи лѣтъ славѣ и всѣмъ народамъ просвѣщеннымъ; наипаче берегись переводить его; однимъ только твоимъ переводомъ и можешь ты причинить ему вредъ.

Ламоттъ, рожденный съ необыкновеннымъ умомъ противустихотворческимъ, уничтожаетъ Гомера въ своемъ переводѣ. Все истребляетъ, за что ни принимается. Въ подлинникѣ Фениксъ говоритъ ученику своему Ахиллесу:

Les Prieres ſont filles du grand Jupiter: boiteuſes, couvertes de rides, baiſsant l'oeil et ne regardant que de coté, elles ſuivent conſtamment l' Injure vigoureuſe, qui, d'un pas ferme et léger, les devance facilement, et parcourt la terre en nuiſant aux hommes; elles viennent réparer ſes torts. Ces filles de Jupiter ſont prodigues de biens envers celui qui les reçoit avec reſpect, et prêtent l'oreille à ſes voeux. Si quelqu'un les refuſe, s'il les rejette avec obſtination, elles vont ſupplier Jupiter de lui envoyer auſſitôt l' Injure, pour qu'il ſubiſse une peine terrible. Пѣснь IX. перевода Г-на Билибе, который почитается вѣрнымъ.

Моленья дщери суть Зевесовы смиренны:
Потупя кроткій взоръ, унылы и согбенны,
Онѣ за мощною обидою идутъ,
Да правый за ея неправды найдутъ судъ.
Обида нагло ихъ и скоро упреждаетъ;
Чтобъ людямъ вредъ нанесть, вселенну обтекаетъ.
Моленья не щадятъ для тѣхъ богатствъ своихъ,
Кто къ нимъ почтителенъ, кто внемлетъ просьбы
ихъ;
Но кто откажетъ имъ съ упорнымъ отверженьемъ,
Зевесъ, подвигнутый усерднымъ ихъ прошеньемъ,
Обиду на того жестокую нашлетъ,
Да чашу горести люттѣйшей изпіетъ.

Чѣмъ замѣнилъ Ламоттъ сіе прекрасное иносказаніе, толико сообразное съ понятіями Грековъ о своей вѣрѣ, и толь прилично влагаемое въ уста молящаго старца? ничѣмъ, кромѣ сихъ двухъ стиховъ:

On offense les dieux; mais par des ſacrifices
De ces dieux irrités on fait des dieux propices.

Мы всѣ гнѣвимъ боговъ; но жертвоприношенье
Ихъ прелагаетъ гнѣвъ на милость, снизхожденье.

Какой бѣдный даръ разумъ, возклицаетъ Волтеръ, *ежели онъ не далъ почувствовать Ламотту такову красоту!*

Онъ также весьма худо употребляетъ его, стараясь многими пустыми умствованіями увѣрить насъ, что великая о Гомерѣ слава есть одно только предубѣжденіе, отъ древнихъ дошедшее и до насъ. Ему въ возраженіе приводятъ мнѣніе Аристотеля, нигдѣ не являющаго и признака изступленія, а показывающаго вездѣ признаки ума спокойнаго; всегда во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій ссылающагося на Гомера, какъ на лучшій образецъ для подражанія, котораго поставляетъ онъ несравненно выше всѣхъ стихотворцевъ. Отвѣтъ Ламотта достоинъ любопытства. Онъ думаетъ, что сей Философъ очень могъ удивляться Гомеру не для чего инаго, какъ только въ угожденіе ученику своему Александру, бывшему ревностнымъ почитателемъ сего стихотворца. Но не вѣроятнѣе ли нѣсколько то, что самъ учитель и умѣлъ внушить ученику своему сіе великое уваженіе къ Гомеру? Ламоттъ присовокупляетъ: „Я думаю „по крайней мѣрѣ, что по пристрастію „своему все приводитъ въ систему, усмотрѣвъ нѣкое въ Гомеровой поэмѣ искуство, „возхищался онъ своимъ открытіемъ, и основательность онаго доказывалъ темнымъ „мудрованіемъ, весьма ему свойственнымъ.„ Трудно въ одномъ изреченіи помѣстить такое множество явно ложныхъ мыслей. Никакого конечно не требовалось *пристрастія*

къ системамъ для усмотрѣнія нѣкоего искусства въ Иліадѣ и Одиссеѣ. Самый обыкновенный умъ можетъ примѣтить искусство во всемъ томъ, въ чемъ видно намѣреніе, разположеніе, разпредѣленіе частей для сосплавленія чего либо цѣлаго, и конецъ, къ которому все стремится и достигаетъ. Нельзя никакъ принять того за *открытіе*, что всякъ видитъ съ перваго взгляда. Что принадлежитъ до *мудрованія свойственнаго* Аристотелю, оное найти можно въ его философіи; но естьлибъ умъ его значилъ одно только мудрованіе, потомство не имѣло бы отъ него лучшаго первоначальнаго сочиненія объ искусствахъ воображенія, умнѣйшаго, обильнѣйшаго въ правилахъ истинныхъ и существенныхъ. Здѣсь Ламоттъ также худо судитъ объ Аристотелѣ, какъ и о Гомерѣ. Представляетъ все въ превратномъ видѣ, смѣшиваетъ понятія всѣми принятыя, чтобъ только утвердить неправильное свое предложеніе. Хочетъ доказать непремѣнно, что чувствуемаго всѣми уваженія къ Гомеру причиною невѣжество Грековъ; *кои не знали ни одного писателя въ толъ же родѣ, и не видѣли ему соперниковъ*; а то забылъ, что Фабрицій насчитываетъ семьдесятъ стихотворцевъ, писавшихъ до Гомера въ героическомъ родѣ. Что они были, сіе засвидѣтельствовано самыми древними писателями, именующими названія ихъ сочиненій, хотя оныя до насъ и не дошли. Онъ забылъ, что когда Аристотель написалъ піитику, Еврипидъ и Софоклъ усовершен-

ствовали уже Трагедію, Демосѳенъ краснорѣчіе, и что въ Аѳинахъ процвѣтали уже всѣ искуства. Не ужели тогда люди не имѣли столько просвѣщенія и вкуса, чтобъ имъ можно было судить о Гомеровыхъ поэмахъ? *Одно только познаніе о совершенномъ*, говоритъ онъ, *отвращаетъ насъ отъ посредственнаго.* Вотъ странное выраженіе, сказанное къ слову о Гомерѣ. Кто бы подумалъ, что сочинитель Иліады былъ человѣкъ посредственный? Могъ ли не знать Ламоттъ, что посредственнымъ называется только тотъ, котораго произведенія не отличаются великими красотами, и что наполненное ими сочиненіе можетъ быть весьма несовершеннымъ, ежели примѣтаны въ него многіе недостатки, но никогда не можетъ быть *посредственнымъ.* Въ трагедіи *Цинна* есть конечно множество погрѣшностей; но *посредственное* ли она произведеніе? Сверьхъ сего я спросилъ бы Ламотта, гдѣ же онъ нашелъ такое *совершенство*, которое по мнѣнію его можно противуположить *посредственности* Гомеровой? Нѣтъ онаго и въ самомъ Виргиліѣ; ибо ежели онъ превозходитъ Греческаго стихотворца совершенствомъ въ описаніяхъ, благоразуміемъ въ мысляхъ и чувствованіемъ приличій, то Энеида, по мнѣнію всѣхъ, гораздо ниже Иліады разположеніемъ, устройствомъ, содержаніемъ, свойствами героевъ и вообще цѣлымъ дѣйствіемъ, что всѣми признано за истину. Извѣстно, что онъ въ одну поэму, состоящую изъ двѣнад-

цати пѣсней, включилъ объ Гомеровы поэмы, изъ коихъ въ каждой по двадцати четыре; и сіе доказываетъ, что онъ, такъ какъ и мы, Греческія оныя творенія справедливо почитаетъ очень длинными и плодовитыми. Одиссеѣ непрерывно подражалъ онъ въ первыхъ шести своихъ пѣсняхъ, а Иліадѣ въ шести послѣднихъ. Всякъ согласенъ въ томъ, что ежели онъ превзошелъ изъ ихъ чрезвычайно одну, що оспался гораздо ниже другой, и что впорая половина его поэмы никакого не обращаетъ на себя вниманія: по сей то самой причинѣ, какъ многіе думаютъ, хотѣлъ онъ при смерти сжечь свое сочиненіе. И такъ онъ съ сей стороны сдѣлалъ сугубую честь Гомеру. Коль же великъ тотъ человѣкъ, который былъ образцемъ и наставникомъ такому стихотворцу, каковъ Виргилій, и который не взирая на превозходство Энеиды, почитается первостепеннымъ! Ламоттъ не говоритъ ни о Камоенсѣ, ни о Милтонѣ, которые во франціи не были еще тогда извѣстны. Онъ кратко говоритъ о Тассѣ; сіе тѣмъ удивительнѣе, что онъ на одного только Тасса и могъ справедливо сослаться, поелику одинъ только онъ и предпочитается Гомеру въ разсужденіи цѣлаго состава и привлекательности своего сочиненія, хотя слогъ его и не подходитъ къ Гомерову. По видимому Ламоттъ не зналъ по Итальянски, или слѣпо вѣрилъ мнѣнію о немъ Боало. Но какіе же суть образцы того совершенства, котораго не находитъ онъ въ Иліадѣ? Сіи образцы

(никто бы того не чаялъ) суть *Кловисъ* Демаретовъ и *Сент-Луи* Лемоаневъ. „Они показались мнѣ, говоритъ онъ, гораздо „лучше Иліады ясностію начертанія, единствомъ дѣйствія, самыми здравыми понятіями о Божествѣ, самымъ вѣрнымъ различеніемъ добродѣтели отъ порока, изящнѣйшими и лучше описанными свойствами, „любопытнѣйшими введеніями, искуснѣе „приготовленными и менѣе предвидимыми „приключеніями, важнѣйшими, краснорѣчивѣйшими и наилучше разположенными по „состоянію страсти разговорами, и наконецъ вѣрнѣйшими и лучше подобранными „сравненіями.„ Много сказано, и ежели все то правда, то не льзя утѣшиться объ утратѣ толикихъ преимуществъ въ тѣхъ поэмахъ, которыхъ, по мнѣнію же панегириста, не возможно читать; ибо симъ и кончится его сужденіе, подавшее случай примѣнить къ тѣмъ неудобочитаемымъ образцамъ правильности сказанныя великимъ Конде слова о *Зиновіи* аббата д'Обиньака, которая заставила зѣвать весь Парижъ, и которая, какъ говорятъ, совершенно согласна съ правилами: *я охотно прощаю аббату д'Обиньаку, что онъ послѣдовалъ правиламъ; но не прощаю правиламъ, что онѣ заставили аббата д'Обиньака сочинить такую негодную трагедію.* Однакожъ успокоимся: не должно вѣрить заключенію Ламотта какъ о всѣхъ тѣхъ качествахъ, кои приписываетъ онъ Демарету и Лемоаню, такъ и о тѣхъ, коихъ не признаетъ въ Гомерѣ. Примѣтны

нѣкоторыя искры дарованія въ поэмѣ Сент-Луи, и сочинитель оной имѣлъ стихотворческій жарь; но вообще сія поэма и Кловисъ ни мало не походятъ на лучшія ни своимъ основаніемъ, ни слогомъ, и я нашелъ тому доказательство въ самомъ Ламоттѣ, который, послѣ толь великой похвалы, хочетъ знать, почему сихъ двухъ поэмъ *лучшихъ*, по словамъ его, *на французскомъ языкѣ*, никто не читаетъ, и признаётся откровенно, не безпокоясь о томъ, согласно ли сіе со сказаннымъ имъ, что не только слогъ ихъ ничего не значитъ, но сочинители оныхъ *въ смѣшномъ видѣ представили чудодѣйствія, запутались во многоразличныхъ введеніяхъ, выдумали странныя приключенія, отклоняющія отъ главнаго дѣйствія;* (замѣтьте, что онъ хвалилъ ихъ за единство дѣйствія и выборъ введенія) *составили тяготное сборище рѣдкихъ произшествій, изъ коихъ, можетъ быть, хотя ни одно не удалено вовсе отъ правдоподобія, но всѣ вмѣстѣ кажутся несбыточными по причинѣ ихъ нелѣпости.* Вотъ странные образцы совершенства: что принадлежитъ до меня, признаюсь, я гораздо охотнѣе согласился бы на то, чтобъ Ламоттъ судилъ обо мнѣ такъ, какъ о Гомерѣ, нежели хвалилъ такъ, какъ Лемоаня и Демарета. Боже насъ избави отъ похвалъ такого человѣка, который то, что хвалитъ, называетъ смѣшнымъ, неудобочитаемымъ, тягостнымъ и нелѣпымъ.

И онъ упрекаетъ Аристотеля въ обманчивомъ мудрованіи! какое же дать еще названіе нелѣпостямъ умнаго человѣка, путающагося въ такомъ дѣлѣ, котораго доказать не льзя? Дабы смѣшать его совершенно, то показавъ ему, что слава древнихъ писателей ни на чемъ иномъ не основывалась, какъ только на превозходномъ достоинствѣ ихъ стихотворенїй и на произходящемъ отъ оныхъ удовольствїи, довольно вспомнить объ истинныхъ событїяхъ, и въ немногихъ словахъ сказать, какимъ образомъ дошли до насъ его сочиненїя. Сперва разсѣялись онѣ въ Іонїисїе доказываетъ, что хотя онъ родился въ Европейской Греціи, или въ Греческихъ поселенїяхъ Азїи, однако въ сихъ послѣднихъ мѣстахъ жилъ и сочинялъ. *Рапсодисты* имѣли свое пропитанїе отъ пѣнїя стиховъ его: Греческое слово сїе значитъ собственно, *составщики стиховъ* (*recouſeurs de vers*). Они по требованїю народному должны были пѣть то либо другое мѣсто, какъ по вражду Ахиллеса съ Агамемнономъ, смерть Патрокла, разлуку Гектора, и проч; ибо Гомеръ не раздѣлилъ своей поэмы на пѣсни; а по сему и названы тѣ мѣста *рапсодіями*, хотя уже были собраны, и еще имѣютъ сїе названїе во всѣхъ изданїяхъ. Никто бы не повѣрилъ, что слово сїе, нынѣ выраженїе презрительное, означающее безпорядочное собранїе всякихъ маловажныхъ произшествїй, первоначально было наименованїемъ сочине;

ній превозходнѣйшаго изъ стихотворцевъ: толико то съ теченіемъ времени измѣняются слова въ своихъ знаменованіяхъ! Не извѣстно, не назывались ли рапсодистами до Гомера тѣ стихотворцы, которые пѣвали собственныя свои сочиненія. Но кажется, что послѣ его не разумѣлись уже подъ ними другіе; ибо сіе названіе особенно осталось при тѣхъ, кои за деньги пѣвали Иліаду и Одиссею въ театрахъ и на площадяхъ. Наконецъ Ликургъ, во время путешествія своего по Іоніи, первый собралъ и привезъ ихъ въ Лакедемонъ, откуда разпространились онѣ по Греціи. Потомъ во время Солона и Писистрата Гиппархъ, сынъ сего послѣдняго, по приказанію отца своего вновь велѣлъ ихъ списать въ Аѳинахъ, и сей самый списокъ отъ того времени былъ въ употребленіи до царствованія Александра. Сей государь поручилъ Каллисѳену и Анаксарху тщательно пересмотрѣть Гомеровы поэмы, которые переходя изъ устъ въ уста и изъ одной страны въ другую, должны были повредиться. Онъ совѣтовался также съ Аристотелемъ о семъ изданіи, и одинъ списокъ съ оныхъ заперъ въ небольшой драгоцѣннѣйшій ковчегъ, взятый на Арбельскомъ сраженіи въ числѣ добычь, отъ Дарія пріобрѣтенныхъ, и потому называлось оно *изданіемъ ковчежнымъ*. Александръ всегда ставилъ этотъ ковчегъ къ себѣ подъ подушку. „Достойно и праведно, говаривалъ онъ, „чтобъ драгоцѣннѣйшій въ цѣломъ свѣтѣ

„ковчегъ хранилъ въ себѣ превозходнѣйшее „произведеніе ума человѣческаго ;, потому то Ламоттъ и сказалъ: *я подозрѣваю, былъ ли Александръ въ полномъ умѣ, когда это Говорилъ.* Такое подозрѣніе (*) грубо и колко ; но любопытно замѣчаніе Г-жи Дасье : *Ахъ какъ былъ бы счастливъ Дарій, естьлибъ умѣлъ, такъ какъ Г. Ламоттъ, помирачить Александра!* Возклицаніе употреблено очень къ стати!

По смерти Александра Зинодоръ Ефесскій пересмотрѣлъ еще сіе изданіе въ царствованіе перваго изъ Птоломеевъ. Наконецъ при Птоломеѣ Филометорѣ, за сто пятьдесять лѣтъ до Рождества Христова, Аристархъ, весьма знаменитый по своему вкусу и просвѣщенію, въ послѣдній разъ пересмотрѣлъ Гомеровы поэмы, и изданный имъ списокъ вскорѣ прославился и заставилъ забыть всѣ прочіе списки. Сіе самое изданіе перешло къ намъ, и кажется, оно въ самомъ дѣлѣ весьма исправно и вѣрно, поелику мало найдешь древнихъ сочиненій, коихъ под-

---

(*) Оно основано на одномъ мѣстѣ въ Горацієвыхъ сочиненіяхъ, по которому дѣйствительно заключить можно, что сей государь не оставилъ о себѣ славы просвѣщеннаго любителя наукъ и искуствъ. Горацій говорилъ: *когда онъ судилъ о нихъ, то судилъ какъ настоящій Віотянинъ.*

Baeotûm in craſso jurares aëre natum. т: е. Можно бы побожишься, что онъ родился въ грубомъ Віопійскомъ воздухѣ.

линникъ былъ бы также ясенъ, также исправенъ и имѣлъ бы въ себѣ столь же мало такихъ мѣстъ, въ которыхъ примѣтны важныя порчи.

Теперь спрашиваю, вѣролтно ли, чтобъ толь многіе, достоинствомъ и познаніями своими знаменитые мужи, такъ рачительно и въ толь отдаленныя времена занимались сочиненіями такого стихотворца, который потому только славенъ, что всѣ вообще его хвалятъ? чтобъ въ теченіе толикихъ вѣковъ по смерти сего писателя, у народовъ говорящихъ его языкомъ, достоинство его было одно только предубѣжденіе? Нѣтъ ничего, кажется мнѣ, противнѣе сего разуму и опытамъ. Успѣхъ предубѣжденія можетъ послѣдовать при жизни какого либо писателя и произойти отъ языка, который еще не усовершенъ, отъ времени, въ которое вкусъ еще не очищенъ, отъ личныхъ обстоятельствъ, отъ благосклонности государей и вельможъ, отъ воли единомышленниковъ, и наконецъ отъ всѣхъ не надолго дѣйствующихъ причинъ, могущихъ спутать всеобщее мнѣніе. Такимъ образомъ весьма знамениты были у насъ Ронзаръ, Депортъ, Воатюръ; но сія знаменитость не долѣе ихъ существовала, и послѣ ихъ смерти изчезла сама собою, безъ всякаго другихъ содѣйствія. Напротивъ того Гомеръ во всѣ времена былъ пересужаемъ, начиная отъ Зоила и Калигулы до Перольта и Ламотта: противники его были люди сильные, — сіе доказываетъ, что слава имени его раздражала гордость; и люди о-

чень умные, — сіе доказываетъ, что онъ могъ занимать собою критику; но ни тѣ, ни другіе непріятели не могли повредить его чести, — сіе доказываетъ при томъ истинное и непоколебимое достоинство его, котораго всѣ таковыя изкушенія ни мало не ослабили.

Были во всѣ времена и такіе, кои безмѣрно его уважали, а безмѣрное уваженіе, какъ извѣстно, всегда доходитъ до излишества, чему и былъ одинъ ужасный примѣръ, ежели вѣрить въ томъ Витрувію. Онъ пишетъ, что сей Зоилъ, сдѣлавшійся поношеніемъ и мерзостію своего вѣка, за неистовыя оскорбленія, причиненныя имъ Гомеру, сожженъ живой Смирнскими жителями, кои думали, что они болѣе прочихъ должны участвовать въ отмщеніи за непочитаніе памяти того стихотворца, котораго прославляли они какъ своего согражданина. Витрувій присовокупляетъ, что *Зоилъ весьма заслужилъ сію участь*; и Г-жа Дасье думаетъ тоже. По сему изувѣрство въ ученыхъ мнѣніяхъ можетъ сдѣлаться также ужаснымъ, какъ и всякое другое изувѣрство. Умерщвленіе Зоила въ честь Гомеру, и умерщвленіе Рама въ честь Аристотелю доказываютъ, до какого излишества удобно можетъ дойти человѣческій разумъ.

O miseras hominum mentes! O pectora coeca! (*)

(*) О скудоуміе человѣческое! о слѣпотствующіе люди!

Лучшебъ сдѣлала Г-жа Дасье, естьлибъ замѣтила, какъ нѣкое отличіе, особенно принадлежащее сочинителю Иліады, что имя его поносителя Зоила содѣлалось обидою, а имя издателя оной Аристарха похвалою.

У насъ не осталось ничего изъ тѣхъ ругательствъ, которыя Зоилъ изрыгалъ на Гомера; но онѣ конечно были не грубѣе тѣхъ, коими Г-жа Дасье осыпаетъ Ламотта. Всякъ тѣмъ больше оскорбляется, что женщина пишетъ непристойнымъ образомъ, когда противникъ ея извѣсняется съ умѣренностію и вѣжливостію примѣрными. Равно досадно видѣть, что одинъ унижаетъ свой разумъ нелѣпымъ странномысліемъ, а другая безславитъ свой полъ и знаніе ѣдкостію, которая для обоихъ кажется чуждо. Она съ крайне смѣшнымъ пренебреженіемъ говоритъ о такомъ человѣкѣ, который своимъ достоинствомъ гораздо ея превозходнѣе, и который виноватъ только въ томъ, что ошибался. Написанная ею толстая противъ него книга есть не иное что, какъ собранныя въ кучу грубыя обиды и плохіе доводы, разсказываемые надменно. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ очень худо опровергаетъ она Ламотта, который не рѣдко справедливо судитъ о подробностяхъ, а неосновательнъ только въ своихъ правилахъ и заключеніяхъ. Не взирая на его заблужденія, можно читать его сочиненіе съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, потому что оно писано слогомъ чистымъ и пріятнымъ. Сочиненіе же противницы его подъ названіемъ *о порчѣ вкуса*, дѣйствительно есть не иное что, какъ отвратительныя

росказни. Она въ Гомерѣ находитъ множество достоинствъ, какихъ въ немъ нѣтъ, и даже сомнительно, хорошо ли она поняла превозходство истинныхъ красотъ его. Говоря о какомъ нибудь изреченіи, которое само по себѣ очень обыкновенно и при томъ неумѣстно, она педантически возклицаетъ: *изреченіе преумное, внушенное ему конечно самою Минервою!* По побужденію ли самолюбія къ одобренію переводчиковъ въ прозѣ, по желанію ли предать всеобщему осужденію Ламоттову Иліаду, переведенную стихами, она неробко утверждаетъ за правило то, что точно противно истинѣ: *Стихотворцы въ стихи переведенные, перестаютъ быть стихотворцами, дѣлаются пѣвцами и безобразными,* и проч. Событіе часто доказывало, что это весьма справедливо; но изъ сего можно заключить только, что стихотворца переводилъ не стихотворецъ, и замѣчаніе Г-жи Дасье *не дѣйствительно.*

Ламоттъ крайне безразсудно охуждаетъ Гомера въ нравоученіи: укоризна сія важна, и есть изъ такихъ укоризнъ, въ которыхъ можно и должно оправдать сего стихотворца. Критикъ настоитъ, почему Гомеръ не сказываетъ мнѣнія своего, какъ бы и надлежало, о томъ, что есть порочнаго въ свойствахъ и дѣяніяхъ дѣйствующихъ его лицъ. Онъ особенно осуждаетъ свойство Ахиллеса, не примѣчая однакожъ того, что хвалитъ порицаемаго имъ сочинителя. „Гомеръ нѣ-
„которымъ порокамъ даетъ такой блескъ,

„который ясно открываетъ хорошее его „объ оныхъ мнѣніе. Вездѣ примѣтно, что „онъ удивляется Ахиллесу, котораго неспра„ведливость и жестокость, кажется, явля„ютъ только мужество и величіе души, а „мечтаніе стихотворца часто переходитъ „къ читателю.„

Здѣсь прекрасный былъ случай Г-жѣ Дасьѣ пошутить надъ Ламоттомъ, естьлибъ она умѣла онымъ воспользоваться. Но занимаясь единственно противуположеніемъ ему сужденій знаменитыхъ писателей, по обыкновенію толковниковъ, не радитъ она о доводахъ. Есть доводы неоспоримые, и Гомеръ самъ снабдѣвалъ оными свою защитницу. Во первыхъ, какъ Ламоттъ не подумалъ, что стихотворецъ сдѣлалъ лучшее дѣло, давъ по крайней мѣрѣ сей блескъ и благородство тому, что нравственно есть порочнаго въ свойствѣ его Героя? Не значитъ ли сіе, что онъ проникъ въ искуство и произвелъ оное, когда чувствовалъ, вводя такое лице поэтическое, въ коемъ заключается все главное дѣло, что недостатокъ во нравственности должно покрыть и вознаградить силою страстей и тѣмъ величія видомъ, который означаетъ кратковременное мечтаніе, необходимо отъ онаго происходящее? Въ семъ то Гомеръ успѣлъ совершенно, по собственному признанію самаго критика. Но какимъ образомъ предупредить вредное дѣйствіе, какое можетъ произвести во нравственности непроизвольное и неотвратимое удивленіе, изъявляемое къ тому, что въ самомъ

себѣ предосудительно? Сдѣлать тоже, что сдѣлалъ Гомеръ: заставить героя самаго, когда онъ въ равнодушномъ положеніи, осудить преступки, которые страсть заставляетъ дѣлать и извинять; произнесши хулу на сіи преступки устами самихъ боговъ, приемлющихъ участіе въ героѣ. Выслушаемъ разкаяніе Ахиллесово по смерти Патрокла; выслушаемъ нѣсколько стиховъ, кои отважился я перевести, такъ какъ и нѣкоторые еще другіе:

Ah! périsse à jamais la discorde barbare!
Qu' à jamais replongée aux cachots du Tartare,
Elle n'infecte plus de son souffle odieux
Le sejour des mortels et les palais des dieux!
Perisse la colere et ses erreurs affreuses!
Perisse la vengeance et ses douceurs trompeuses!
Son miel empoisonneur assoupit la raison;
Il nous plaît; mais bientôt la vapeur du poison
Monte et noircit le coeur d'une épaisse fumée.
Ah! l'on hait la vengeance après l'avoir aimée.
J'en suis la preuve hélas! Où m'a précipité
De mes emportemens la bouillante fierté!
Qu'il m'en coûte aujourd'hui! cruelle expérience!
Injuste Agamemnon! j'ai vengé mon offense:
En suis — je assez puni? — — —

Да пагубный раздоръ изъ свѣта изтребится!
Да въ адскія на вѣкъ темницы заключится,
Чтобъ смертныхъ и боговъ жилищъ, любезныхъ имъ,
Дыханьемъ мерзостнымъ не заражалъ своимъ!
Погибни гнѣвъ съ твоимъ ужаснымъ заблужденьемъ,
И месть съ обманчивымъ изчезни услажденьемъ!
Ты усыпляешь умъ отравою своей:
Она сладка какъ медъ; но паръ отравы сей

Какъ нѣкій дымъ густый вдругъ сердце очерняетъ. —
Ахъ! мщенье любитъ всякъ, хоть послѣ проклинаетъ.
Сбылось сіе на мнѣ! куда низверженъ я
Порывомъ гордости и злобы моея?
Сколь люшое отъ нихъ терплю теперь мученье!
Неправедный Атридъ! отмстивъ за оскорбленье,
Наказанъ тяжко я. — — — —

Могъ ли стихотворецъ сказать намъ яснѣе, что онъ думаетъ и что должно думать о гнѣвѣ, гордости и мщеніи? Болѣе ли бы намъ понравилось, когда бы самъ онъ говорить сталъ нравоученія? И кто можетъ лучше вразумить насъ о бѣдственныхъ дѣйствіяхъ слѣпыхъ и наглыхъ страстей, какъ не тотъ самъ, который предался имъ предъ нашими глазами, о всѣхъ причинахъ, по коимъ можно извинить оныя, и о всемъ томъ величіи, которое, кажется, ихъ возвышаетъ? Въ то время, когда вѣщаетъ разсудокъ голосомъ Ахиллеса, не надобно думать, что сей герой осуждаетъ собственныя токмо свои заблужденія, но онъ даетъ намъ чувствовать и наше обольщеніе; и въ семъ то случаѣ наставленія философа не такъ убѣдительны, какъ наставленія стихотворца. Сей преимущественнѣе тѣмъ, что намъ не возможно ему не повѣрить, ниже помыслить его оспорить; онъ, такъ сказать, изобличаетъ насъ на самомъ дѣлѣ, и уже тогда вразумляетъ, когда поколеблетъ; принуждаетъ сознаться въ преступкахъ, въ коихъ заставилъ насъ участвовать, и дѣлаетъ

насъ судіями виновнаго, сдѣлавъ напередъ его сообщниками.

Когда Ахиллесъ, погруженный въ безмолвную и жестокую печаль, влачитъ Гекторовъ трупъ вокругъ одра, на коемъ разпростертъ Патроклъ, и никакъ не допускаетъ предать погребенію сіи безчувственные остатки, послѣднюю пищу гнѣва своего; тогда прискорбное дружество и ужасная твердость его свойства извиняютъ нѣкоторымъ образомъ помѣшательство его отъ отчаянія. Но что между тѣмъ мыслятъ боги, свидѣтели зрѣлища сего, боги, которые сами споспѣшествовали Ахиллесову мщенію? Юпитеръ призываетъ Ѳетиду:

Dites à votre fils que son aveugle rage
A blessé tous les dieux, en prodiguant l'outrage
Au cadavre d'Hector dans la fange traîné:
Tout l'Olympe en murmure, et j'en suis indigné.
Allez; qu'il rende Hector à son malheureux pere,
S'il ne veut s'exposer aux traits de ma colere.

Рцы сыну твоему, что мщеньемъ ослѣпленной
Боговъ онъ оскорбилъ, влача въ пыли презрѣнной
Трупъ жалкій Гектора съ ругательствомъ надъ
нимъ.
Меня и весь Олимпъ онъ раздражаетъ симъ.
Да Гектора отдастъ отцу его несчастну;
Илъ гнѣву моему подвергнется ужасну.

Здѣсь боги и человѣки единогласно осуждаютъ то, что порочно. Писатель, обольстившій насъ какъ стихотворецъ, исправляетъ какъ нравоучитель; онъ заставляетъ спокойно разсуждать, и увѣренъ, что ска-

залъ истину о тѣхъ самыхъ предметахъ, кои показывалъ намъ не иначе, какъ въ игривыхъ краскахъ стихотворческихъ. Онъ обращаетъ намъ въ наставленіе то, чѣмъ сперва колебалъ наши души. Не доказываетъ ли сіе, что онъ исполнилъ объ свои обязанности, и могъ ли еще болѣе въ томъ успѣть?

ОДИССЕЯ.

Я не буду говорить много объ Одиссеѣ. Критики занимались ею гораздо менѣе, а сіе можетъ быть и означаетъ уже, что она ниже первой его поэмы. Вся сила нападеній обратилась на Иліаду; она была какъ бы средоточіе Гомеровой славы, и потому на непріятеля дѣланы были нападенія въ самой его столицѣ. Удивленіе возбуждаетъ критику, и когда уже то и другая изтощились надъ Иліадою, то я долженъ сказать нѣчто и объ удивленіи и о критикѣ. Что принадлежитъ до Одиссеи, изъ чтенія оной утвердился я въ томъ же мнѣніи, какое имѣлъ Лонгинъ и бо́льшая часть критиковъ, что изъ двухъ поэмъ Гомеровыхъ послѣдняя гораздо ниже первой. Въ Одиссеѣ не вижу я ни тѣхъ превозходныхъ картинъ, ни тѣхъ великихъ свойствъ, ни тѣхъ исполненныхъ пылкости описаній, ни того витійства чувствій, ни той силы страстей, которыя изъ Иліады составляютъ нѣчто цѣлое, имѣющее въ полной силѣ душу и жизнь.

Гомеръ много путешествовалъ, пріобрѣлъ многія познанія; онъ прошелъ часть

Африки и Малой Азіи. Географическія его свѣденія такъ были вѣрны, что ученые Англичане, путешествовавшіе въ наше время по тѣмъ же странамъ, имѣвъ при себѣ его сочиненія, часто наблюденіями своими подтверждали то, что говоритъ онъ о положеніи мѣстъ, о ихъ видахъ, о свойствѣ земли, а иногда и обычаяхъ, которые еще не измѣнились отъ времени. По видимому, Гомеру въ старости захотѣлось сочинить такую поэму, въ которой могъ бы онъ помѣстить и сдѣланныя имъ наблюденія и собранныя имъ преданія. Онъ очень вѣренъ въ наблюденіяхъ, а весьма баснословенъ въ преданіяхъ. Повѣствуемое имъ есть такой родъ чудеснаго, по которому всегда вспомнишь о чудесномъ въ Арабскихъ сказкахъ. Повѣсти о Полифемѣ и Лестригонахъ, которыя Виргилій, сокративъ оныя во многомъ, удостоилъ своимъ подражаніемъ, потому что онѣ внушали ему прекрасные стихи, писаны точно во вкусѣ *тысячи и одной ночи*. Тожъ самое можно сказать о превращеніяхъ, сдѣланныхъ жезломъ Цирцеинымъ, и превращеніи людей во всякихъ животныхъ: онѣ находятся во всѣхъ восточныхъ басняхъ. Когда стихотворецъ говоритъ о томъ чудесномъ порошкѣ, который Елена положила въ чашу каждаго гостя, бывшаго за столомъ у Менелая, и который имѣлъ силу приводить въ забвеніе всѣ бѣдствія *до такой степени, что тотъ, кто примѣтъ его въ питіи, не прольетъ ни одной капли слезъ во весь день, хотя бы видѣлъ умирающихъ*

отца своего или мать, или убитыхъ брата и единственнаго своего сына, не узнаемъ ли мы, по дѣйствію сего порошка, коимъ Египетская царица подарила Елену, того опіума, который во всякое время обыкновенно принимали и даже во зло употребляли восточные народы, и который дѣлая человѣка безмѣрно пьянымъ, приводитъ въ совершенное умоизступленіе

Какъ Иліада, такъ и Одиссея наполнены баснями; но однѣ басни возхищаютъ и плѣняютъ воображеніе, а другія производятъ въ немъ отвращеніе и негодованіе; однѣ, кажется, выдуманы для людей уже зрѣлыхъ, а другія для дѣтей. Когда Гомеръ изображаетъ мнѣ Скамандру, всѣми своими волнами сражающуюся съ Ахиллесомъ, тогда въ семъ вымыслѣ вижу я основаніе истины, опасность безразсуднаго воина, могшаго погибнуть въ рѣкѣ, по коей преслѣдовалъ онъ бѣгствовавшихъ. Вижу въ ономъ сверьхъ того искусство стихотворца, который болѣе или менѣе ознаменовавъ героевъ своихъ на битвахъ, вводитъ Ахиллеса во брань съ божествомъ, съ раздраженною рѣкою, въ ярости своей изъ береговъ выступившею. Но Улиссъ и его спутники, вонзившіе дерево въ глазъ уснувшаго Циклопа, послѣ того какъ онъ съѣлъ живыхъ двухъ человѣкъ, ничего не представляютъ мнѣ кромѣ ребяческой выдумки. Басни Аріоста забавляютъ, потому что онъ смѣется надъ ними прежде всѣхъ, что самое разсказъ его дѣлаетъ весьма привлекательнымъ и необыкновеннымъ; а Гомеръ

съ важностію разсказываетъ такіе вздоры, которые кромѣ того сами по себѣ гораздо менѣе пріятны, нежели вздоры стихотворца Феррарскаго.

Разположеніе Одиссеи слабо. Поэма растянута приключеніями, одно за другимъ слѣдующими; не имѣетъ въ себѣ завязки привлекающей вниманіе, и не возбуждаетъ довольнаго соучастія. Состояніе Пенелопы и Телемака въ двадцати четырехъ пѣсняхъ одинаково. Все одинъ и тѣ же оскорбленія со стороны искателей сей Царицы; въ чертогахъ все то же пиршество, и мать съ сыномъ все произносятъ одинакія жалобы. Телемакъ отправился на корабль искать отца своего, и въ путешествіи его ничего не происходитъ кромѣ безплодныхъ посѣщеній и разговоровъ у Нестора и Менелая. Фенелонъ не такимъ образомъ разположилъ его путешествіе, и гораздо болѣе видно искуства въ подражаніи, нежели въ подлинникѣ. Улиссъ является на Итакѣ съ двѣнадцатой пѣсни Одиссеи, и до самаго того времени, когда даетъ о себѣ знать, ничего не происходитъ такого, что отвѣчало бы ожиданію читателя. Сей герой находится у Эвмея, переодѣтый въ видѣ нищаго; остается у него долгое время безъ всякаго дѣла, и къ настоящему дѣйствію нѣтъ еще ни малаго приступа. Правда, сочинитель умѣлъ искусно облагородить сей нищенскій видъ, заставивъ сказать одного изъ числа искателей, что часто боги, всячески преображающіеся по своей волѣ, приемлютъ на себя видъ стран-

никовъ въ той землѣ, которую посѣтить предпримемлютъ, чтобъ быть свидѣтелями наблюдаемаго въ ней правосудія или содѣваемыхъ разныхъ насилій. Симъ приуготовляется развязка; однакожъ изъ подлаго такого наряда выходятъ явленія приличествующія болѣе сказкѣ, нежели поэмѣ. Не приятно видѣть Улисса, стоящаго съ сумою у дверей столоваго покоя, и пожирающаго съ жадностію посылаемые ему остатки снѣдей; слугу, дающаго ему толчки ногою и надъ нимъ ругающагося; одного изъ числа искателей бросившаго ему въ голову бычачью ногу, а другаго ударившаго его скамьею въ плечо; нищаго, по имени *Ира*, спорящаго съ нимъ о мѣстѣ, на которомъ онъ стоитъ обыкновенно, и великаго Улисса, сбросившаго съ себя епанчу и вступившаго съ бѣднякомъ Иромъ въ кулачной бой. Не знаю, не обманываюсь ли я; только мнѣ кажется, что въ семъ случаѣ Гомеръ съ лишкомъ увеличилъ противуположности и преступилъ надлежащую мѣру. Должно было конечно представить героя въ уничиженіи, а не въ презрѣніи, незнаемымъ и оскорбленнымъ, дабы послѣ явился онъ съ бо́льшимъ величіемъ, и отмстилъ за себя съ бо́льшею справедливостію; но надлежало и показать это въ положеніяхъ, приличествующихъ поэмѣ. Важные стихотворцы, какъ и великіе художники, такимъ образомъ не должны унижаться; Рафаилъ не писалъ предметовъ Каллотовыхъ. Въ избіеніи искателей Пенелопы больше видно эпическаго; но съ лишкомъ явное покровительство

Минервы и явленіе эгида ослабляютъ сіе одно только и важное произшествіе, уменьшая съ лишкомъ видимую опасность героя. Наконецъ ожиданное долговременно свиданіе супружнее хо́лодно и не́ производитъ радостныхъ чувствій, кои могло бы оно произвести. Пенелопа, не хотѣвшая узнать Улисса по одержанной имъ са́мой чудесной побѣдѣ надъ своими соперниками, узна́етъ его тогда, какъ онъ разсказываетъ ей объ извѣстномъ ему только одному разположеніи брачнаго ложа. Такія ли должны быть эпическія пружины? Всего хуже въ оной развязкѣ то, что противу правила здраваго разсудка, предписывающаго всѣ дѣйствующія лица представить при концѣ поэмы въ положеніи рѣшительномъ, Улиссъ едва только увидѣлся съ Пенелопою, какъ уже и увѣдомляетъ ее, что судьба опредѣлила ему странствовать опять по свѣту съ весломъ на плечахъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ такого человѣка, который бы это весло почелъ хлѣбнымъ вѣяломъ. Повторяю, такихъ ничтожныхъ вымысловъ нѣтъ въ Иліадѣ.

Пребываніе его на островѣ Калипсиномъ и на островѣ Цирцеиномъ ничего не представляетъ важнаго; и ежели правда, что Калипсо есть подлинникъ Дидоны, то онъ похожъ на каплю воды, обратившуюся въ жемчужину. О семъ можно судить по тому, какъ у Цирцеи началось обращеніе съ Улиссомъ: онъ самъ разсказываетъ о первомъ съ нею свиданіи.

„Она въ золотой чашѣ поднесла мнѣ то „подмѣшанное питіе, которое разтворила „ядомъ, приготовленнымъ для сего безчело- „вѣчнаго превращенія. Я принялъ чашу изъ „рукъ ея и выпилъ. Но сіе не произвело „желаннаго ею дѣйствія. Она ударила меня „волшебнымъ своимъ жезломъ, и ударивъ, „сказала: ступай въ клевъ увидѣшься съ сво- „ими спутниками, и будь тѣмъ же, чѣмъ „они. Я въ тожъ время обнажилъ свой мечъ, „и бросился на нее, какъ бы намѣреваясь ее „убить Она проливая слезы, говоритъ: кто „ты таковъ? откуда ты? Я не могу тебѣ „выразить моего удивленія, видя, что ты „выпивъ мой ядъ, остался безъ превращенія. „Никто изъ смертныхъ не могъ никакъ „устоять отъ сего зелья, не только тогда, „какъ уже выпивалъ его, но когда только „подносилъ чашу къ устамъ своимъ. Ты ко- „нечно имѣешь разумъ хитрѣйшій всѣхъ „очарованій, или я вижу въ тебѣ благора- „зумнаго Улисса; Меркурій часто мнѣ гово- „рилъ, что онъ будетъ сюда по возвращеніи „изъ Трои. Но вложи мечъ твой въ ножны, „и не станемъ думать ни о чемъ кромѣ „любви. Докажемъ взаимную нашу страсть, „чтобъ между нами осталась навсегда до- „вѣренность совершенная.

(Переводъ съ преложенія Г-жи Дасье).

Такое объявленіе любви нѣсколько скоро, а наипаче послѣ чаши съ отравою. Богини какое ни имѣли бы преимущество въ дѣлахъ любовныхъ, однако нужно, чтобы упрежденія

были приличнѣе и осторожнѣе; вѣдь и Богини женщины. Тутъ есть великая разность отъ любви Дидониной.

Сошествіе Улисса во адъ столь же худо, сколь сошествіе Энея удивительно, и можно сказать, что вся честь принадлежитъ подражателю, показавшему то, что должно было сдѣлать Улиссъ бесѣдуетъ съ сонмищемъ тѣней, вовсе ему незнакомыхъ. Тиро, Антіопа, Алкмена, Эпикаста, Клориса, Леда, Ифимедея, Федра, Прокриса, Аріана, Эрифилія разсказываютъ ему, не извѣстно для чего, свои приключенія, до которыхъ читателю также мало нужды, какъ и Улиссу. Виргилій, не говорю здѣсь о многихъ его другихъ преимуществахъ, больше гораздо показалъ разсудка, представя въ дѣйствіи съ Энеемъ тѣ только лица, въ коихъ онъ долженъ былъ принимать участіе. Во многообразныхъ Гомеровыхъ пересказахъ нѣтъ ни выбора, ни намѣренія. Но онъ слышалъ сіи повѣсти въ разныхъ странахъ, по коимъ путешествовалъ, и хотѣлъ разсказать все, что зналъ. Одно достойное примѣчанія мѣсто есть молчаніе Аякса въ то время, когда Улиссъ обращаетъ къ нему слово: онъ отвращаетъ отъ него взоры ничего не отвѣтствуя, и удаляется. Дидона то же дѣлаетъ въ Энеидѣ, когда Эней встрѣчается съ нею во адѣ; и въ ихъ положеніи еще болѣе видно драматическаго. Но то, чему Виргилій не хотѣлъ подражать, есть дурная шутка, сказанная Улиссомъ одному изъ его спутниковъ, Элпенору, который ушибся до смерти

упавъ съ верьху чертоговъ Цирцеиныхъ. „Элпеноръ, какимъ образомъ очутился ты „въ этомъ жилищѣ мрачномъ?„ Ты шелъ „пѣшкомъ, я плылъ на кораблѣ несенномъ „вѣтрами; но ты пришелъ прежде меня.„ Одна Г-жа Дасье находитъ важный смыслъ въ этой незабавной и жестокой шуткѣ.

Улиссъ во время пребыванія своего у Эвмея занимается цѣлую ночь средствами, какія употребитъ онъ для освобожденія себя отъ своихъ непріятелей; справедливое о семъ безпокойство не позволяетъ ему предаться сну. Но стихотворецъ какъ бы опасаясь оставить читателя въ равномъ безпокойствіи, спѣшитъ, къ ободренію его, свести съ неба Минерву, укоряющую язвительно героя за то, что онъ лишаетъ себя покоя тогда, когда покой ему нуженъ, и повторяетъ, что когда онъ вступитъ въ дѣло съ пятидесятью полками, долженъ быть увѣренъ, что съ помощію Минервы легко оное кончитъ. Улиссъ видитъ свою погрѣшность, повинуется и засыпаетъ. Сто́ило ли труда сводить съ неба Богиню для того, чтобъ она приказала герою уснуть? Вотъ еще одно мѣсто, въ коемъ Г-жа Дасье даетъ замѣтить искуство стихотворца.

Согласимся, что такимъ образомъ въ 18-й вѣкъ переводчики и толкователи древнихъ писателей дѣйствительно причинили имъ вредъ во мнѣніи общемъ, оказывая къ нимъ удивленіе слѣпое и изключительное, которое даже недостатки ихъ превращало въ красоты.

Противъ такой чрезвычайности возстали люди очень разумные, доведенные противурѣчіемъ, какъ то случается обыкновенно, до другой чрезвычайности совсѣмъ противной, а отъ сего произошли святотатства, потому что появились изувѣры; каковое выраженіе весьма истинно и прилично въ важнѣйшемъ порядкѣ вещей. Умы просвѣщеннѣйшіе, люди умѣреннѣйшіе и осторожнѣйшіе въ своихъ сужденіяхъ зло сіе поправили и общее мнѣніе довели опять до настоящей цѣли онаго, не сокрытіемъ недостатковъ древнихъ писателей, а разобраніемъ и показаніемъ истинныхъ ихъ красотъ. И потому то въ наше время великіе древніе писатели, вообще вѣрнѣе оцѣненные и лучше переведенные, опять, кажется, начали содѣйствовать успѣхамъ словесности, возбудили вящшее любопытство и участіе, и къ счастію послужили необоримою оградою отъ нашествія худаго вкуса. Никто не назоветъ меня хулителемъ ихъ: думаю, что я доказалъ сіе; но изъявляя достойное къ высокому ихъ дару благоговѣніе, надобно предоставить и разсудку право судить о тѣхъ людяхъ, кои отъ чрезмѣрнаго нашего удивленія кажутся намъ божествами. Впрочемъ та же чувствительность, которая дѣлаетъ насъ пристрастными ко всему, что въ нихъ достойно удивленія, отвергаетъ то, что въ нихъ порочно; и ежели кто смѣшиваетъ одно съ другимъ, тотъ, кажется, болѣе увлеченъ бываетъ именитостію, нежели соб-

ственными своими впечатлѣніями; а сіе значитъ уничтожать самому свое сужденіе.

Мое сужденіе объ Одиссеѣ не есть покушеніе на славу Гомерову, но доказательство совершеннаго моего безпристрастія. Строгая откровенность въ показаніи его недостатковъ доказываетъ по крайней мѣрѣ, сколько я искренень, когда прославляю красоты его. Не могу не чувствовать красотъ Одиссеи, хотя поставляю ихъ гораздо ниже красотъ Иліады: я соглашусь, что въ сей поэмѣ Гомеръ не только привлекаетъ наше любопытство какъ живописецъ нѣхъ отдаленныхъ вѣковъ, отъ коихъ не осталось у насъ достовѣрнѣйшихъ, драгоцѣннѣйшихъ и назидательнѣйшихъ памятниковъ кромѣ оставленыхъ имъ, но и плѣняетъ пріятностями, кои часто умѣлъ онъ разсыпать въ описаніи древнихъ нравовъ, гостепріимной простоты и добродушія, уваженія молодыхъ людей къ старости, очень хорошо изображеннаго въ осторожности и скромности Телемака, когда онъ гостилъ у Нестора и Менелая. Свойство сего молодаго человѣка во всемъ сообразно съ его возрастомъ и положеніемъ; онъ смѣлъ, чистосердеченъ, благороденъ, и вообще говоритъ съ матерію своею и ея искателями такъ, какъ должно говорить. Тожъ самое можно сказать о Пенелопѣ, которой свойство по необходимости нѣсколько принужденно во все продолженіе поэмы, какъ сего требовали нравы тогдашняго времени; но она, изключая свиданіе нѣсколько холодное, говоритъ и дѣлаетъ, какъ

мнѣ кажется, только то, что ей должно говорить и дѣлать. Улиссъ хотя съ лишкомъ уничиженъ въ своемъ нищенскомъ нарядѣ и очень долго остается въ бездѣйствіи; однакожъ все еще заставляетъ недоумѣвать и ожидать развязки: желательно было бы, естьлибъ стихотворецъ сдѣлалъ оную сильнѣе и живѣе. Избіеніе искателей изображено такими красками, кои приводятъ на мысль живописца Иліады. Но сія поэма останется навсегда вѣнцемъ Гомера: она единая сочинителю своему опредѣляетъ названіе превозходнѣйшаго стихотворца, какимъ только древность можетъ славиться.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

О Эпопеѣ Латинской.

На сочиненія Виргиліевы найдётся читателей больше, нежели на сочиненія Гомеровы, потому что больше извѣстенъ языкъ Латинскій, нежели Греческій. Виргилій, въ подлинникѣ, прежде другихъ книгъ бываетъ въ рукахъ упражняющагося въ наукахъ. Всѣ давно уже одинаково судятъ какъ о его достоинствѣ, такъ и недостаткахъ. Объ эклогахъ его поговорю я тогда, когда дойдетъ рѣчь до поэзіи пастушеской. Георгики его сдѣлались почти Французскимъ сочиненіемъ, и сія превзходнѣйшая, преданная намъ отъ древности поэма, составляетъ также прекрасную часть поэзіи новѣйшей. Излишнимъ почитаю говорить о томъ, что уже извѣстно; и такъ сдѣлаю токмо нѣкоторыя примѣчанія объ Энеидѣ. Несовершенство сей поэмы и совершенство Георгикъ доказываютъ, сколь еще великое остается разстояніе между лучшею поучительною (дидактическою) поэмою и весьма важнымъ твореніемъ эпическимъ. Когда я послѣ Гомера читаю Виргилія, наиболѣе удивляюсь тому, что вижу нѣкое въ стихотворцѣ Латинскомъ благоговѣніе къ Греческому. Хотя бы мы и не знали отъ другихъ, что Виргилій былъ такой великій почитатель Гомера, что

его называли *Гомеричесκимъ*; то надобно только прочесть его, дабы въ семъ увѣриться. Онъ слѣдуетъ за нимъ не теряя его изъ вида; но извѣстно, что такое преложеніе на свой языкъ красотъ иностраннаго языка почиталось всегда за славное нѣкое приобрѣтеніе высокаго дара, и чтобъ судить о томъ, легко ли сіе приобрѣтеніе, надобно только вспомнить сказанное Виргиліемъ, что легче было бы взять у Геркулеса его палицу, нежели похитить одинъ стихъ у Гомера. Однакожъ онъ взялъ изъ него великое множество стиховъ; и въ переводѣ оныхъ ежели не всегда съ нимъ равняется, то иногда его превозходитъ (*).

(*) Никто не укоритъ Виргилія за такое подражаніе Гомеру, какое онъ сдѣлалъ; но Латинскіе критики справедливѣе укоряли его за то, что онъ выписывалъ у своихъ одноземцовъ: въ чемъ не льзя и сомнѣваться, видя великое множество ссылокъ на стихи, взятые имъ не только изъ Эннія, Пакувія, Акція и Свевія, но даже изъ знаменитѣйшихъ его современниковъ, какъ то изъ Лукреція, Катулла, Варія и Фурія. У насъ нѣтъ стихотвореній сихъ двухъ послѣднихъ писателей; но Варій извѣстенъ намъ по сдѣланной ему похвалѣ Горaціемъ, который почитаетъ его за человѣка имѣющаго великій даръ и способность къ эпопеѣ:

Fortè epos acer,
Ut nemo, Varius ducit.

И такъ Виргилій не могъ сказать подобно Моліеру, когда онъ присвоивалъ себѣ что ни-

Первый замѣченный въ Энеидѣ недостатокъ есть свойство героя; и здѣсь-то можно видѣть, сколько Ламоттъ и его сообщники ошибались, когда укоряли Гомера за нравственныя несовершенства въ его героѣ, и колико болѣе зналъ сіе Аристотель, когда тѣжъ самыя свойства, несовершенныя во нравственности, призналъ за лучшія въ поэзіи. Конечно, благочестиваго Энея не льзя укорить ни мало: съ начала до конца поэмы онъ безпорочень; но не будучи обладаемъ страстями, не разгорячаетъ, и холодность его свойства наполняетъ всю поэму. Онъ почти всегда плачетъ либо молится. Весьма спокойно склоняется въ любовь Дидоны, и

будь лучшее, взятое изъ худаго писателя, *я беру назадъ мое добро, гдѣ только его найду*. Бо́льшая часть такихъ Виргиліевыхъ похищеній заключается въ полустишіяхъ или цѣлыхъ стихахъ красоты достопримѣчательной, даже въ тѣхъ, кои взялъ онъ изъ старинныхъ стихотворцевъ, жившихъ во время Пунической войны, особливо изъ Эннія; но извѣстно также, что Виргилій въ томъ и не скрывается, поелику хвалился, что онъ *изъ Энніева навоза бралъ золото*. Пусть это *навозъ*: по оставшимся у насъ отрывкамъ изъ его сочиненій можно заключать, что онъ имѣлъ очень худой вкусъ въ слогѣ, и тѣмъ болѣе, что языкъ еще не былъ вычищенъ; но множество удачныхъ и самыхъ стихотворческихъ выраженій, коими снабдилъ онъ Виргилія, доказываетъ, что Энній имѣлъ истинное дарованіе, а наипаче зналъ согласіе въ

также спокойно оставляетъ ее, какъ скоро боги повелѣли ему оставить ее. Въ семъ видно великое благочестіе, но нѣтъ ничего драматическаго, и тотъ же Аристотель вразумляетъ насъ, что эпопея должна быть оживлена такими же сшрастями, какими трагедія, когда говоритъ, что бо́льшая часть правилъ, предписанныхъ для трагедіи, необходимо нужна и для эпопеи. Въ заключеніе сего скажемъ, что важное оное Аристотелево правило, совершенно доказано опытомъ, поелику два только героя въ эпопеѣ, у древнихъ и новѣйшихъ писателей почитаемые

звукоподражаніи, и оправдываетъ то уваженіе, какое изъявилъ къ нему великій Сципіонъ, знатокъ толико просвѣщенный, что въ Энніѣ нравился ему не одинъ только пѣвецъ его подвиговъ.

Виргилій не скрывалъ также, что онъ подражалъ Ѳеокриту въ Эклогахъ, а Гезіоду въ Георгикахъ: таковое уваженіе къ симъ образцамъ изъявляетъ онъ самъ въ сихъ же самыхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ далеко превзошелъ ихъ, а наипаче Гезіода. Но не всякому извѣстно, что вторая пѣснь Энеиды, всѣми вообще весьма похваляемая, сія важная картина сосженія и разграбленія Трои, есть списокъ почти слово въ слово, по выраженію Макробія (*penè ad verbum*) изъ сочиненій Греческаго стихотворца Пизандра, написавшаго въ стихахъ какое то собраніе баснословныхъ повѣстей. Макробій объ ономъ спискѣ говоришъ какъ о дѣлѣ извѣстномъ всѣмъ, даже и дѣтямъ, и о семъ Пизандрѣ какъ о первостепенномъ у Грековъ стихотвор-

въ выборѣ лучшими и въ изображеніи выразительнѣйшими, составляютъ два свойства страстныя и трагическія, Ахиллесъ въ Иліадѣ, и Ренальдъ въ Освобожденномъ Іерусалимѣ. Сей послѣдній есть даже отъ части списокъ съ перваго: онъ такъ же блистателенъ, величественъ и пылокъ. — Съ такими то качествами люди нужны намъ въ поэзіи; они вездѣ и прославались: а свойство Энеево не болѣе имѣло успѣха на театрѣ, сколько и въ Эпопеѣ.

Всѣ согласны въ томъ, что разположеніе первыхъ шести пѣсней Энеиды почти

цѣ. Есть причина думать, не ему ли принадлежитъ подлинникъ взятія Трои, и не льзя сомнѣваться въ такомъ дѣлѣ, которое утверждаетъ Макробій. Въ семъ случаѣ потерю Пизандровыхъ сочиненій должно считать въ числѣ великаго множества другихъ утраченныхъ произведеній, возбуждающихъ сожалѣніе безполезное.

Надобно замѣтить, что такіе стихотворцы, каковы Виргилій и Волтеръ, оба равно позволили себѣ обогащаться великимъ множествомъ прекрасныхъ стиховъ, намъ извѣстныхъ: имъ потому только простительно было похищать чужое, что собственное свое имѣли богатство чрезвычайное.

Le Parnaſse eſt comme le monde :
On n'y permet qu'aux riches de voler.

Какъ въ мірѣ, такъ и на Парнассѣ
Богатымъ только вольно красть.

таково, каково оно и быть могло; но только послѣ важнаго дѣйствія въ четвертой пѣсни, содержащей въ себѣ любовь Дидоны, описанїе игръ, наполняющее пятую пѣснь, сколь оно само по себѣ ни прекрасно, можетъ быть, такъ неумѣстно, что охлаждаетъ нѣсколько читателя, который однакожъ награждается за то въ слѣдующей пѣсни, заключающей въ себѣ сошествіе во адъ Энея. Но всѣми вообще охуждается расположеніе шести послѣднихъ пѣсней: въ нихъ то и ожидаютъ читатели важнѣйшихъ дѣйствій, по тому правилу, что все должно возрастать или увеличиваться, какъ Гомеръ и исполнилъ сіе лучшимъ образомъ въ Иліадѣ, а Виргилій по несчастію сдѣлался ниже какъ самаго себя, такъ и образца своего. Основаніе государства, которое должно быть колыбелію Рима; юная царевна, которой чужеземецъ, предреченный прорицалищами, не хотѣлъ уступить государю, долженствовавшему на ней жениться; раздѣленіе различныхъ Италійскихъ народовъ между двумя соперниками, все сіе, кажется, обѣщало разнообразность въ дѣйствованіи, въ чувствованіяхъ, въ положеніяхъ, и привлекательность произшествій. Вмѣсто всего того, чего надлежало бы надѣяться отъ такого важнаго предмета, что мы находимъ? Нѣкоего царя Латина, который въ землѣ своей не владыка и волею своею управлять не умѣетъ; который, послѣ весьма благосклоннаго приема, оказаннаго имъ Троянамъ, не препятствуетъ царицѣ *Лаціи* и *Турну* вступить съ ними въ войну, а самъ за-

благоразсудилъ запереться въ своихъ чертогахъ, дабы ни во что не мѣшаться; нѣкую *Лавинію,* о которой едва упоминается, особу незначущую и безгласную, хотя именно за нее происходитъ сраженіе; сію царицу Амату, которая послѣ пораженія Латиновъ повѣсилась на перекладинѣ въ своихъ чертогахъ; и наконецъ Турна убитаго Энеемъ, хотя и не возможно принять участія ни въ побѣдѣ одного, ни въ смерти другаго. Вотъ содержаніе шести послѣднихъ пѣсней; а изъ сего слѣдуетъ, что въ изобрѣтеніи, свойствахъ и разположеніи подражатель Гомера очень далеко отъ него отсталъ.

Что принадлежитъ до сраженій въ Энеидѣ, онъ только сократилъ и, такъ сказать, сжалъ сраженія описанныя Гомеромъ, котораго почти вездѣ переводилъ. Въ Виргиліѣ меньше плодовитости, но за то меньше и огня. Сверьхъ того онъ имѣетъ одну примѣтную невыгоду, заключающуюся въ свойствѣ самаго содержанія. Троянская война есть толь важное произшествіе въ исторіи міра, коего и до нынѣ еще составляетъ она одно изъ главнѣйшихъ произшествій, что всѣ, которые на оной отличились, остаются въ памяти человѣковъ; слава содѣлала имена ихъ священными; имена сіи преносились изъ устъ въ уста по цѣлому свѣту и, такъ сказать, ознакомилися съ воображеніемъ. Ничто такъ не способствуетъ стихотворцу, какъ тѣ имена, съ коими сопряжена важность обстоятельствъ, а нѣкоторая

часть оныхъ и наполняетъ первыя шесть пѣсней Энеиды, содержащихъ въ себѣ имена и дѣянія, преданныя Гомеромъ безсмертію. Но въ седьмой пѣсни Виргилій ведетъ насъ въ какой то совсѣмъ новый міръ, и показываетъ намъ совсѣмъ неизвѣстныя дѣйствующія лица, съ коими даже, слѣдуя сдѣланному имъ начертанію, никакъ не могъ познакомить читателя; а изъ сего и открывается великая разность въ представленіи на зрѣлищѣ Аякса, Гектора, Улисса и Діомида, или Мессапа, Уфена, Тархона и Мицена. Извѣстно, что Виргилій хотѣлъ угодить однимъ сказкою о ихъ произхожденіи, другому сугубымъ сходствомъ, которое полагаетъ онъ между Августомъ и Энеемъ, сими обоими основателями и законодателями. Но не менѣе справедливо, что Гомеръ воспѣвая осаду Трои, взялъ для содержанія своей поэмы такое произшествіе, которое почиталось тогда знаменитѣйшимъ въ свѣтѣ; а Виргилій, желая содѣлать знаменитымъ произхожденіе Рима, какъ онъ возвѣщаетъ сіе въ начальныхъ стихахъ, принужденъ былъ зайти въ глубочайшую древность Италіи, столь же неизвѣстную, сколь знамениты были древности Греціи. Примѣтно все, чего такою противуположностію долженъ былъ лишиться Виргилій; а по сему герои Гомеровы суть герои всѣхъ народовъ и всѣхъ театровъ; мы уже привыкли видѣть ихъ въ дѣйствіи съ богами, и они не кажутся намъ недостойными такого сообщества. Битвы въ Иліадѣ представляютъ

намъ зрѣлище величественнѣйшее; мы воображаемъ, что видимъ въ сраженіи Европу и Азію; но въ сравненіи съ оными битвы въ Энеидѣ кажутся сшибками небольшаго числа поселенцовъ незнаемыхъ. Виргилій по крайней мѣрѣ хотѣлъ содѣлать нѣсколько привлекательными Палладія сына Эвандрова, Лавза сына Миценова, Камиллу царицу Вольсковъ; но сія маловременная и скороводная привлекательность, приданная лицамъ, видимымъ на одну только минуту, не можетъ замѣнить той главной привлекательности, которая должна оживлять и двигать весь составъ эпопеи.

Вотъ какъ потомство, наблюдающее строгую справедливость, кажется, судитъ о томъ, чего не достаетъ въ Энеидѣ; но не взирая на всѣ ея недостатки, довольно и того достоинства, которое остается при Виргиліѣ, къ убѣжденію, что онъ справедливо названъ въ свой вѣкъ отцемъ Латинскихъ стихотворцевъ и заслужилъ отъ всѣхъ удивленіе. Вторая, четвертая и шестая пѣсни суть три весьма важныя части поэмы, опъ всѣхъ вообще почитаемыя за совершенныя, которымъ подобныхъ не произвела эпопея ни у какого народа. Особливо пѣснь, содержащая въ себѣ любовь Дидоны, принадлежитъ совершенно сочинителю; она безпримѣрна и въ своемъ родѣ единственна во всей древности. Сіи три удивительныя пѣсни, и нѣсколько введеній о Низѣ и Эзріалѣ, о Какусѣ, о по-

гребеніи Палладія и щитѣ Энеевомъ, суть превозходныя произведенія искуства изображать и возхищать стихами; вообще свойство Виргилія видно въ непрерывномъ совершенствѣ слога, который у него таковъ, что человѣку не возможно, кажется, быть еще въ ономъ совершеннѣе. Слогъ его и плѣняетъ и лишаетъ надежды сравниться въ ономъ всѣхъ тѣхъ, которые любятъ стихотворство и въ немъ упражняются. И-такъ, ежели Виргилій не сравнился съ Гомеромъ въ изобрѣтеніи, изобиліи и купности сочиненія, то превозшелъ его чрезвычайною красотою въ нѣкоторыхъ частяхъ и отличнымъ своимъ вкусомъ во всѣхъ подробностяхъ (*). Не станемъ жаловаться на то, чшо природа никогда не даетъ всего одному; подивимся паче чудесному разнообразію въ дарахъ ея, сему неизчерпаемсму

(*) Аббатъ Трублетъ сдѣлалъ между Виргиліемъ и Гомеромъ сравненіе, въ которомъ есть мысли вѣрныя и тонкія, но много также мѣлкихъ и пустыхъ примѣчаній по причинѣ крайней въ нихъ тонкости, и много ложныхъ умствованій; напримѣръ слѣдующее: „Энеида „лучше Иліады... Виргилій превзошелъ Гоме„ра въ намѣреніи и разположеніи.„ Такое заключеніе совсѣмъ неосновательно. Поэма, въ совокупности которой не достаетъ изобрѣтенія и силы, и которой послѣднія шесть пѣсней, низшія гораздо первыхъ, написаны противъ существеннаго правила о усиленіи дѣйствія, вѣрно не лучше Иліады, которая, не взирая на длинныя въ ней описанія и раз-

изобилію, которое высокому разуму обѣщаетъ всегда новую пищу, славѣ новыя права, людямъ новыя удовольствія.

Силій Италикъ, бывшій консуломъ въ послѣдній годъ царствованія Нерона, и умершій въ правленіе Траяна, подражалъ Виргилію, такъ какъ Дюше и Лафоссъ подражали

сказы, разположена гораздо лучше, потому что она все идетъ къ своей цѣли, и съ равнымъ жаромъ продолжается до самаго конца, такъ что дѣйствіе становится еще привлекательнѣе при окончаніи, нежели при началѣ оной. Изъ сего слѣдуетъ, что Гомеръ, какъ я сказалъ уже, превозходитъ его совокупностію поэмы, а Виргилій совершенствомъ въ нѣкоторыхъ частяхъ. Что принадлежитъ до сказаннаго Трублетомъ: „Виргилій пожелалъ быть „стихотворцемъ, и могъ до сего достигнуть: „Гомеръ не могъ бы никакъ не быть стихотворцемъ:„ это самое вздорное противуположеніе, и въ сужденіи семъ нѣтъ смысла. Будто можно сдѣлаться стихотворцемъ, какъ Виргилій, потому только, что *сего пожелаешь*: такимъ стихотворцемъ можно быть только по склонности, внушенной отъ природы. Добрый аббатъ Трублетъ съ ляшкомъ уважалъ пріятеля своего Ламотта, когда приписалъ такую силу *желанію* сдѣлаться стихотворцемъ. Правда, Ламоттъ *желалъ* быть стихотворцемъ; но успѣлъ только сдѣлаться весьма посредственнымъ стихослагателемъ; онъ произвелъ то, что можно произвести съ умомъ.

Расину. Онъ написалъ поэму не эпическую, а историческую, въ семьнадцати пѣсняхъ, которой содержаніе есть вторая Пуническая война. Онъ держится точно порядка и подробности произшествій отъ осады Сагунта до разбитія Аннибала и покоренія Карѳагена. Впрочемъ нѣтъ въ его поэмѣ ничего похожаго ни на изобрѣтеніе, ни на баснь, кромѣ того, что иногда безъ нужды и приличія вмѣшиваетъ Юнону съ закоснѣлою ненавистію ея къ потомкамъ Энеевымъ и ея любовію къ Карѳагену. Но какъ изъ всего того выходятъ одни только безполезные разсказы; то не взирая на присутствіе Юноны, нельзя не почесть сочиненія сего за вѣдомости въ стихахъ. Слогъ его почитается довольно чистымъ; но онъ слабъ и вездѣ посредственъ. Любители стихотворства замѣтили нѣсколько въ ономъ стиховъ достопамятныхъ; однакожъ самые лучшіе стихи взяты и составлены изъ прозы Тита Ливія. Силій имѣлъ два загородныхъ дома, одинъ изъ принадлежавшихъ Цицерону, а другой близъ Неаполя, гдѣ была гробница Виргиліева: домы сіи приобрѣсть было легче, нежели уподобиться тому либо другому.

Ѳиваида Стаціева, поэма въ двѣнадцати пѣсняхъ, содержаніе которой есть вражда Этеокла съ Полиникомъ, кончившаяся смертію обоихъ сихъ братьевъ, однимъ своимъ названіемъ показываетъ неудачный выборъ. Какое могутъ внушить соучастіе два злодѣя, преданные отцемъ ихъ проклятію, и злодѣ-

яніями своими и братоубійствомъ понесшіе на себѣ бремя того заслуженнаго ими проклятія? Стація по причинѣ надутости слога, однозвучія и худаго вкуса гораздо скучнѣе и тягостнѣе читать, нежели Силія Италика, хотя въ немъ болѣе жара, нежели въ семъ, и хотя вмѣсто всякаго Силіева вздора видны въ немъ нѣкоторыя искры ума. Лучшее мѣсто въ его поэмѣ есть сраженіе двухъ братьевъ, и предыдущее сему сраженію и послѣдующее за онымъ, изъ котораго состоитъ содержаніе одиннадцатой пѣсни. Я не говорю, что сочинитель перемѣнилъ тутъ надутый наборъ словъ; но онъ помѣстилъ нѣсколько выраженій сильныхъ и умилительныхъ. Впрочемъ Стацій при жизни своей наслаждался величайшею славою. Марціалъ увѣдомляетъ насъ, что весь городъ Римъ стекался его слушать, когда надлежало ему читать стихи свои предъ народомъ по тогдашнему обычаю, и чтеніе Ѳиваиды казалось для Римлянъ празднествомъ. Сіе довольно доказываетъ, какъ испорченъ былъ въ то время вкусъ. Онъ жилъ въ царствованіе Домитіана. Въ окончаніи поэмы обращаетъ онъ слово къ Музѣ своей, и совѣтуетъ не вступать ни въ какое соперничество *съ божественною Энеидою, но слѣдовать за нею издали, и лобызать слѣды ея.* Его Муза и повиновалась ему въ самой точности. Не взирая на то, онъ обѣщаетъ себѣ безсмертіе и надѣется, что потомство должно воздать ему почести. Но лучше бы онъ сдѣлалъ, естьлибъ довольствовался похва-

лами своего вѣка, не относясь къ сужденію нашего. Правда, поэма его дошла и до нашихъ дней, и время, истребившее множество писаній Тита Ливія, Тацита, Софокла, Еврипида, пощадило Ѳиваиду Стаціеву. Такимъ образомъ въ долговременное теченіе вѣковъ слѣпое счастіе извлекло негодныя сочиненія изъ праха, который покрываетъ и, можетъ быть, вѣчно покрывать будетъ множество произведеній превозходныхъ. Конечно не въ томъ состоитъ безсмертіе, обѣщаваемое музами; и что нужды, во всѣхъ ли вѣкахъ знали, что Стацій дурной былъ стихотворецъ? Сочиненія его извѣстны весьма немногимъ ученымъ людямъ, желающимъ имѣть точное понятіе о всемъ томъ, что намъ оставили древніе писатели.

Тожъ надобно сказать и о краснословѣ Клавдіанѣ, жившемъ въ правленіе дѣтей Ѳеодосія, и сочинившемъ нѣсколько стихотвореній сатирическихъ или героическихъ, которыхъ согласіе совершенно сходствуетъ со звукомъ колокола, безпрестанно повторяющаго одинакой звонъ. Нѣсколько однакожъ стиховъ его приводится въ примѣръ, между прочими начало изъ его поэмы на Руфина. Но вообще можно его включить въ число надутыхъ стихослагателей, кои къ несчастію безпрерывнымъ употребленіемъ красивыхъ словъ наводятъ скуку. О слогѣ его можно судить по началу его поэмы о похищеніи Прозерпины.

Inferni raptoris equos, ...
Коней адскаго хищника, и проч.

Увѣряю при томъ, что французское преложеніе хотя и сходно съ подлинникомъ, оно не выражаетъ всей его надутости. *Mon esprit surchargé m'ordonne de montrer dans mes chants audacieux les chevaux du raviſseur infernal, l'astre du jour souillé par le char de Pluton, et le lit tenebreux de la Junon souterrainé... Обремененный умъ мой повелѣваетъ мнѣ въ дерзостныхъ пѣсняхъ моихъ показать коней адскаго хищника, свѣтило дня, осквернение колесницею Плутона, и мрачное ложе подземной Юноны* и проч: Все прочее писано одинакимъ слогомъ; прочитавъ такой приступъ, надобно имѣть терпѣніе, чтобы продолжать далѣе.

Л У К А Н Ъ.

Несправедливо было бы поставлять Лукана въ числѣ писателей почти забвенныхъ. Въ немъ есть много ихъ недостатковъ; а въ нихъ нѣтъ никакихъ его красотъ. *Фарсальская битва* также не есть эпическая поэма, а повѣсть въ стихахъ; но сей писатель, при высокомъ дарованіи, украсилъ свое сочиненіе чертами сильными и величественными, избавившими его отъ забвенія.

Въ седьмыйнадесять вѣкъ одинъ писатель, еще болѣе надутый нежели онъ, преложилъ его во французскіе стихи. Ежели съ начала переводъ Бребёфа и прославилъ нѣсколько Лукана противъ воли Боало, сіе потому, что тогда столько же нравились стихи, сколько нынѣ кажутся они постылы, и когда хорошій вкусъ только что начáлъ появляться, высокопарный слогъ Гишпанскій былъ еще въ употребленіи. Но вскорѣ успѣхи въ словесныхъ наукахъ и превозходство хорошихъ образцовъ привели въ упадокъ Фарсальскую битву, *весьма любезную областнымъ жителямъ*, по словамъ Депрео, и не взирая на пристрастіе Корнеля и нѣсколько удачныхъ стиховъ Бребёфа, Луканъ остался какъ бы заточéнъ въ библіотекѣ ученыхъ людей. Въ наше время по чистому и сокращенному съ онаго переводу Г-на Мармонтеля сдѣлался онъ нѣсколь-

ко извѣстнѣе, но мало кто читалъ его, а напротивъ всякой читаетъ Тасса въ преложеніяхъ прозою самыхъ посредственныхъ. Какая сему была бы причина, какъ не та, что Тассъ привлекаетъ и плѣняетъ, а Луканъ причиняетъ тягость и скуку? Въ подлинникѣ читаютъ его нѣкоторые только словесники, хотя онъ и для нихъ весьма отяготителенъ.

Однакожъ онъ писалъ о важномъ предметѣ; въ поэмѣ его отъ времени до времени блистаютъ красоты поразительныя и необыкновенныя; иногда даже возносится онъ къ высокому. Почему же, когда безпрестанно читаютъ Виргилія, самые прилежные Латинисты не могутъ безъ великаго принужденія и тягости прочитать сряду одной пѣсни Лукановой? Какой поводъ къ размышленію для молодыхъ писателей, всегда легко обманывающихся всѣмъ тѣмъ, что показываетъ видъ величія, и воображающихъ, что при нѣкоторой пылкости воображенія и нѣсколькихъ прекрасныхъ мѣстахъ въ сочиненіи они во всемъ успѣли? Какимъ примѣромъ можно доказать имъ лучше, что при великомъ умѣ и дарованіи можно не имѣть искуства писать, которое есть плодъ природной склонности, усовершенствованной трудомъ и временемъ, и которая необходимо нужна тому, кто хочетъ, чтобъ его читали? Въ самомъ дѣлѣ почему мало читаютъ Лукана, хотя признаютъ въ немъ по нѣкоторымъ частямъ поэмы истинное достоинство? Потому что его

воображеніе, стремящееся всегда къ величественному, часто ошибается въ выборѣ, и сверьхъ сего не имѣетъ той гибкости, которая дѣлаетъ разнообразнымъ слогъ, звукъ и теченіе періодовъ, и краски предметовъ; потому что не достаетъ въ немъ того здраваго сужденія, которое отвергаетъ увеличеніе въ изображеніяхъ, напыщеніе въ мысляхъ, неправильность въ сравненіяхъ, худой выборъ, длинныя и излишнія подробности; потому что всѣ свои стихи сдѣлавъ на одинъ образецъ и настроивъ ихъ на одинъ ладъ, онъ кажется равно единообразенъ для ума и слуха. Изъ сего слѣдуетъ, что бо́льшая часть красотъ его помрачена множествомъ недостатковъ, и часто выведенный изъ терпѣнія читатель отказывается отъ труда искать ихъ, и отъ скуки ихъ дожидаться.

Постараемся истину сію сдѣлать ощутительною: увидимъ изъ одного мѣста поэмы, вѣрно переведеннаго, какъ Лукапъ описываетъ и разсказываетъ. Я перевелъ оное прозою; иначе не могъ бы я исполнить моего намѣренія; ибо одинъ только Бребёфъ въ состояніи былъ взять на себя трудъ перевести такое пустословіе, и часто даже напыщать болѣе надутость и растягивать длинноты Лукановы; но всякъ легко увидитъ изъ сего точнаго перевода, что надлежало бы изключить, и что оставить въ переводѣ стихами.

Я избралъ то время, когда Цезарь, проѣзжая изъ Эпира въ Италію на ладіи, пос-

тигнупъ былъ бурею, и произнесъ славное оное изреченіе, сказанное испугавшемуся кормчему: *чего ты боишся? ты везешь Цезаря и его счастіе.* Посмотримъ, какъ стихотворецъ описалъ сіе поразительное историческое произшествіе, и что онъ изъ него сдѣлалъ хорошаго.

La nuit avait suspendu les alarmes de la guerre, et amené les instans du repos pour ces malheureux soldats, qui du moins dans leur humble fortune ont un sommeil profond. Tout le camp était tranquille, et la sentinelle venait d'être relevée à la troisième veille. Cesar s'avance d'un pas inquiet, dans le vaste silence de la nuit: plein de ses projets téméraires, dignes à peine du dernier de ses soldats, il marche sans suite: sa fortune seule est avec lui. Il franchit les tentes des gardes endormis, et tout bas il se plaint de leur échapper si aisément. Il parcourt

Ночь прекратила военныя смятенія, и доставила нѣсколько часовъ отдохновенія симъ несчастнымъ воинамъ, которые въ низкомъ своемъ состояніи вкушаютъ по крайней мѣрѣ глубокій сонъ. Весь станъ былъ спокоенъ, и часовые смѣнились уже на третію стражу. Цезарь изходитъ изъ него безпокойными стопами во время повсемѣстнаго безмолвія нощи: исполненъ будучи безразсудныхъ своихъ предпріятій, едва ли достойныхъ и послѣдняго воина, онъ идетъ безъ сопровожденія; съ нимъ одно только его сча-

le rivage, et trouve une barque attachée par un cable à un rocher miné par le tems. Il apperçoit la demeure tranquille du pilote qui n'était pas éloignée; c'était une cabane formée d'un tissu de joncs et de roseaux; et que la barque renversée défendait du côté de la mer. César frappe à coups r doublés et ébranle la cabane. Amyclas se leve de son lit, qui n'était qu'un amas d'herbes: quel est le malheureux, dit il, que le naufrage a jetté près de ma demeure? quel est celui que la fortune oblige d'y chercher du secours? En disant ces mots, il se hâte de rallumer quelques étincelles de feu, et se prépare à ouvrir sans rien craindre. Il sait que les cabanes ne sont pas la proie de la guerre.

стіе. Проходитъ наметы спящихъ стражей, и внутренно скорбитъ о томъ, что такъ легко отъ нихъ ушелъ. Проходитъ по берегу, и находитъ ладію привязанную канатомъ къ скалѣ, подрытой временемъ. Усматриваетъ безмятежное жилище кормчаго, бывшее отъ оной не далеко, хижину, сплетенную изъ ситника и тростника, которую опрокинутая ладія защищала со стороны моря. Цезарь многократно ударяетъ въ хижину и потрясаетъ ее. Аминклъ встаетъ съ ложа своего, составленнаго изъ кучи травы: какой несчастный, говоритъ онъ, извергнутъ кораблекрушеніемъ близъ моего жилища? Кого принудило бѣдствіе искать здѣсь помощи? Сказавъ сіи сло-

O précieux avantage d'une pauvreté paisible! ô toit simple et champêtre! ô présent des dieux jusqu' ici méconnu! Quels murs, quels temples n'auraient pas tremblé, frappés par la main de César! la porte s'ouvre. Attends-toi, dit-il, à des récompenses que tu n'oserais espérer. Tu peux tout prétendre, si tu veux m'obéir et me transporter en Italie. Tu ne seras pas obligé de nourrir ta vieillesse du produit de ta barque et du travail de tes mains. Ne te refuse pas aux dieux qui veulent te prodiguer les richesses. Ainsi parlait César: couvert de l'habit d'un soldat, il ne pouvait perdre le ton d'un maître. Amyclas lui répond: Beaucoup de raisons m'empêcheraient de me confier cette nuit à la mer.

ва, засвѣчаетъ огонь, и готовится отворить хижину, ничего не опасаясь. Онъ знаетъ, что хижины не бываютъ корыстію войны. О неоцѣненная выгода мирнаго убожества! о простая сельскихъ жилищъ кровля! о даръ боговъ, донынѣ еще нечувствуемый! Какія стѣны, какіе храмы не потрясутся, будучи поражены рукою Цезаря! дверь отворяется. Ожидай отъ меня, вѣщаетъ онъ, всякихъ наградъ, какихъ ты не посмѣешь и надѣяться. Ты можешь требовать всего, естьли хочешь мнѣ повиноваться и перевезти меня въ Италію. Ты не будешь принужденъ питаться въ старости стяжаніемъ отъ лодіи твоей и трудомъ рукъ твоихъ. Не отвергни милости боговъ, хо-

Le soleil en se couchant était environné de nuages, ses rayons partagés semblaient appeller d'un côté le vent du midi, et de l'autre le vent du nord, et même au milieu de sa course, sa lumiere était faible, et pouvait être regardée d'un oeil fixe. La lune n'a point jetté une clarté brillante, son croissant n'était point net et serein; sa rougeur présageait un vent violent, et devenue pâle, elle se cachait tristement dans les nuages. Le gémissement des forêts, le bruit des flots qui battent le rivage, les dauphins qui s'en approchent ne m'annoncent rien d' heureux. J'ai remarqué avec inquiétude que le plongeon cherche le sable, que le héron n'ose élever dans l'air ses aîles mouillées, et que la corneille se plon-

тящихъ ущердить тебя богатствомъ. Тако вѣщалъ Цезарь: въ одеждѣ простаго воина не могъ онъ сокрыть важности повелителя. Амикълъ ему отвѣтствуетъ: многія причины препятствуютъ мнѣ ввѣриться въ сію ночь непостоянному морю. Солнце при закатѣ своемъ окружено было облаками, раздѣлившіеся лучи его, казалось, съ одной стороны призывали южный вѣтръ, а съ другой сѣверный, и даже въ самомъ его теченіи свѣтъ его казался слабъ, и можно было взирать на оный неподвижнымъ окомъ. Луна не издала яркаго блеска, рога ея не были чисты и ясны; багровостію своею предзнаменовала она сильный вѣтръ, а потомъ содѣлавшись блѣдною, съ прискорбіемъ со-

geant quelquefois dans l'eau, comme si elle se préparait à la pluie, rase les rivages d'un vol incertain. Mais si de grands intérêts l'exigent, j'oserai me mettre en mer, j'aborderai oú vous me l'ordonnez, ou bien le vent et les flots s'y opposeront. Il dit, et déliant la barque, il déploie la voile. A peine fut-elle agitée, que non-seulement les étoiles errantes parurent se disperser et tracer divers sillons; mais même celles qui sont immobiles semblerent s'ébranler. Une affreuse obscurité couvrait la surface des mers: on entendait bouillonner les vagues amoncelées et menaçantes, déjà maîtrisées par les vents, sans savoir encore auquel elles allaient obéir. Le pilote tremblant, dit à César: Vous voyez ce qu'an-

крылась въ облакахъ. Стонъ лѣсовъ, шумъ волнъ ударяющихъ въ берегъ, дельфины близъ его плавающіе ничего не предвѣщаютъ мнѣ счастливаго. Къ безпокойствію моему замѣтилъ я, что нырокъ ищетъ песчанаго мѣста, цапля не смѣетъ поднять на воздухъ мокрыхъ крылъ своихъ, и ворона морская погружаясь иногда въ воду, какъ будто бы она готовилась къ дождю, около береговъ непостоянный полетъ свой простираетъ. Но я отзажусь пуститься въ море, естьли того требуютъ важныя пользы, пристану тамъ, гдѣ ты повелишь, развѣ волны и вѣтры насъ туда не допустятъ. Сказалъ, и отрѣшивъ ладію, разпускаетъ парусъ. Едва она двинулась, какъ вдругъ не толь-

noncent les menaces de la mer. Je ne sais si elle est agitée par le vent d'orient ou d occident, mais ma barque est battue de tous les côtés; le ciel et les nuages semblent en proie au vent du midi; si j'en crois le bruit des flots, ils sont poussés par le vent du nord. Nous n'avons aucun espoir d'aborder aujourd hui en Italie, ni même d'y être poussés par le naufrage. Le seul moyen de salut qui nous reste, c'est de renoncer à notre dessein, et de retourner sur nos pas. Regagnons le rivage, de peur que bientôt il ne soit trop loin de nous.

ко блудящїя звѣзды показались разсѣявающимися и стремящимися по разнымъ путямъ, но и неподвижныя колеблющимися. Ужасная тьма покрыла море; слышно стало кипѣнїе умножающихся и грозящихъ стремленїемъ волнъ, коими властвовали уже вѣтры, хотя не извѣстно еще было, которому изъ нихъ готовились онѣ повиноваться. Трепещущїй кормчїй говоритъ Цезарю: ты видишь, что предвѣщаетъ сїе прещенїе моря. Я не знаю, восточнымъ или западнымъ возмущается оно вѣтромъ, но ладїю мою со всѣхъ сторонъ порываетъ; небо и облака, кажется, шерзаетъ южный вѣтръ; по шуму волнъ думаю, что ихъ гонитъ сѣверный вѣтръ. Нѣтъ намъ никакой надежды при-

César se croyant au-dessus de tous les perils, comme il était au-dessus de toutes les craintes, repond au nautonnier: Ne crains point le courroux des flots; abandonne ta voile au vent furieux. Si les astres défendent de voguer vers l'Italie, vogue sous mes auspices. Tu n'aurais aucun effroi, si tu connaissais celui que tu portes. Sache que les dieux ne m'abandonnent jamais, et que la fortune me sert mal, lors-qu'elle ne va pas

стать нынѣ въ Италїю, нижѐ занестись туда судокрушенїемъ. Къ спасенїю нашему осталось одно средство, отложить свое намѣренїе, и обратиться вспять. Возвратимся къ берегу, дабы вскорѣ отъ него совсѣмъ не удалиться.

Цезарь поставляя себя превыше всякой опасности, такъ какъ онъ былъ превыше всякаго страха, отвѣтствуетъ кормчему: Не бойся ярости волнъ, отдай парусъ на произволъ свирѣпствующаго вѣтра. Ежели тебѣ плыть въ Италїю запрещаютъ свѣтила, плыви подъ моимъ руководствомъ. Ты ничего бы не устрашился, естьлибъ зналъ, кого ты везешь. Вѣдай, что боги никогда меня не оставляютъ, и что счастїе мнѣ слу-

au-devant de mes voeux. Avance au travers des tempêtes, et ne crains rien sous ma sauvegarde. Cette tourmente qui menace les cieux et les mers, ne menace point la barque où je suis: elle porte César, et César la garantit de tous les périls. La fureur des vents ne tardera pas à se ralentir. Ce navire rendra le calme à la mer. Ne te détourne point de ton chemin; évite les côtes les plus prochaines, et sache que tu arriveras au port de Brindes, lors-qu'il n'y aura plus pour nous d'autre espoir de salut que d'y arriver. Tu ignores ce qu'apprête tout ce grand bruit: si la fortune ébranle le ciel et les mers, c'est qu'elle cherche à me servir. Comme il parlait encore, un coup de vent vint frapper

жить худо, когда не предупреждаетъ моихъ желаній. Слѣдуй сквозь бури, и небойся ничего подъ моимъ охраненіемъ. Буря сія, грозящая небесамъ и морю, не страшна для ладіи, въ которой я сижу: она везетъ Цезаря, а Цезарь охраняетъ ее отъ всѣхъ опасностей. Свирѣпые вѣтры вскорѣ укротятся. Судно сіе возвратитъ тишину морю. Не совращайся съ пути твоего; уклоняйся отъ ближайшихъ береговъ, и знай, что ты прибудешь къ Брундузской пристани, когда нѣтъ для насъ другой надежды къ спасенію, кромѣ одного туда прибытія. Ты не знаешь, къ чему клонится все сіе великое смятеніе: ежели счастіе колеблетъ небо и моря, сіе значитъ, что оно старается мнѣ помогать.

le navire, brisa les cordages et fit voler les voiles au-dessus du mât ébranlé. La barque retentit de cette violente secousse, et bientôt tous les orages réunis viennent fondre sur elle des bouts de l'univers. Le vent du couchant leve le premier sa tête de l'ocean atlantique, et entasse les flots les uns sur les autres comme un amas de rochers. Le froid Borée court à sa rencontre et repousse la mer, qui longtems suspendue, ne sait de quel côté retomber. Mais la fureur de l'aquilon l'emporta: il fit tournoyer les flots, et les sables découverts parurent former des gués. Borée ne pousse point les flots contre les rochers; il les brise contre ceux qu'entraîne son rival, et la mer soulevée pourrait

Цезарь вѣщалъ еще, какъ вдругъ сильный вѣтръ ударилъ въ судно, разорвалъ снасти и возвѣялъ паруси въ верьху поврежденной щеглы. Ладія отъ сего жестокаго попрясенія затрещала, и вскорѣ всѣ бури соединясь, устремились на нее отъ концевъ вселенныя. Западный вѣтръ первый подъемлетъ главу свою изъ Аплантическаго океана, и напираетъ волны одинъ на другія подобно громадѣ горъ. Хладный Борей стремится ему навстрѣчу, отражаетъ море, которое остановясь на долго, не знаетъ, въ которую склониться сторону. Но яростный Аквилонъ превозмогъ: закрутилъ волны, и изъ вскрывшагося песка, казалось, сдѣлалася мѣль. Борей не къ скаламъ гонитъ волны; онъ сокрушаетъ ихъ о тѣ

combattre contre elle-même sans le secours des vents. Celui d'orient ne demeure pas oisif, et celui du midi, surchargé de nuages, ne reste pas dans les antres d'Eole; chacun d'eux soufflant avec violence du côté qu'il défendait, la mer se contint dans ses limites, au lieu que les tempêtes mêlent le plus souvent les flots de différentes mers, tels que ceux de la mer Egée et de la mer Toscane, ceux de la mer Jonienne et du golfe Adriatique. Combien de fois ce jour vit les montagnes couvertes de flots! Combien de hauteurs parurent s'abîmer dans la mer! Toutes les eaux du monde abandonnent leurs rivages. L'océan lui-même, si rempli de monstres, et qui entoure ce globe, semblait se confondre dans une

валы, кои мчитъ его соперникъ, и возколебавшееся море могло бы сражаться само съ собою безъ помощи вѣтровъ. Восточный вѣтръ не праздънъ пребываетъ, и южный обремененный облаками, не остается въ пещерахъ Эола; когда каждый изъ нихъ подулъ сильно отъ защищаемой имъ страны, то море удерживалось въ предѣлахъ своихъ; но буря непрерывно мѣшала волны различныхъ морей, какъ то волны моря Эгейскаго и моря Тосканскаго, волны моря Іонїйскаго и залива Адрїатическаго. Коликократно въ сей день горы покрывались волнами! Сколько высотъ изчезало въ безднѣ морской! всѣ воды въ свѣтѣ оставили берега свои. Самый Океанъ, наполненный чудовищами и

seule mer. Ainsi jadis le roi de l'Olympe seconda du trident de son frere ses foudres fatigués, et la terre parut réunie au partage de Neptune, lorsqu'il l'inonda de ses eaux, et qu'il ne voulut d'autre rivage que la hauteur de cieux. De même en ce jour, la mer se serait élevée jusqu aux astres, si Jupiter ne l'eût accablée du poids des nuages. Ce n'était point une nuit ordinaire qui se répandît sur le monde: les ténebres livides et affreuses couvraient profondément les eaux et le ciel. L'air était affaissé sous les eaux, et les flots allaient se grossir dans les airs. La lueur effrayante des éclairs s'éteignait dans cette nuit et ne jettait qu'un sillon obscur. La demeure des dieux est ebranlée, l'axe du monde retenti,

простирающїйся вокругъ сего шара, казалось, смѣсился въ единое море. Какъ нѣкогда царь Олимпа вспомоществовалъ шрезубцемъ брата своего умомленнымъ перунамъ, а земля, казалось, присоединилась къ удѣлу Нептуна, когда онъ покрылъ ее своими водами, и не хотѣлъ имѣть другаго берега, кромѣ высоты небесной: тако въ сей день море вознеслось бы до небесъ, естьли бы Юпишеръ не обременилъ его тяжестїю облаковъ. Нощь сїя не была нощь обыкновенная, распростирающаяся по вселенной: багровый и ужасный мракъ отвсюду покрывалъ воды и небо. Воздухъ подавляемъ былъ сильнымъ дождемъ, и волны увеличивались на воздухѣ. Спрашное сверканїе молнїи въ сїю нощь

les pôles chancellent, et la nature craignit le chaos. Les élémens semblent avoir rompu les liens qui les unissaient, et tout prêts à ramener la nuit éternelle qui confond les cieux et les enfers. S'il reste aux humains quelque espoir de salut, c'est parce qu'ils voient que le monde n'est pas encore brisé par ces secousses terribles. Les nochers tremblans, élevés sur la cime des vagues, regardent les abîmes de la mer d'aussi haut qu'on la découvre des sommets de Leucate; et lorsque les flots viennent à se rouvrir, à peine le mât du navire paraît-il au-dessus d'eux: tantôt ses voiles touchent aux nues, tantôt sa quille touche à la terre. La mer est d'un côté abaissée jusqu'aux sables, de l'autre elle est amon-

погасло и токмо темное бросало мерцанïе. Жилище боговъ потряслося, ось мïра затрещала, полюсы поколебались, и природа страшилась превратиться въ хаосъ. Стихïи, кажется, разторгли соединявшïе ихъ узы, и все являло возвращенïе вѣчной нощи, смѣшенïе небесъ съ преизподнею. Ежели осталась нѣкая слабымъ смертнымъ надежда ко спасенïю, такъ только та, что они не зрятъ еще сокрушенïя мïра отъ сихъ ужасныхъ потрясенïй. Трепещущïе пловцы, подъемлемые на хребты волнъ, видятъ бездны морскïя съ такой высоты, какъ оное видимо съ вершинъ Левкадскихъ; и когда волны раздвигнутся, то щегла едва поверьхъ ихъ является; то паруси судна касаются облаковъ, то дно его

celée et paraît toute entiere dans les vagues. La crainte confond toutes les ressources de l'art, et le pilote ne sait à quels flots il doit céder et quels il doit repousser. L'opposition des vents le sauva: les vagues luttant avec une force égale, soutinrent le navire; et repoussé toujours du côté où il tombait, il est balancé sous l'effort des vents. Le nautonnier ne craignait pas d'être jetté vers l'île de Sason entourée de gués, ni sur les côtes de Thessalie hérissée de rochers, ni dans le détroit redouté d'Ambracie; il ne craignait que d'aller heurter les monts Ceraunіens.

касается земли. Море съ одной стороны убыло такъ, что открылся песокъ, съ другой оно собралось въ громады и все казалося въ волнахъ. Страхъ всякое пособіе искуства дѣлаетъ тщетнымъ, и кормчій не знаетъ, какимъ волнамъ долженъ уступить, и какимъ возпротивиться. Противуборство вѣтровъ спасло его: волны сражаясь между собою съ равною силою, поддержали судно; оно будучи всегда отражаемо съ той стороны, въ которую склонялось, силою вѣтровъ оставалось въ равновѣсіи. Кормчій не боялся, что будетъ занесенъ къ острову Сазону, мѣлями окруженному, ни къ берегамъ Θессалійскимъ, скалами усыпаннымъ; онъ опасался токмо, чтобъ не прибило его къ го-

рамъ Керавнїйскимъ (Эпирскимъ).

César crut avoir trouvé des périls dignes de son destin. C'est donc, se dit-il à lui-même, un grand effort pour les dieux détruire César, puisqu'assis dans une frêle nacelle, ils m'attaquent avec la mer et les tempêtes! Si la gloire de ma perte est réservée à Neptune, si on me refuse de mourir dans un champ de bataille, ô dieux! je recevrai sans crainte le trépas que vous voudrez me donner. Quoique la parque, en précipitant ma dernière heure, m'enleve aux plus grands exploits, j'ai cependant assez vécu pour ma gloire. J'ai dompté les nations du nord; j'ai vaincu Rome par le seul effroi de mon nom: Rome a vu Pompée au-dessous de moi. Ses citoyens

Цезарь вообразилъ, что онъ нашелъ опасности достойныя его участи. И такъ видно изъ сего, говоритъ онъ самъ себѣ, великое усилїе боговъ изтребить Цезаря, поелику на меня сѣдящаго въ бренной ладїѣ подъемяютъ они море и бури! Ежели слава погубить меня предоставлена Нептуну, ежели не суждено мнѣ умереть на полѣ сраженїя, о боги! безъ страха приму я смерть, какую вы мнѣ опредѣлите. Пусть Парка, ускоряя послѣднїй мой часъ, похититъ меня среди величайшихъ моихъ подвиговъ; я довольно жилъ для моея славы. Я укротилъ Сѣверные народы; я побѣдилъ Римъ однимъ страхомъ моего имени. Римъ видѣлъ, что

obéissans m'ont donné les faisceaux qu' ils m'avaient refusés pendant que je combattais pour la patrie: tous les titres de la puissance romaine m'ont été prodigués. Que tous les humains ignorent, hors toi seule, ô fortune, confidente de tous mes voeux, que César, quoique Consul et dictateur, meurt trop tôt; puisqu'il n'est pas encore maître du monde. Je n'ai pas besoin de funérailles. O dieux! laissez dans les flots mon cadavre défiguré. Je ne demande ni tombeau ni bûcher, pourvu que de tous les côtés de l'univers on attende César en tremblant. A peine avait-il dit ces mots, qu' une vague énorme enleva la barque sans la renverser; et la porta sur un rivage où il n'y avait ni écueils ni rochers.

Помпей ни́же меня. Его покорные граждане отдали мнѣ повелительные пуки, вѣ которыхъ они мнѣ отказали, когда я сражался за отечество: всѣ права Римской власти вручены мнѣ. Да никто изъ смертныхъ, кромѣ тебя единаго, о Счастїе, коему открыты всѣ мои желанїя, не увѣдаетъ, что Цезарь, хотя уже есть консулъ и диктаторъ, умираетъ очень рано, поелику не содѣлался еще обладателемъ мїра. Я не имѣю нужды въ погребенїи. Боги! оставте въ волнахъ обезображенный трупъ мой. Не требую ни костра, ни гробницы, только бы во всѣхъ странахъ вселенныя со страхомъ ожидали Цезаря. Едва онъ произнесъ слова сїи, какъ вдругъ огромный валъ возхитилъ ладїю, не опро-

Tant de grandeurs, tant de royaumes, sa fortune enfin, tout lui fut rendu en touchant la terre (*).

кинувъ ея, и примчалъ къ берегу, у коего не было ни-подводныхъ камней, ни скалъ. Величіе многихъ подвиговъ, множество царствъ, наконецъ его счастіе, все возвращено ему, коль скоро коснулся онъ земли (*).

(*) Хотя Г-ну Лагарпу очень можно повѣрить, что сей переводъ его изъ Лукана вѣренъ; однакожъ по причинѣ разности въ свойствахъ языковъ не льзя полагать точно, чтобъ нѣкоторыя выраженія на Латинскомъ имѣли одинакое знаменованіе на Французскомъ языкѣ; изъ нихъ одинѣ могутъ быть или сильнѣе, или слабѣе другихъ. Знающіе Лат: языкъ и любящіе изъ сличенія перевода съ подлинникомъ разбирать ихъ достойнства и судить объ оныхъ, безъ сомнѣнія захотятъ прочитать и Латинское описаніе Луканово бури во время переѣзда Цезаря изъ Эпира въ Италію. -Для того оно здѣсь и предлагается съ переводомъ Рускимъ, въ коемъ, сколько можно было, удержаны знаменованія Лат: выраженій.

Soluérat armorum fessas nox languida curas:
Parta quies miseris, in quorum pectora somno
Dat vires fortuna minor: iam castra silebant:
Tertia iam vigiles commouerat hora secundos,
Caesar sollicito per vasta silentia gressu
Vix famulis audenda parat: cunctisque relictis,
Sola placet Fortuna comes. Tentoria postquam
Egressus, vigilum somno cedentia membra
Transsiluit, questus tacite quod fallere posset;
Litora curua legit, primisque inuenit in vndis
Rupibus exesis haerentem fune carinam.
Rectorem, dominumque ratis secura tenebat
Haud procul inde domus, non vllo robore fulta,
Sed sterili iunco, cannaque intexta palustri,
Et latus inuersa nudum munita phaselo.
Haec Caesar bis terque manu quassantia tectum
Limina commouit: molli quum surgit Amyclas,
Quem dabat alga, toro. „Quis nam mea naufragus, inquit,
Tecta petit? aut quem nostrae Fortuna coegit
Auxilium sperare casae?“ sic fatus, ab alto
Aggere, iam tenuidae sublato fune fauillae,
Scintillam tenuem commotos pauit in ignes:
Securus belli: praedam ciuilibus armis
Scit non esse casas. O vitae tuta facultas
Pauperis angustique laris! o munera nondum
Intellecta deum! quibus hoc contingere templis,
Aut potuit muris, nullo trepidare tumultu
Caesarea pulsante manu? tum poste reclusa,
Dux ait: „Exspecta votis maiora modestis,
Spesque tuas laxa, iuuenis: si iussa secutus
Me vehis Hesperiam, non vltra cuncta carinae
Debebis, manibusue inopem duxisse senectam.
Ne cessa praebere deo tua fata volenti
Augustos opibus subitis implere Penates.„
Sic fatur, quamquam plebeio tectus amictu,
Indocilis priuáta loqu. Tum pauper Amyclas:
„Multa quidem prohibent nocturno credere ponto.
Nam sol non rutilas deduxit in aequora nubes,
Concordesque tulit radios: Noton altera Phoebi,
Altera pars Borean diducta luce vocabat.
Orbe quoque exhaustus medio, languensque recessit,
Spectantes oculos infirmo lumine passus
Lunaque non gracili surrexit lucida cornu,
Aut orbis medii puros exesa recessus:

Nec dnxit recto tenuata cacumina cornu,
Ventorumque notam rubuit: tum lurida pallens
Ora tulit, vultu sub nubem tristis itura.
Sed mihi nec motus nemorum, nec litoris ictus,
Nec placet incertus, qui prouocat aequora, Delphin.
Aut ficcum quod mergus amat: quodque ausa volare
Ardea sublimis pennae confisa natanti:
Quodque caput spargens vndis, velut occupet imbrem,
Instabili gressu metitur litora cornix.
Sed si magnarum poscunt discrimina rerum,
Haud dubitem praebere manus: vel litora tangam
Iussa, vel hoc potius pelagus, statusque negabunt.„
Haec fatur, soluensque ratem dat carbasa ventis.
Ad quorum motus non solum lapsa per altum
Aera dispersos traxere cadentia sulcos
Sidera: sed summis etiam quae fixa tenentur
Astra polis, sunt visa quati. Niger inficit horror
Terga maris: longo per multa volumina tractu
Aestuat vnda minax, flatusque incerta futuri:
Turbida testantur conceptos aequora ventos.
Tunc rector trepidae fatur ratis. „Adspice saeuum
Quanta paret pelagus: Zephyros intendat, an Eturos,
Incertum est: puppim lubrus ferit vndique pontus,
Nubibus, et coelo Notus est: si murmura ponti
Consulimus, Cori verrent mare. Gurgite tanto,
Nec ratis Hesperias tanget, nec naufragus oras.
Desperare viam, et vetitos conuertere cursus
Sola salus. Liceat vexata litora puppe
Prendere, ne longe nimium fit proxima tellus.„
Fisus cuncta sibi cessura pericula Caesar,
„Sperne minas, inquit, pelagi, ventoque furenti
Trade sinus. Italiam si coelo auctore recusas,
Me pete. Sola tibi caussa est, ac iusta timoris,
Vectorem non nosse tuum, quem numina numquam
Destituunt, de quo male tunc Fortuna meretur,
Quum post vota venit. Medias perrumpe procellas
Tutela secure mea. Coeli iste fretique,
Non puppis nostrae labor est: hanc Caesare pressam
A fluctu defendet onus. Nec longa furori
Ventorum saeuo dabitur mora: proderit vndis
Ista ratis. Ne flecte manus: fuge proxima velis
Litora: tum Calabro portu te credo potitum,
Quum jam non poterit puppi, nostraeque saluti
Altera terra dari. Quid tanta strage paretur

Ignoras? quaerit pelagi, coelique tumultu
Quod praestet Fortuna mihi. „Non plura locuto
Aiulsit laceros, percussa puppe, rudentes
Turbo rapax, fragilemque super volitantia malum
Vela tulit: sonuit victis compagibus alnus.
Inde ruunt toto concita pericula mundo.
Primus ab Oceano caput exeris Atlanteo,
Core, mouens aestus: iam te tollente furebat
Pontus, et in scopulos totas erexerat iras.
Occurrit gelidus Boreas, pelagusque retundit:
Et dubium pendet, vento cui concidat, aequor.
Sed Scythici vicit rabies Aquilonis, et vndas
Torsit, et abstrusas penitus vada fecit arenas.
Nec perfert pontum Boreas ad saxa, suumque
In fluctus Cori frangit mare: motaque possunt
Aequora subductis etiam concurrere ventis.
Non Euri cessasse minas: non imbribus atrum
Aeolii iacuisse Noton sub carcere saxi
Crediderim: cunctos solita de parte ruentes
Defendisse suas violento turbine terras,
Sic pelagus mansisse loco. Nec parua procellis
Aequora rapta ferunt: Aegeas transit in vndas
Tyrrhenum, sonat Ionio vagus Hadria ponto.
A, quoties frustra pulsatos aequore montes
Obruit illa dies! quam celsa cacumina pessum
Tellus victa dedit! non illo litore surgunt
Tam validi fluctus, alioque ex orbe voluti
A magno venere mari, mundumque coercens
Monstriferos agit vnda sinus. Sic rector Olympi
Cuspide fraterna lassatum in saecula fulmen
Adiuuat, regnoque accessit terra secundo,
Quum mare conuoluit gentes, quum litora Tethys
Noluit vlla pati, coelo contenta teneri.
Nunc quoque tanta maris moles creuisset in astra,
Ni superum rector pressisset nubibus vndas.
Non coeli nox illa fuit: latet obsitus aer
Infernae squalore domus, nimbisque grauatus
Deprimitur fluctusque in nubibus accipit imbrem.
Lux etiam metuenda perit, nec fulgura currunt
Clara, sed obscurum nimbosus dissilit aer.
Tunc superum conuexa tremunt, atque arduus axis
Insonuit, motaque poli compage laborant.
Extimuit natura chaos: rupisse videntur
Concordes elementa moras, rursusque redire

Nox manes mixtura deis. Spes vna salutis,
Quod tanta mundi nondum periere ruina.
Quantus Leucadio placidus de vertice pontus
Despicitur; tantum nautae videre trementes
Fluctibus e summis praeceps mare: quumque tumentes
Rursus hiant vndae, vix eminet aequore malus.
Nubila tanguntur velis, et terra carina.
Nam pelagus, qua parte sedet, non celat arenas:
Exhaustum in cumulos, omnisque in fluctibns vnda est.
Artis opem vicere metus: nescitque magister
Quam frangat, cui cedat aquae. Discordia ponti
Succurrit miseris, fluctusque euertere puppim
Non valet in fluctus: victum latus vnda repellens
Erigit, atque omni surgit ratis ardua vento.
Non humilem Sasona vadis, non litora curuae
Thessaliae saxosa pauent, oraeque malignos
Ambraciae portus, scopulosa Ceraunia nautae
Summa timent. Credit iam digna pericula Caesar
Fatis esse suis. „Tantusne euertere, dixit,
Me superis labor est: parua quem puppe sedentem
Tam magno petiere mari? si gloria leti
Est pelago donata mei, bellisque negamur;
Intrepidus, quamcumque datis mihi numina, mortem
Accipiam. Licet ingentes abruperit actus
Festinata dies fatis: sat magna peregi.
Arctoas domui gentes: inimica subegi
Arma metu: vidit Magnum mihi Roma secundum.
Jussa plebe tuli fasces per bella negatos.
Nulla meis aberit titulis Romana potestas,
Nec sciet hoc quisquam, nisi tu, quae sola meorum
Conscia votorum es, me, quamvis plenus honorum
Et dictator eam Stygias, et consul ad vmbras,
Privatum, Fortuna, mori. Mihi funere nullo
Est opus, o superi: lacerum retinete cadauer
Fluctibus in mediis: desint mihi busta, rogusque,
Dum metuar semper, terraque expecter ab omni.„
Haec fatum decimus, dictu mirabile, fluctus
Inualida cum puppe leuat: nec rursus ab alto
Aggere deiecit pelagi, sed pertulit vnda,
Scruposisque angusta vacant vbi litora saxis,
Imposuit terrae. Pariter tot regna, tot vrbes
Fortunamque suam, tacta tellure, recepit.

Civilis belli liber V.

„Томная ночь прерва́ла изнурите́льные труды ратные; успокоились бѣдные воины, которымъ смиренный жребій даруетъ по крайней мѣрѣ сонъ, вливающій крѣпость во грудь ихъ; безмолвіе господствовало въ станѣ; уже́ вторая стража смѣнилась третьею: Цезарь при всеобщей тишинѣ идетъ, смятенными стопами исполнить то, на что едва ли бы отважился послѣдній рабъ; идетъ одинъ, сопровождаемый только счастіемъ. Выше́дъ изъ стана между тѣлами стражей, сномъ на землю поверженныхъ, негодовалъ онъ втайнѣ, что могъ такъ легко обмануть ихъ. Слѣдуетъ по излучистому берегу, и тотчасъ находитъ ладію, привязанную канатомъ къ изрытымъ скаламъ. Недале́ко оттолѣ, въ хижинѣ, не деревомъ крѣпкимъ поддерживаемой, но изъ слабаго камыша и тростника сплетенной, коея отверзтая сторона загражда́лась только обращенною ладіею, находился кормчій и хозяинъ судна. Цезарь два или три раза потрясъ сію слабую въ основаніи хижину. „Кто тамъ, сказалъ Амиклъ, вставъ „съ мягкой по́росповой своей постели? кого „понудило кораблекрушеніе прибѣгнуть подъ „кровъ мой, или кого судьба заставила „искать убѣжища въ шалашѣ моемъ?„ Сказавъ сіе, отрываетъ въ горячемъ пеплѣ угасавшую головню, и спѣшитъ развести огонь; онъ не спрашится войны, зная, что полевые шалаши не бываютъ добычею между усобныхъ браней. О безопасное состояніе бѣднаго! О спокойная участь тѣсной

хижины! О дары боговъ, доселѣ нами непонимаемые! Какой храмъ, или какія стѣны не могли попрястись отъ удара руки Цезаревой? — Когда входъ былъ отверзтъ, „ожидай, говоритъ Цезарь, награды пре„выше скромныхъ твоихъ желаній, и прос„при далѣе свою надежду, юноша: естьли, „слѣдуя велѣнію моему, отвезешь меня „въ Италію, то уже не будешь доставать „себѣ пропитанія отъ ладіи; не будешь въ „бѣдной старости изнурять себя трудами. „Не переставай поручать судьбу твою бо„гамъ, которые хотятъ, сверьхъ чаянія „твоего, наполнить тѣсную хижину твою „богатствомъ.« Такъ говорилъ Цезарь; онъ хотя былъ въ простомъ одѣяніи, но не могъ говорить какъ простый человѣкъ. Убогій Амиклъ ему отвѣтствовалъ: „Многія причины запрещаютъ ввѣриться „морю въ сію ночь; ибо солнце не свело съ „собою въ воды багряновидныхъ облаковъ; „лучи его при закатѣ были разсѣяны, и раз„дѣленнымъ сіяніемъ одна часть ихъ при„зывала южный вѣтръ, а другая сѣверный: „въ самомъ полудни оно казалось слабымъ и „[illegible]ающимъ; на него можно было смотрѣть „простыми глазами. Свѣтлая луна взошла „также не съ веселымъ челомъ, и съ самой „высоты не изливала чистаго блеска; видъ ея „былъ неправиленъ; багровость ея предвѣщала „бури: иногда блѣднѣя, съ печальнымъ лицемъ, „скрывалась она подъ облако. Я за худое также „предзнаменованіе считаю шумъ лѣсовъ, и „стонъ береговъ ударяемыхъ волнами, и за-

„бопливое въ водахъ ныряніе дельфина. Я за-
„мѣтилъ, что нырокъ ищетъ мѣлей; гордо
„и высоко летающая цапля не смѣетъ под-
„няться съ моря; морская ворона погру-
„жая иногда голову въ воду и тѣмъ какъ бы
„предваряя дождь, летаетъ туда и сюда по
„берегу. Но когда потребны опасности для
„произведенія великихъ дѣлъ, я рѣшусь на пре-
„длагаемое мнѣ, и достигну сказанныхъ бе-
„реговъ, естьли только самое море и вѣтры
„не возпрепятствуютъ. „ Сказалъ, и отвязавъ ладію, разпустилъ парусъ. Едва тронулись они съ мѣста, какъ вдругъ не только блуждающія звѣзды начали падать, разсѣкая воздухъ огненными чертами, но и неподвижныя свѣтила, утвержденныя въ выспреннихъ странахъ, показались колеблющимися. Смертный ужасъ простерся по всей поверхности моря; кипятъ страшные валы, одними вѣтрами воздымаемые, а другими удерживаемые. Тогда кормчій смятенной ладіи сказалъ Цезарю: „Видишь ли, какими бѣ-
„дами угрожаетъ свирѣпствующее море. Не
„извѣстно, восточный ли дуетъ вѣтръ или
„западный; ладія порѣвается во всѣ стороны;
„въ облакахъ свирѣпствуетъ южный вѣтръ,
„ревъ моря означаетъ сѣверный. При такомъ
„волненіи ладія не достигнетъ Италіи; самое
„крушеніе оной не принесетъ насъ къ берегу. О-
„ставимъ намѣреніе, возвратимся съ непозво-
„леннаго пути, вотъ одно спасеніе наше. Воз-
„вратимся къ берегу, пока еще недалеко
„находимся отъ земли.

Цезарь надѣясь, что для него пресѣкутся всѣ опасности, сказалъ Амиклу: „пре„зри угрозы моря, и оставь парусъ твой „на произволъ свирѣпствующаго вѣтра. Есть„ли не хочешь плыть въ Италію подъ покро„вительствомъ небесъ; то плыви подъ моимъ „руководствомъ. Ты потому только, да и спра„ведливо страшишся, что не знаешь, кого „везешь; его никогда не оставляютъ боги; „худо служитъ ему счастіе, когда не преду„преждаетъ его желаній. Плыви смѣло посреди „бурь подъ моимъ охраненіемъ. Сіе смяте„ніе произходитъ только въ небесахъ и мо„рѣ, но къ ладіи нашей не прикасается; она „везетъ Цезаря, Цезарь и защититъ ее отъ „волнъ. Не долго будутъ свирѣпствовать „жестокіе вѣтры; сіе судно возвратитъ мо„рю тишину. Не ослабѣвай; удаляйся отъ „ближайшихъ береговъ; ты войдешь въ Кала„брійскую пристань, естьли уже не назначе„но судьбою другой земли для спасенія судна „и насъ самихъ. Ты не знаешь, что озна„чаетъ сей мятежъ стихій? Счастіе возму„щеніемъ моря и небесъ вопрошаетъ, чего „я хочу отъ него требовать.“ Едва сказалъ онъ сіе, какъ жестокій вихрь ударилъ судно, разорвалъ и унесъ верви, и сорвалъ парусъ, развѣвавшійся на колеблемой щеглѣ; судно во всѣхъ составахъ своихъ затрещало, и тутъ устремились на него бури со всѣхъ странъ свѣта. Первый Западный вѣтръ возставъ отъ Атлантическаго Океана, началъ воздвигать волны; море свирѣпствовало и въ ярости воздымалось какъ горы.

Хладный Борей летитъ противу его и отражаетъ волны; море не знаетъ, кому повиноваться. Но ярость Скиѳскаго Аквилона превозмогла; онъ закрутилъ море, и покрытое водами дно поминутно превращалъ въ мѣли. Онъ не доноситъ волнъ до каменныхъ береговъ, но разбиваетъ ихъ объ волны Западнаго вѣтра и, кажется, что море безъ вѣтровъ могло сражаться само съ собою. Восточный вѣтръ не менѣе угрожалъ имъ, и Полуденный, отягченный дождями, не лежалъ въ пещерахъ свирѣпаго Эола; каждый изъ нихъ съ жестокостію защищалъ свою область, и море стояло въ своихъ предѣлахъ. При самомъ обуреваніи моря смѣшались между собою; Егейское прешло въ Тосканское, и Адріатическое шумѣло въ Іонійскихъ берегахъ. Ахъ! сколько разъ море покрывало въ сей день горы, тщетно ударяя въ нихъ волнами! Какія высокія вершины погружались въ нем[illegible]! И толико страшныя волны поднялись не въ сихъ самыхъ моряхъ; онѣ прикатились изъ другой страны, изъ большáго моря; самый Океанъ, обтекающій землю, сдѣлалъ заливы обиталищемъ морскихъ чудовищъ. Тако нѣкогда царь Олимпа вспомоществовалъ трезубцемъ брата своего утомленному своему грому, и земля подверглась сугубой власти, когда море смѣсило всѣ народы, когда Ѳетида не хотѣла имѣть никакихъ предѣловъ кромѣ самаго неба. И въ сей день море поднялось бы до звѣздъ, естьлибъ Юпитеръ не стѣснилъ его облаками. Не ночь обыкновенная, но темнота адская отяготила воз-

духъ; онъ угнетается водою, а волны возрастаютъ въ немъ отъ прикосновенія къ облакамъ. Самый устрашающій свѣтъ изчезъ; не сверкаютъ яркія молніи; однѣ черныя полосы разстилаются въ воздухѣ. Тогда возтрепетало самое жилище боговъ; крѣпкая ось издала стонъ и при потрясеніи всего состава міра поколебались полюсы. Хаосъ угрожалъ всей природѣ; казалось, что связи стихій разрушились, и скоро возвратится вѣчная нощь, которая смѣситъ жилище боговъ съ жилищемъ ада. Одна надежда оставалась ко спасенію, что развалины міра еще не изчезли. Какъ съ вершинъ Левкадскихъ, такъ съ воздымавшихся валовъ дрожащіе пловцы смотрѣли на бывшую подъ ними бездну, и когда опускались они въ разверзтую пропасшь, то щегла едва показывалась надъ водою; судно парусомъ касалось облаковъ, а дномъ земли. Ибо море гдѣ разступалось, тамъ открывало дно свое: индѣ собралось оно въ громады, и вся вода казалась въ волнахъ. Страхъ побѣдилъ пособіе искуства; кормчій не знаетъ, какой валъ долженъ онъ пресѣчь, и какому уступить. Но самое возмущеніе моря помогало бѣдствующимъ: одинъ валъ удерживаетъ судно, когда другой стремится между противными вѣтрами. Не боятся пловцы ни мѣлей Сазонскихъ, ни каменистыхъ и излучистыхъ береговъ Ѳессалійскихъ, ни опасныхъ входовъ Амвракійскихъ; а страшатся только скалъ Керавнійскихъ. Наконецъ Цезарь призналъ опасности сіи достойными

судьбы своей. „Съ такимъ то усиліемъ, „сказалъ онъ, стараются боги погубить ме„ня! Они нападаютъ силою толь великаго „моря на сидящаго въ толь малой ладіи! Естьли „морю, а не войнѣ предоставлена слава быть „виною моей смерти; я не устрашусь, о бо„ги! приму ту смерть, которую вы мнѣ на„значаете: хотя судьба, прекращая дни мои, „возпрещаетъ мнѣ произвести величайшія „дѣла; однакожъ я произвелъ довольно слав„ныхъ. Я укротилъ сѣверные народы, поко„рилъ непріятеля однимъ страхомъ; Римъ „почиталъ меня выше великаго Помпея. По во„лѣ народа получилъ я власть, которой „лишала меня война. Нѣтъ въ Римѣ власти, „которой бы я не имѣлъ, и пусть никто „кромѣ тебя, о Счастіе, коему одному из„вѣстны мои желанія, пусть никто не зна„етъ, что я, хотя и украшенъ почестями, „и Диктаторъ, и Консулъ безсмѣнный, „умираю какъ частный человѣкъ. Для меня „не нужно, о боги! никакого погребенія; „пусть обезображенный трупъ мой погре„бется въ волнахъ; не нужно мнѣ ни гроба, „ни костра; пусть только во всѣхъ странахъ „свѣта ожидаютъ меня со страхомъ.“ Едва сказалъ онъ сіе, какое чудо! десятый валъ подъемлетъ легкую ладію, и уже не въ бездну ее низвергаетъ, но выноситъ изъ воды, и поставляетъ на землю, гдѣ берегъ не имѣлъ ни скалъ, ни утесовъ. Тако Цезарь, достигнувъ берега, пріобрѣлъ опять множество градовъ, множество царствъ и все свое счастіе.“

Нѣтъ никого, кто бы изъ толь пространнаго описанія не примѣтилъ всѣхъ погрѣшностей въ Лукановомъ слогѣ; нѣтъ никого, кому бы не были противны множество чрзмѣрныхъ увеличеній, даже нелѣпыхъ; крайняя плодовищость въ подробностяхъ, доведенная до несноснаго излишества, смѣшное сраженіе вѣтровъ, олицетворенныхъ съ крайнею холодностію и весьма не къ статти, безмѣрная надутость противная разуму и истинѣ. Можетъ ли быть что неумѣстнѣе многословнаго хвастовства Цезаря, коимъ замѣнено высокое изреченіе, произнесенное имъ по сказанію исторіи? Какъ смѣшно должно казаться кормчему такое разглагольствіе до самаго того времени, когда Цезарь сказалъ уже свое имя! Да когда онъ и наименовалъ себя, кормчій не долженъ былъ узнать его. Кто говоритъ, я властвую надъ счастіемъ, долженъ быть принятъ за сумасброда; но кто посреди опасности можетъ сказать, открывая вдругъ свое имя и свойство, *чего ты боишся? я Цезарь*, тотъ внушаетъ уваженіе всякому смертному, знающему имя сіе, и заставляетъ его забыть опасность. Не менѣе оскорбляется и вкусъ длиннымъ изчисленіемъ всѣхъ предвѣстій о непогодѣ; а наипаче нѣтъ надобности говорить много о причинахъ, побуждающихъ остаться въ пристани, когда уже рѣшено пуститься въ море. Для сего было бы довольно четырехъ словъ; и въ необходимыхъ обстоятельствахъ Цезарь по нетерпѣнію своему не долженъ болѣе слу-

шать. Я ничего не говорю о бурѣ. Поколебать землю и небо, воздвигнуть всѣ моря, заставить природу страшиться обращенія въ хаосъ, а все сіе вести для описанія опасности ладіи, носимой бурею по небольшому Эпирскому морю, есть по законамъ фисическимъ описаніе совсѣмъ ложное; оно показываетъ самое странное злоупотребленіе въ извитіяхъ мыслей, и сверьхъ того недостатокъ въ главномъ намѣреніи стихотворца. Сіе предлинное и весьма напыщенное описаніе заставляетъ позабыть о Цезарѣ, а Цезаремъ наипаче и должно было бы насъ занять. Виргилій описывая разбитіе флота Энеева бурею, двѣнадцатью только стихами изобразилъ сію картину весьма живо и поразительно. Естьлибъ Луканъ описалъ бурю также истинно и также сильно, онъ уже симъ однимъ заставилъ бы насъ содрогаться объ участи великаго человѣка, ожидающаго, что одна минута въ безразсудномъ предпріятіи уничтожитъ весьма важныя предназначенія. А сколько бы картина сія была еще поразительнѣе, естьлибы Луканъ какъ съ семъ мѣстѣ поэмы своей, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ употребилъ вымыслы, на которые вездѣ былъ онъ очень скупъ? Естьли бы онъ представилъ боговъ Олимпа, обращающихъ вниманіе свое на Цезаря и различно мыслящихъ о судьбѣ его, примѣчающихъ съ любопытствомъ, возчувствуетъ ли душа его смятеніе и ужасъ, не знающихъ, не будетъ ли поглощенъ волнами владыка страшный міру, и не изгладитъ ли

Нептунъ изъ книги судебъ дня Фарсальской битвы и порабощенія Рима?

Хотя главный порокъ Лукана обыкновенно состоитъ въ томъ, что онъ во всемъ преступаетъ мѣру, однакожъ не должно думать, что всегда преступаетъ ее въ одинакой степени. У него есть мѣста, въ коихъ красотъ гораздо больше нежели недостатковъ, наипаче въ изображеніи свойствъ. Такова, напримѣръ, надгробная рѣчь, произнесенная Катономъ въ похвалу Помпея, таково изображеніе самаго Катона и картина брака его съ Марціею, походъ его по пескамъ Африканскимъ, и прекрасный отвѣтъ его на умную Лабіенову рѣчь о прорицалищѣ Юпитера Аммона; таковы особливо изображенія Цезаря и Помпея, противуположенныя одно другому въ первой пѣсни, и составляющія по моему мнѣнію то, что только Луканъ написалъ лучшаго. Сильныя и новыя красоты въ оныхъ содѣлали его достойнымъ уваженія потомства, и заслуживаютъ, чтобъ дать вамъ о нихъ понятіе, по крайней мѣрѣ сколько мнѣ сіе возможно, въ весьма вольномъ подражаніи, каково и должно быть подражаніе такому писателю, который не есть образецъ.

Pompée avec chagrin voit ses travaux passés,
Par de plus grands exploits tout prêts d'être effacés.
Par dix ans de combats la Gaule assujettie,
Semble faire oublier le vainquer de l'Asie;
Et des braves Gaulois le hardi conquérant,
Pour la seconde place est désormais trop grand.
De leurs prétentions la guerre enfin va naître;
L'un ne veut point d'égal, et l'autre point de maître.

Le fer doit décider, et ces rivaux fameux
D'un suffrage imposant s'autorisent tous deux.
Les dieux sont pour César, mais Caton suit Pompée.
L'un contre l'autre enfin prêts à tirer l'épée,
Dans le champ des combats ils n'entraient pas égaux.
Pompée oublia trop la guerre et les travaux.
La voix de ses flatteurs endormit sa vieillesse:
De la faveur publique il savoura l'ivresse;
Et livré tout entier aux vains amusemens,
Aux jeux de son théâtre, aux applaudissemens,
Il n'a plus les élans de cette ardeur guerrière,
Ce besoin d'ajouter à sa gloire première;
Et fier de son pouvoir, sans crainte et sans soupçon,
Il vieillit en repos, à l'ombre d'un grand nom.
Tel un vieux chêne, orné de dons et de guirlandes,
Et du peuple et des chefs étalant les offrandes,
Miné dans sa racine et par les ans flétri,
Tient encor par sa masse au sol qui l'a nourri.
Ses longs rameaux noircis s'étendent sans feuillage;
Mais son trônc dépouillé, répand un vaste ombrage.
D'une forêt pompeuse il s'éleve entouré;
Mais seul, près de sa chûte, il est encor sacré.
César a plus qu'un nom, plus que sa renommée;
Il n'est point de repos pour cette ame enflammée.
Attaquer et combattre, et vaincre et se venger,
Oser tout, ne rien craindre et ne rien ménager,
Tel est César. Ardent, terrible, infatigable,
De gloire et de succès toujours insatiable,
Rien ne remplit ses voeux, ne borne son essor;
Plus il obtient de dieux, plus il demande encor.
L'obstacle et le danger plaisent à son courage,
Et c'est par des débris qu'il marque son passage.
Tel échappé du sein d'un nuage brûlant,
S'élance avec l'éclair un foudre étincelant.
De sa clarté rapide il éblouit la vue;
Il fait des vastes cieux retentir l'étendue,
Frappe le voyageur par l'effroi renversé,
Embrâse les autels du Dieu qui l'a lancé,
De la destruction laisse par-tout la trace,
Et rassemblant ses feux, remonte dans l'espace.

„Помпей съ прискорбіемъ видитъ, что минувшіе подвиги его должны вскорѣ помрачиться дѣлами славнѣйшими. Десятилѣтними безпрерывными сраженіями покоренная Галлія, кажется, заставляетъ забыть побѣдителя Азіи, и отважный завоеватель храбрыхъ Галловъ такъ уже возвеличился, что низко для него второе мѣсто. Отъ ихъ притязаній раждается война; одинъ не терпитъ равнаго, другой не терпитъ властелина. Между ими должно рѣшить оружіе, и сіи знаменитые соперники оба основываются на важномъ одобреніи: боги на сторонѣ Цезаря, а Катонъ на сторонѣ Помпея. Наконецъ готовы бывъ другъ противъ друга извлещи мечъ, не равны вступили они на поле сраженія. Помпей почти совсѣмъ отвыкъ отъ войны и подвиговъ. Голосъ льстецовъ усыпилъ его старость: упоясь пріятностію общенароднаго благоволенія, предавшись совершенно пустымъ удовольствіямъ, забавамъ своего театра и громкимъ похваламъ, онъ уже не чувствуетъ въ себѣ порывовъ воинскаго жара, нужныхъ для подкрѣпленія прежней его славы; и гордясь своею властію, безъ страха и подозрѣнія состарѣвается въ покоѣ подъ тѣнію великаго имени. Тако древній дубъ, украшенный дарами и вѣнками, показывая различныя приношенія отъ народа и повелителей, хотя уже въ корнѣ подрытъ и отъ лѣтъ увядаетъ, но своею тяжестію еще держится въ землѣ его питающей: длинныя вѣтьви его, уже почернѣвшія, раз-

простерты безъ листьевъ; но и обнаженъ будучи, обширную тѣнь разстилаетъ. Возвышаясь посреди великолѣпной дубравы, онъ одинъ, и при своемъ паденіи, кажется еще священнымъ. Цезарь великъ не однимъ именемъ, не одною своею славою: пламенная душа его не знаетъ покоя. Напасть и сразиться, побѣдить и отмстить, на все отважишься, ничего не страшиться и не щадить, вотъ свойство Цезаря. Онъ пылокъ, ужасенъ, неутомимъ; успѣхами и славою не можетъ насытиться. Ничто не удовлетворяетъ его желаній и не удерживаетъ стремленія; чѣмъ щедрѣе къ нему боги, тѣмъ онъ болѣе требуетъ. Препятствіе и опасность приятны его мужеству; и всюду, гдѣ онъ пройдетъ, путь свой означаетъ развалинами. Тако изторгшаяся изъ нѣдра пламенной тучи летитъ сверкающая громовыми спрѣлами молнія; быстрый блескъ ея помрачаетъ зрѣніе; ударъ ея раздается въ обширности небесъ, поражаетъ пущника, страхомъ поверженнаго, возпаляетъ храмы Юпитера, который пустилъ ее, оставляетъ повсюду слѣды разрушенія, и собравъ свой огнь, паки стремится въ пространство небесное.«

Посмотримъ, какъ онъ описываетъ чудеса, предвѣщавшія междуусобную войну. Всякъ полагаетъ конечно, что такое описаніе должно быть у него гораздо длиннѣе; но будучи сокращено половиною, и заключая въ себѣ мысли поразительнѣйшія, оно можетъ произвести желаемое дѣйствіе.

Les dieux mêmes, les dieux, qui, pour mieux nous punir,
Souvent à nos frayeurs découvrent l'avenir,
De prodiges sans nombre avaient rempli la terre;
Le désordre du monde annonçait leur colère.
Des astres inconnus éclairèrent la nuit,
Et dans un ciel serein la foudre retenti,
Le soleil se cachant sous des vapeurs funèbres,
Fit craindre aux nations d'éternelles ténèbres.
L'étoile aux longs cheveux, signal des grands revers,
En sillons enflammés courut au haut des airs.
Phœbé pâlit soudain, et perdant sa lumière,
Couvrit son front d'argent de l'ombre de la terre.
Vulcain frappant l'Etna de ses pesans marteaux,
Réveilla le Cyclope au fond de ses cachots.
L'Etna s'ouvre et mugit: de sa cime béante,
Descend à flots épais une lave brûlante.
L'Apennin rejetta de ses sommets tremblans,
Les glaçons sur sa tête, amassés par les ans.
L'aboyante Scylla qui heurle sous les ondes,
Roula des flots de sang dans ses grottes profondes.
La nature a changé sous le courroux des cieux,
Et la mere frémit de son fruit monstrueux.
On entendait gémir des urnes sépulchrales.
Secouant dans ses mains deux torches infernales,
Le front ceint de serpens et l'oeil armé d'éclairs,
De son haleine impure empoisonnant les airs,
Courait autour des murs une affreuse Euménide:
La terre s'ébranlait sous sa course rapide.
Le Tybre sur ses bords voyait, de nos héros,
S'agiter à grand bruit les antiques tombeaux.
Jusques dans nos remparts des ombres s'avancèrent.
Les mânes de Sylla dans les champs s'élevèrent,
D'une voix lamentable annonçant le malheur.
Du soc de la charrue, on dit qu'un laboureur
Entr'ouvrit une tombe, et saisi d'épouvante,
Vit Marius lever sa tête menaçante,
Et les cheveux épars, le front cicatrisé,
S'asseoir pâle et sanglant sur son tombeau brisé.

„Самые боги, къ вящшему наказанію нашему часто ужасающіе насъ открытіемъ будущаго, наполняли безчисленными чудесами землю; разстройство міра возвѣщало гнѣвъ ихъ. Невѣдомыя свѣтила возсіяли нощію и при ясности неба раздались въ ономъ громы; закрывшееся черными парами солнце устрашало народы вѣчнымъ мракомъ. Косматая звѣзда, знакъ великихъ бѣдствій, пламенными броздами пронеслась въ высоту небесную. Луна вдругъ побѣднѣла, и лишась своего свѣта, сребряное чело свое покрыла земною тѣнью. Вулканъ тяжкими молотами ударяя въ Этну, пробудилъ Циклопа во глубинѣ пещеръ ея. Разверзлась Этна и реветъ: изъ зіяющей вершины ея густыми потоками извергается горящая лава. Апенинъ съ дрожащихъ высотъ своихъ сбросилъ льды, собранные на главу его многими лѣтами. Лающая и воющая подъ водами Скилла вращала въ глубокихъ пещерахъ своихъ кровавыя волны. Природа отъ гнѣва небесъ измѣнилась, и мать возтрепеталa отъ чудовищнаго плода своего. Слышно было изъ надгробныхъ урнъ стенаніе. Ужасная Эвменида потрясала въ рукахъ своихъ два адскіе пламенника; имѣя чело увитое зміями и взоръ сверкающій молніями, бѣгала вокругъ стѣнъ, и нечистымъ своимъ дыханіемъ заражала воздухъ. Тибръ на брегахъ своихъ видѣлъ потрясающіяся съ великимъ шумомъ древнія гробницы нашихъ героевъ. Разные призраки приходили даже къ нашимъ окопамъ. Душа Силлы, сре-

ди полей возставшая, унылымъ гласомъ предвѣщала бѣдствіе. Сказываютъ, что землепашецъ вскрылъ незапно плугомъ могилу, и ужаснулся увидя Марія, подъемлюща грозную главу свою съ разтрепанными власами, съ изъязвленнымъ челомъ, блѣдна и окровавленна сѣдящаго на сокрушенномъ гробѣ своемъ.«

Всѣмъ извѣстно изреченіе Квинтиліана, который причисляетъ его болѣе къ ораторамъ, нежели къ стихотворцамъ: *Oratoribus magis quam poetis annumerandus.* Симъ похвалены его рѣчи; и дѣйствительно онъ превозходенъ въ сей части, не отъ того чтобъ, заставляя говорить дѣйствующія лица, избѣжалъ словонапыщенія, которое портитъ слогъ его, когда онъ заставляетъ ихъ дѣйствовать; но вообще въ рѣчахъ его видны величіе, сила и движеніе страстей. Справедливо нѣкоторые укоряли его въ недостаткѣ чувствительности и въ томъ, что очень мало имѣлъ онъ тѣхъ нѣжныхъ и пылкихъ драматическихъ чувствованій, каковыми плѣняютъ насъ Гомеръ и Виргилій. Въ содержаніи поэмы его есть однакожъ такіе случаи, кои можно было бы сдѣлать жалостными; но жесткость слога его часто тому препятствуетъ, и въ семъ родѣ даетъ онъ болѣе разумѣть, нежели оканчиваетъ. Разлука Помпея съ Корнеліею, когда онъ посылаетъ ее на островъ Лесбосъ, и рѣчи говоренныя при прощаніи ихъ, составляютъ одно почти такое мѣсто, въ которомъ стихотворецъ соображаетъ нѣсколько эпопею съ силою и пріятностію трагедіи; но еще во многомъ не успѣлъ.

Читатели сколько довольны тѣмъ, что онъ превозходно росписалъ изображеніе Цезаря въ началѣ своего сочиненія; столько и оскорбляются, что во все потомъ продолженіе поэмы крайне безобразитъ свойство его, начертанное имъ сперва прекрасно. Сіе одно только и должно изключить изъ похвалъ, кои по сей части заслужилъ онъ отъ всѣхъ вообще; но укоризна сія важна, и даже не можетъ извинена быть ненавистію, вѣрочемъ похвальною, которую оказываетъ онъ вездѣ противъ утѣснителя свободы. Республиканцу весьма свойственно не прощать Цезарю за то, что онъ основалъ владычество, которое наслѣдовалъ Неронъ. Но онъ могъ бы съ благоразумiемъ оплакать токмо бѣдственное употребленіе чрезвычайныхъ дарованій и рѣдкихъ качествъ, кои Цезарь обратилъ ко вреду страны своея, послѣ употребленія оныхъ къ ел защитѣ и прославленію. Надобно быть въ разсужденіи всѣхъ справедливымъ и разсудить, сколько есть обстоятельствъ хотя не оправдывающихъ, по крайней мѣрѣ извиняющихъ его поступки. Онъ вѣрно бы погибъ, естьли бы отослалъ назадъ сьое войско прежде переправы чрезъ Рубиконъ. Ненависть его непріятелей споспѣшествовала руководствовавшему его счастію. Слѣпое пристрастіе Сената къ Помпею, крайняя приверженность Цицерона къ старинному сему кумиру, имъ же самимъ украшенному, давняя ненависть строгаго Катона къ роскошному Цезарю приве-

ли въ недоумѣніе и замѣшательство главное сіе въ республикѣ сословіе, коего всѣ тогда поступки были ошибки. Сенатъ согласился потворствовать гордости Помпея, хотѣвшаго быть въ правительствѣ первымъ, и тогда же осуждалъ гордость Цезаря, не хотѣвшаго быть вторымъ. Положеніе его между сими двумя сильными мужами безъ сомнѣнія было затруднительно; но ежели оставалась у него въ такомъ случаѣ благоразумная мѣра, сія мѣра, кажется мнѣ, состояла въ наблюденіи между ими равновѣсія, для удерживанія ихъ одного другимъ: а отъ совершеннаго перевѣса одной стороны послѣдовалъ неминуемый разрывъ и принудилъ къ войнѣ, которая, какъ признаётся самъ Цицеронъ въ своихъ письмахъ, должна была кончиться постановленіемъ Риму обладателя. Ежели разсмотрѣть причины такого поведенія Сенаторовъ, въ ономъ найдется столь же мало справедливости, сколько и осторожности. Предпочтеніе, оказанное ими Помпею, основано было на одномъ только свойственномъ патриціямъ отвращеніи отъ начальника народной стороны, и духъ прежней вражды между Маріемъ и Силлою существовалъ еще въ семъ сословіи, которому послѣ толь ужасныхъ примѣровъ властолюбія надлежало бы любить болѣе всего свободу, а тираннію ненавидѣть. Напротивъ того Помпею дана власть противузаконная и неограниченная, потому что онъ былъ главою стороны вельможъ и первенствую-

щимъ въ Сенатѣ. Цезарь, почитавшій себя по крайней мѣрѣ равнымъ Помпею, не хотѣлъ того терпѣть, чтобъ въ Римѣ былъ толико сильный гражданинъ, который могъ бы утѣснять Римъ и Цезаря. Всѣ предложенія, сдѣланныя имъ во время еще начальствованія его надъ легіонами и до перехода чрезъ Рубиконъ, имѣли поводъ самый благовидный, а именно постановленіе равенства и приведеніе Цезаря въ безопасность отъ его непріятелей. По мнѣнію моему, сіи предложенія дѣлалъ онъ единственно съ тою увѣренностію, что они будутъ отринуты; въ самомъ же дѣлѣ хотѣлъ владычествовать. Но его непріятели употребили все къ доставленію ему предлога, достойнаго всегда уваженія, то есть, единственнаго права защищать самаго себя. Онъ обѣщалъ положить оружіе, только бы Сенатъ пожаловалъ ему консульство и опредѣлилъ торжественный вѣздъ. Онъ заслужилъ то и другое и консульская власть нужна ему была для начальствованія надъ тѣми, которые хотѣли его погубить. Помпей, привыкшій десять лѣтъ спокойно владычествовать въ Римѣ, тогда какъ Цезарь покорялъ Галловъ, не могъ и помыслить о томъ, чтобъ видѣть вѣзжающаго въ оный торжественно Цезаря, въ полномъ величіи и при всеобщемъ уваженіи, кои приобрѣлъ онъ десятилѣтними своими побѣдами, дарованіями и славою своего имени. Сенатъ, привыкшій къ спокойному владычеству Помпея, которое по-

читалъ онъ за свое собственное, взиралъ съ ужасомъ на приближеніе Цезаря. Ему отказано во всемъ законномъ его требованіи, въ то самое время, когда Помпею вручены власть и сила чрезвычайныя. Сенатъ по видимому во всемъ уполномочилъ одного съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, чтобъ упѣснить другаго; и намъ показалось бы страннымъ, естьли бы подобныхъ нелѣпостей не видно было въ исторіи всѣхъ правительствъ, что онъ доводилъ до крайности такого человѣка, опъ котораго, какъ думалъ, надлежало всего опасаться, а не принялъ никакого средства къ его отраженію и одолѣнію. Цезарь, чувствуя себя сильнымъ защищать правоту свою, не имѣлъ, правда, опаснаго великодушія отдаться въ руки своихъ непріятелей. Онъ отважился на все ему возможное, и извѣстно, какое изъ того было послѣдствіе. Кажется, то превозходство, которое являлъ онъ во всю сію войну до самаго дня Фарсальской битвы, означало наипаче превозходство его свойства; имъ то, а можетъ быть еще болѣе воинскими своими дарованіями превышалъ онъ Помпея; ибо легко статься можетъ, что съ сей стороны, судя токмо по случившемуся произшествію, побѣжденный съ лишкомъ униженъ предъ побѣдителемъ. Скорое бѣгство его изъ Италіи въ Эпиръ доказываетъ дѣйствительно, что онъ ничего не приуготовилъ къ поддержанію войны въ Италіи; но перенеся оную въ Грецію, показалъ вскорѣ, что онъ употребилъ одно только удобное къ тому средство, и имѣлъ всѣ нужныя посо-

бія. Онъ запасся пособіями величайшими, сильнымъ войскомъ, многочисленнымъ флотомъ, жизненными припасами, при томъ вся оная страна была въ его повелѣніяхъ, и сдѣланное имъ сообразно съ сими выгодами разположеніе военныхъ дѣйствій принесло ему честь предъ знающими военное искуство судіями. Онъ чувствовалъ, какое должно быть преимущество на открытомъ полѣ старыхъ Цезаревыхъ воиновъ, которые по десятилѣтней войнѣ съ Галлами непремѣнно одержатъ на ономъ верьхъ искусными своими оборотами, опытностію и твердостію во время дѣйствія. Онъ рѣшился избѣгать сраженій, а утомлять и изнурять гладомъ своего непріятеля. Цезарь сдѣлалъ одну только ошибку: (ктожъ и не ошибался?) съ лишкомъ разтянулъ ряды свои при Диррахіи (Дураццо). Помпей умѣлъ воспользоваться симъ: разторгнулъ ряды его и напалъ на него съ такою выгодою, что старые Цезаревы воины совсѣмъ обезумѣли, (толико-то отъ положенія войска зависитъ все!) и въ первый еще разъ устремились въ бѣгство съ величайшимъ страхомъ. Всѣ повѣствователи согласны, и самъ Цезарь, по сказанію Азинія Полліона, признаётся, что онъ погибъ бы, естьли бы Помпей довершилъ въ тотъ же день побѣду и напалъ на остальное войско, ушедшее въ свои окопы. Но дѣятельность и отважность не суть обыкновенныя качества стараго военачальника. Помпей не сдѣлалъ всего того, что могъ бы сдѣлать, и весьма достойно при-

мѣчанія, что сія точно побѣда при Дитрахіѣ и была причиною низложенія его на Фарсальской битвѣ. Она поселила глупое и высокомѣрное надѣяніе во всѣхъ начальникахъ войска и совѣта Помпеевыхъ. Они съ того времени почитали себя побѣдоносцами. Наскучивъ такою войною, которая на весьма долгое время удаляла ихъ отъ веселостей Рима, винили они полководца въ продолженіи оной для собственныхъ своихъ выгодъ. Онъ не имѣлъ силы возпротивиться ихъ укоризнамъ и слѣдовать разположенію, которое было для него весьма успѣшно; и въ то самое время, когда положеніе Цезаря крайне было затруднительно, сей увидѣлъ вдругъ, съ великимъ удивленіемъ и радостію, что Помпей оставилъ высоты и сошелъ въ долину, чтобы вступить въ сраженіе. Въ семъ состояла главная его ошибка. Минутная слабость лишила его плода весьма счастливаго похода и сорокалѣтней славы. Вотъ что произходитъ отъ недостатка въ свойствѣ; Цезарь никогда бы сего не сдѣлалъ. Съ того времени Помпей былъ уже самъ не свой; и соглашаясь на сраженіе, и вступая въ оное, онъ не произвелъ уже ничего достойнаго ни военачальника, ни великаго мужа. Сраженіе продолжалось еще, когда онъ удалился въ свой шатеръ какъ человѣкъ потерявшій разумъ. Бѣгство его было постыдно и отчаянно какъ бѣгство такого человѣка, который до того всегда воюя счастливо, не имѣетъ

твердости противу перваго злоключенія. У него оставались великія пособія, изъ коихъ не воспользовался онъ ни однимъ. Онъ могъ броситься на флотъ, который былъ ужасенъ, продолжать войну на морѣ съ непріятелемъ имѣвшимъ не много судовъ, и привести опять въ равновѣсіе то, что казалось уже рѣшеннымъ на Фарсальской битвѣ. Полководцы его спустя долгое послѣ него время, дали еще сраженіе, тогда какъ онъ скитаясь подобно бродягѣ, прибѣгнулъ въ покровительство царя малолѣтнаго, управляемаго министрами жестокими. Онъ умерщвленъ въ Египтѣ, тогда какъ Цезарь оставлялъ жизнь всѣмъ, попавшимся въ его руки. Извѣстно, до какой степени простеръ онъ свое милосердіе. Извѣстно, что на Фарсальской даже битвѣ, въ жару дѣйствія, приказалъ онъ щадить всякаго Римскаго гражданина, который покорится, а убивать нещадно одни полки чужеземные. Послѣ сего какъ не досадовать на Лукана за то, что ему захотѣлось представить его тираномъ люпымъ и побѣдителемъ кроважаждущимъ; что онъ изобразилъ его алчущимъ убійства, замѣчающимъ тѣхъ изъ своихъ воиновъ, коихъ мечи болѣе или менѣе обагрены кровію, и жаждущимъ изтребленія? Стихотворство не имѣетъ права изкажать такимъ образомъ свойства всѣмъ извѣстнаго и противурѣчить дѣяніямъ уже доказаннымъ; это ложь, а не вымыслъ. Не позволено клеветать на великаго человѣка ни въ прозѣ, ни въ стихахъ.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчанїе о разности свойства Помпея, привыкшаго издавна полагаться на благосклонность счастія, и Цезаря, привыкшаго имъ повелѣвать и укрощать оное. Одинъ сбросилъ съ себя багряницу, чтобы убѣжать съ поля битвы, на которомъ еще за него сражались; а другой во время сраженія при Мундѣ видя, что старые воины его по шестичасной битвѣ пришли въ замѣшательство, рѣшился броситься одинъ въ средину непріятелей, устроилъ такимъ образомъ опять полки свои къ нападенію, и подвергая жизнь свою опасности, одержалъ побѣду. Изъ такой противуположности видно, кто изъ сихъ двухъ мужей былъ превозходнѣе.

Нѣтъ предмета величественнѣйшаго, обильнѣйшаго и удобнѣйшаго къ возвышенію душь, какъ предметъ избранный Луканомъ. Дѣйствующія лица и произшествія изумляютъ воображеніе, и должны бы также разгорячить его воображеніе; но онъ болѣе показалъ высокости въ мысляхъ, нежели дарованія въ вымыслахъ и изображеніи. Были часто вопросы о томъ, позволялъ ли предметъ его употребить вымыслъ. На сіе отвѣтствовать можно, что самъ Луканъ не сомнѣвался въ томъ, поелику онъ однажды и употребилъ его, хотя изъ всего прочаго сдѣлалъ токмо повѣсть въ стихахъ. Правда, басни Одиссеи предъ разговоромъ Катона съ Брутомъ показались бы нелѣпыми; но естьли бы Луканъ избралъ родъ чудеснаго приличный предмету, то поэма его

была бы произведеніе высокаго дара и вскуса. Не могли ли бы боги и Римляне дѣйствовать совокупно на единомъ зрѣлищѣ такъ, чтобъ одни другихъ были достойны? Не льзя ли было включить подъ какимъ либо образомъ Рокъ въ тѣ распри, отъ коихъ зависѣла судьба міра? Наконецъ призракъ плачущаго отечества, явившійся Цезарю на берегахъ Рубикона, сей прекрасный вымыслъ, который къ несчастію одинъ только и находится во всей его поэмѣ, довольно доказываетъ, какъ могъ бы Луканъ воспользоваться иносказаніями, не умаляя силы и достоинства исторіи.

Онъ умеръ двадцати семи лѣтъ, а по сему одному и можно простить его за ошибки въ подробностяхъ, кои зрѣлымъ своимъ разсмотрѣніемъ могъ бы онъ уничтожить или уменшить; но не льзя простить его ни за разположеніе поэмы, въ которомъ нѣтъ эпическаго воображенія, ниже за такой во всемъ сочиненіи слогъ, который показываетъ недостатокъ во вкусѣ толь примѣтный, что можно подумать, что сочинитель ни когда бы въ ономъ совершенно не изправился.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

Прибавленіе о Гезіодѣ, Овидіи, Лукреціи и Маніліи.

Въ дополненіе сказаннаго о различныхъ родахъ древнихъ поэмъ нужно въ краткихъ словахъ упомянуть о поэмахъ баснословныхъ, поучительныхъ и философическихъ Гезіода, Овидія, Лукреція и Манилія.

О времени, въ которое жилъ Гезіодъ, дѣписатели между собою не согласны: одни считаютъ его современникомъ Гомеру, другіе пишутъ, что онъ жилъ чрезъ сто лѣтъ послѣ него: извѣстно то, что онъ зналъ по крайней мѣрѣ сочиненія Гомера. Ихъ обоихъ должно почитать за отцевъ баснословія, а сего и довольно, чтобъ оно содѣлалось предметомъ того любопытства, которое естественно побуждаетъ насъ къ изслѣдованію древности. Отъ нея дошли до насъ двѣ только Гезіодовы поэмы весьма краткія; одна подъ заглавіемъ *Труды и Дни*, а другая *Θеогонія* или *Родословіе боговъ*. Первая содержитъ въ себѣ правила о земледѣліи, и подала Виргилію мысль сочинить *Георгики*. Другую можно бы сравнить съ *Превращеніями* (*Métamorphoses*) Овидія, естьли бы его сочиненіе не было гораздо превозходнѣе *Θеогоніи* Гезіода.

Я не говорю, чтобъ онъ не имѣлъ и для насъ дѣйствительнаго достоинства, оправдывающаго то общее уваженіе, коимъ пользовался онъ въ свое время, ежели судить о немъ только какъ о стихотворцѣ. Онъ нѣсколько времени равнялся имъ съ Гомеромъ, который потомъ по мѣрѣ возраставшихъ успѣхомъ вкуса, мало по малу помрачилъ оное совершенно; но для славы Гезіода много ужѐ и того, что онъ хотя не на долго былъ соперникомъ Гомеру. Нѣкоторые несправедливо писали, будто онъ на стихотворческомъ поединкѣ побѣдилъ Гомера при погребеніи Амфидама: онъ и дѣйствительно приобрѣлъ вѣнокъ; но естьли бы получилъ его по преимуществу надъ такимъ соперникомъ, каковъ Гомеръ, то была бы довольная причина хвалиться тѣмъ для того, что Гезіодъ, упоминающій въ одной своей поэмѣ о семъ опредѣленномъ ему вѣнкѣ, именовалъ бы и побѣжденнаго имъ совмѣстника, а онъ не именовалъ его; и такъ ясно видно, что это сказка, выдуманная Гомеровыми поносителями.

Поэма *Труды и Дни* раздѣлена, кажется, на три части, на баснословную, нравственную и поучительную. Гезіодъ начинаетъ оную сказаніемъ басни о Пандорѣ, и ежели онъ ея изобрѣтатель, то сія баснь дѣлаетъ честь его воображенію; по крайней мѣрѣ онъ предалъ ее съ самаго древняго времени, такъ какъ произхожденіе Венеры и Музъ, дщерей Юпитера и Мнемозины. Послѣ иносказанія о Пандорѣ слѣдуетъ описаніе различныхъ вѣковъ міра,

которому Овидій подражалъ въ своихъ Превращеніяхъ; но Греческій писатель вмѣсто четырехъ вѣковъ полагаемыхъ обыкновенно, насчитываетъ пять: вѣкъ золотой, вѣкъ серебряный, вѣкъ мѣдный, вѣкъ полубоговъ и героевъ, подъ коимъ разумѣть должно называемыя нами времена героическія, и вѣкъ желѣзный, по мнѣнію сего стихотворца тотъ самый вѣкъ, въ который онъ писалъ: въ такомъ случаѣ оный давно уже продолжается. Писатели разныхъ временъ почитали свой вѣкъ худшимъ всѣхъ другихъ; одинъ только Волтеръ сказалъ о своемъ слѣдующее:

O le bon tems que ce siecle de fer!

О прекрасное время сего желѣзнаго вѣка!

но сіе сказано имъ въ веселомъ духѣ; ибо въ другомъ мѣстѣ называетъ онъ осьмнадцатый вѣкъ *негоднымъ сбродомъ вѣковъ*. Это такой предметъ, о которомъ говоритъ всякъ, кто что хочетъ, смотря по произволенію разсуждать о предметахъ съ той или съ другой стороны.

Послѣ сего баснословнаго приступа Гезіодъ начинаетъ поученіе нравственное, которое, такъ какъ и остальное сочиненіе, обращаетъ къ брату своему Персею, съ коимъ имѣлъ онъ тяжбу о наслѣдствѣ послѣ отца своего. Сіе нравоученіе мѣстами хорошо, а индѣ могло бы быть гораздо лучше. За онымъ слѣдуютъ правила о землепашествѣ, смѣшанныя съ наставленіями въ благоразуміи, которыя встрѣчаются вездѣ у

сего писателя. Онъ былъ первосвященникомъ храма Музъ на горѣ Геликонѣ, и ученіе составляло всегда одну изъ должностей священства. Но не музы научили его написать то мѣсто, коимъ оканчивается его поэма, и гдѣ означаетъ онъ, какіе дни въ мѣсяцѣ отличнѣе другихъ, въ такомъ вкусѣ, который показываетъ, что вкусъ Лiежскаго мѣсяцослова не есть уже новый. Въ семъ то мѣстѣ Гезіодъ учитъ насъ, что жениться должно въ 4й день мѣсяца; что овецъ можно стричь въ 11й и 12й день, но 12й несравненно предпочтительнѣе; что 10й день способенъ къ порожденію самцовъ, а 14й къ порожденію самокъ, и предлагаетъ множество другихъ въ той же силѣ или даже какихъ то смѣшныхъ наблюденій, которыхъ не льзя и приводить. Онѣ безъ сомнѣнія въ его время были такія же бредни, какими кажутся и въ наше; но Гомеръ не употреблялъ оныхъ.

Первая половина *Θεογονiи* состоитъ изъ одного почти непрерывнаго именованія боговъ и богинь всякой степени и всякаго рода. Нѣкоторые хотѣли сей хаосъ привести въ порядокъ помощію иносказанія; можно тутъ найти иносказаніе какое угодно, но все также перепутанное нелѣпостями, какъ и самая баснь. Сей стихотворецъ, котораго слововыраженіе вообще приятно и сладкогласно, вдругъ при концѣ уже своего сочиненія, самымъ высокимъ слогомъ начинаетъ пѣть войну боговъ съ Гигантами, преданіе баснословное, коего онъ есть древнѣй-

шій сочинитель. Сіе описаніе и описаніе зимы въ поэмѣ *Труды и Дни* равняются, въ своемъ родѣ, съ прекраснѣйшими мѣстами въ Гомерѣ. Въ изображеніи тартара, въ который низвержены Тишаны громомъ Юпитера, видны черты сходства съ адомъ Мильтоновымъ весьма поразительныя, и не льзя сомнѣваться, чтобъ одинъ не служилъ образцемъ другому; удивительна сообразность ихъ мыслей въ такомъ основаніи, которое по разности вѣръ должно быть весьма различно.

Овидій, котораго я разсматриваю здѣсь только такъ, какъ сочинителя Превращеній, потому что прочія его сочиненія принадлежатъ къ другимъ родамъ, о коихъ буду говорить въ своемъ мѣстѣ, Овидій былъ человѣкъ остроумнѣйшій, рожденный съ отличнымъ разположеніемъ къ стихотворству, и поэма его *Превращенія* есть изящнѣйшій изъ даровъ, оставленныхъ намъ древностію. Правда, сіе одно только сочиненіе и есть гораздо Превозходнѣйшее всѣхъ прочихъ его произведеній; да и какихъ не видимъ достоинствъ въ Превращеніяхъ? Во первыхъ какое удивительное искуство въ составленіи сей поэмы! Какъ могъ Овидій изъ толикаго множества различныхъ повѣстей, по большой части одна къ другой не принадлежащихъ, составить нѣчто цѣлое весьма привлекательное, прекрасно связанное, держать безпрестанно въ рукѣ своей непримѣтную нить, которая никогда не прерываясь, водитъ тебя въ запутанности

чудесныхъ приключеній; учредить множество произшествій такъ хорошо, что всѣ онѣ раждаются одинѣ отъ другихъ; ввести многія лица, однѣ дѣйствующія, другія разсказывающія, такъ что все идетъ и открывается безъ перерыва, безъ затрудненія и замѣшательства, отъ раздѣленія хаоса на стихіи до обожествленія Августа! Какая потомъ примѣтна гибкость воображенія и слога во многоразличныхъ и непрерывныхъ описаніяхъ по свойству каждаго предмета, и въ перемѣнахъ посредствомъ выраженія премногихъ окончаній, коихъ основаніе всегда одинаково, то есть преобразованіе! Наипаче величайшую приятность чтенія сей поэмы составляетъ удивительная разновидность красокъ, приноровленныхъ непремѣнно къ картинамъ всегда различнымъ, то благороднымъ и чрезвычайно важнымъ, то весьма простымъ, изъ коихъ однѣ ужасны, другія нѣжны, тѣ страшны, а сіи приятны, веселы и привлекательны.

Всѣ его изображенія обильны, и ни одно, кажется, не стоило ему труда. Онъ попеременно то возхищаетъ тебя, то приводитъ въ умиленіе, то устрашаетъ, отверзая или чертоги солнца, или возпѣвая жалобы любви, или изображая неистовства ревности и ужасъ злодѣянія. Онъ также легко описываетъ сраженія какъ удовольствія, героевъ какъ пастуховъ, Олимпъ какъ рощицу, и вертепъ Зависти какъ хижину Филемона. Мы не знаемъ точно, что заимствовалъ онъ изъ баснословія, и что самъ

могъ приобщить къ оному; но сколько прекрасныхъ повѣстей! чего не было почерпаемо изъ сего источника, который все еще не изчерпанъ! Овидія всѣ театры обложили какъ бы оборомъ. Знаю, что упрекаютъ его, и основательно, въ пышности слога, то есть въ лишнемъ изобиліи и украшеніи онаго; но сіе изобиліе не есть избытокъ словъ, закрывающихъ пустоту мыслей, а избытокъ истиннаго богатства. Въ украшеніяхъ его, хотя ихъ и очень много, не видно ни труда, ни усилія: остроуміе, пріятность и легкость, сіи три дарованія, никогда его не оставляющія, покрываютъ его неисправности и небольшія затѣи; о немъ съ бо́льшею гораздо справедливостію, нежели о Сенекѣ, сказать можно, что *онъ нравится и при своихъ недостаткахъ*. Нѣкто въ наше время сказалъ:

J' étais pour Ovide à vingt ans ;
Je suis pour Horace à quarante.

Въ разсужденіи Овидія былъ я въ двадцать лѣтъ;
Въ разсужденіи Горація чувствую себя въ сорокъ.

Ежели онъ хотѣлъ сказать, что Горацій имѣетъ вкусъ основательнѣйшій, нежели Овидій, сіе неоспоримо: но я думаю, что во всякомъ возрастѣ можно любить, и любить много сочинителя Превращеній. Волтеръ изъявлялъ великое удивленіе къ сему произведенію, а извѣстно, что онъ рѣдко чему удивлялся. Овидіева слога нельзя конечно сравнить со слогомъ Виргиліевымъ; но можетъ

быть Виргилію для того надлежало и родиться, чтобъ чрезъ него всякъ видѣлъ ясно, чего не достаетъ въ Овидіи.

Тотъ предметъ, о коемъ писалъ Лукрецій, столько же суровъ, сколько пріятенъ предметъ Превращеній. Извѣстно, что поэма *о свойствѣ вещей* есть философія Епикурова, преложенная въ стихи, естьли можно назвать философіею бредни ученія объ атомахъ и безбожіи совокупно. Сверьхъ сего поэзія на всякомъ языкѣ не охотно входитъ въ умствованія фисическія и метафисическія; и потому Лукрецій почитается стихотворцемъ въ однихъ только отступленіяхъ, но въ семъ случаѣ стихотворцемъ великимъ. Слогъ его силенъ и пылокъ; но вмѣстѣ грубъ и неисправенъ. Нѣкоторымъ ради сей самой грубости его стихотвореніе показалось сильнѣе нежели Виргиліево, по тому смѣшному предубѣжденію, будто грубость свойственна силѣ, а изящество не далеко отъ слабости. Но какъ я не знаю Латинскихъ стиховъ сильнѣе Виргиліевыхъ во введеніи о Какусѣ, и Французскихъ сильнѣе тѣхъ стиховъ, коими написана роль Федры; то никогда не повѣрю, чтобъ силѣ не свойственно было изящество и сладкогласіе, и чтобы грубость означала силу.

Изображеніе моровой язвы и описаніе фисическихъ удовольствій любви, сіи два мѣста весьма достойны замѣчанія въ поэмѣ Лукреція: никто лучше его не изобразилъ, что въ природѣ есть и ужаснѣйшаго и пріятнѣйшаго.

Начало его сочиненія переведено стихами въ осьмнадцатый вѣкъ стихотворцемъ Геноттомъ. Въ переводѣ семъ есть стихи хорошіе; но всякъ чувствуетъ, что не возможно было бы всего сочиненія перевести въ стихи: нѣкоторые въ наше время покушались на сіе, но безъ успѣха. Содержаніе поэмы сему препятствуетъ, а весьма удобно перевести ее прозою; ибо въ прозѣ можно разсуждать обо всемъ. Въ чемъ г. Лагранжъ и оказалъ великій успѣхъ: его переводъ сочиненія Лукреціева есть лучшій на французскомъ языкѣ

У насъ остается пять пѣсней изъ поэмы *Астрономія*, сочиненной Маніліемъ, который хотя писалъ въ царствованіе Тиверія, но, кажется, удалился уже отъ вѣка Августова. Фисика сего писателя весьма худа, и слововыраженіе во многихъ мѣстахъ грубо, хотя не достаетъ въ немъ стихотворческой силы.

П. П. Объ Аполлоніѣ Родосскомъ, сочинителѣ Греческой поэмы въ четырехъ пѣсняхъ подъ названіемъ *Походъ Аргонавтовъ*, надлежало бы мнѣ упомянуть въ статьѣ объ эпопеѣ; но это опущеніе должно быть здѣсь поправлено, потому что сочиненіе сіе не заслуживаетъ забвенія. Я не говорю, чтобъ содержаніе онаго было хорошее и истинно эпическое: мало тутъ искуства въ начертаніи, которое по порядку въ немъ дѣяній ведено съ лишкомъ исторически, пренаполнено введеніями недѣйствительными и безъ выбора; въ нѣкоторыхъ однакожъ частяхъ

сочиненіе сіе писано изрядно. Любовь Медеи къ Язону изображена съ такою истиною, которую часто можно было бы изобразить съ большею силою, но которая, кажется, не безполезна была для Виргилія. Примѣтно, что пѣвецъ Дидоны не погнушался заимствовать нѣкоторыхъ мыслей у Аполлонія; но надобно также признаться, что онъ усилилъ ихъ страстными выраженіями, чего не видно въ Греческомъ стихотворцѣ: заялъ онъ немногое; а превзошелъ его чрезвычайно.

Аполлоній жилъ въ царствованіе Птоломея Филадельфа. Валерій Флаккъ, Римскій стихотворецъ Веспасіанова времени, написалъ сочиненіе о томъ же предметѣ, о завоеваніи златаго руна, въ осьми книгахъ, которыя не похожи на пѣсни какой нибудь поэмы; ибо нѣтъ въ нихъ никакой поэзіи: онъ также далекъ отъ Аполлонія, какъ сей отъ Виргилія.

Конецъ первой части.

ПОПРАВКИ ВЪ I ЧАСТИ.

Напечатано.			*Читать должно.*
	стран:	стр:	
о такомъ - - - -	II.	24.	о такомъ
было - - - - -	IV.	11.	было бы
которой - - - -	VI.	26.	которой
кажется - - - -	XV.	13	кажется
вѣкоторые - - -	„	19.	нѣкоторые
въ осьмнадцатый	XVIII.	9.	въ семьнадцатый
у всѣхъ писашей	XXV.	25.	у всѣхъ писателей
и въ осьмнадцатый -	2.	3	и въ семьнадцатый
сей науки - - -	„	28.	сей науки;
правилъ - - - -	„	34.	правилъ,
Корнелія - - - -	12.	24.	Корнеля
объясненіе - - -	15.	21.	объясненіе:
Корнеліево, - - -	23.	22.	Корнелево,
Корнелій - - - -	30.	12.	Корнель
блѣднѣетъ - -	72.	32.	*блѣднѣетъ*,
отверзтой - -	73.	61.	*отверзтою*
а - - - - - -	76.	1.	à
пылаешъ - - - -	„	20.	пылаетъ
конямя - - - -	77.	5.	конями
Виругъ - - - -	„	16.	вкругъ
очечь - - - - -	79.	4.	очень
составлявшаго - -	86.	1.	составлявшаго
говорящъ, - - -	88.	18.	говорятъ,
необходимость - -	90.	20.	необходимость
польстишь - - -	94.	28.	польстишь
превозходсшво - -	65.	5.	превозходство
пошому - - -	„	20.	потому
ошчаявались - - -	„	„	отчаявались
snbjuguer - - -	„	30.	subjuguer
наше - - - - -	98.	10.	наше
въ букварѣ - - -	99.	20.	въ грамматикѣ
и шакъ - - - -	101.	2.	и такъ
осшерегаемся - -	102.	19.	остерегаемся

Напечатано		*Читать должно.*	
	стран:	стр:	
односложхыхъ - - -	„	22.	односложныхъ
способы - - - - -	„	34.	способы
потому - - - -	103.	17.	потому
разсуждніи - - -	104.	15.	разсужденіи
Qni - - - - - - -	105.	2.	Qui
couduit - - - -	„	„	conduit
бо́льшомъ - - -	106.	11.	бо́льшемъ
неизвѣсшномъ - -	107.	34.	неизвѣстномъ
иначе — - - - - -	109.	5.	иначе;
вре; - - - - - -	„	8.	вре-
научиться - - -	111.	20.	научиться
прибавишь - - -	112.	22.	прибавить.
пеерстали - - -	127.	3.	перестали
представляю - -	128.	3.	предоставляю
на предпослѣднимъ сло-		21.	на предпослѣднемъ
гомъ, - - - - - -	„		слогѣ
кажется мнѣ - - -	„	22.	кажется мнѣ,
непоняпнымъ - -	129.	12.	непоняпнымъ
въ достоинсшво - -	„	20.	въ достоинство
ни кому - - - -	„	21.	никому
сыграаъ - - - -	140.	28.	сыгралъ
Боговъ и Героевъ,	149.	24.	боговъ и героевъ,
трагедія - - - -	150.	23.	трагедія,
Горударь - - - -	153.	18.	государь,
отнять? - - - -	158.	9.	отнять.
изтектія - - - -	159.	8.	изтекшія.
навзикая - - - -	184.	7.	Навзикая,
отклоняющія -	201.	17.	*отклоняющія*
въ небольтой - -	203.	27.	въ небольшой
безѣ всякаго - -	216.	28.	безъ всякаго
говоришъ - - - -	228.	33.	говоритъ
утперждаетъ - -	229.	17.	утверждаетъ
какѣ - - - - - -	242.	22.	какъ
m obéir - - -	245.	16.	m'obéir
Fortuna - - -	259.	19	Fortuna
dnxit - - - -	260.	1.	duxit

Напечатано		*Читать должно.*	
	стран:	стр:	
Eturos; - - - - -	„	22.	Euros;
Incertnm - - -	260.	23.	Incértum
puppimdubius - -	„	23.	puppim dubius
vudique - - - - -	„	„	vndique
perrnmpe - - - -	„	36.	perrumpe
fnnere - - - - -	262.	33.	funere
fluctibns - - -	262.	9.	fluctibus

Brad

Mar.
126 p.

N
45-

ЛИКЕИ

1